

ОБЗОРЫ

Погружение в историю военного времени

ПЬЕР МАРИЙО¹

МОЙ ОПЫТ ВОЙНЫ. ДЕТСТВО В ОККУПИРОВАННОЙ ЛА-РОШЕЛИ (ОКОНЧАНИЕ)*

¹ доктор лингвистики, ассоциированный исследователь,
Университет Тулузы им. Жана Жореса (Франция)
p.marillaud.cals@orange.fr

Переводчик с французского:

Наталья Николаевна Белозёрова²

² доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет
natnicbel@gmail.com

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-3-168-249

L'année 1942

Puisque je viens d'évoquer des défilés allemands, je tiens à dire que le prestige que j'accordais à nos ennemis, nos vainqueurs, s'effrita quand je les vis sur la Place d'armes, à plusieurs occasions, défiler au « pas de l'oie ». Je ne suis pas un antimilitariste, mais les « coups de

1942

Поскольку я ранее рассказывал, как дефилировали немцы, я хотел бы подчеркнуть, что престиж, которым, на мой взгляд, обладало дефиле наших врагов, наших победителей, рухнул, когда я несколько раз наблюдал, как они маршировали по Оружейной площади

* Данная статья является продолжением обзора, опубликованного в № 1, 2 журнала «Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates» за 2020 г.

mentons » et la gestuelle militaire m'ont toujours paru ridicules au même titre que la gestuelle des prêtres, des pasteurs, des rabbins et des imams, voire parfois celle des autorités lors de certaines cérémonies. Or cela je l'ai ressenti très jeune et j'ai déjà expliqué pourquoi à 5 ans j'avais refusé d'être déguisé en Saint-Joseph pour Noël 1939. Ce *pas de l'oie*¹ ne m'impressionna pas du tout, alors qu'il est fait justement pour impressionner et que bien des Rochelais semblaient admirer cette démarche heurtée, tendue, transformant chaque soldat en pantin.

C'est quand les « doryphores »², car on les appelait aussi par le nom de cet insecte parasite de la *Kartoffel* (la pomme de terre) qui, paraît-il, constituait l'essentiel de leur nourriture dans leur pays d'origine, faisaient des démonstrations de mouvements ordonnés sur la Place d'Armes que j'eus mes premiers contacts avec l'allemand oral. Ils venaient bagotter³ (c'est au service

«гусиным шагом» (pas de l'oie). Я не антимилиитарист, но «вскидывание подбородка» и другие ритуальные жесты военных всегда казались мне нелепыми, как и жесты священников, пасторов, раввинов и имамов, а также некоторые жесты политиков во время протокольных церемоний. Я уже писал, как меня в пять лет напугал своей нелепостью предстоящий ритуал в соборе Святого Иосифа на рождество 1939 г. «Гусиный шаг»¹ не произвел на меня тогда никакого впечатления, несмотря на то, что вскидывание прямой ноги во время дефиле было придумано именно для этого. Многие жители Ла-Рошели, казалось, восхищались «гусиным шагом», который превращал каждого солдата в марионетку.

Именно тогда, когда «Колорадские жуки»² маршировали по Оружейной площади (Place d'Armes), я смог усвоить первые уроки немецкого языка. Это был армейский жаргон (*Bagotter*³ — намного позже, будучи на военной службе, я выучил это жаргонное словечко). И у меня до сих пор звучит в ушах: «Das Gewehr auf!» (Оружие вверх!), «Das Gewehr über!» (Оружие

¹ Термин, используемый для обозначения дефиле немецких солдат.

² Parce que la nourriture de base en Allemagne avant la guerre était la pomme de terre, et que le doryphore est un parasite de la pomme de terre dont il mange les pousses quand elles sortent de terre, or en France les Allemands mangeaient tout comme des doryphores — *Прим. авт.* Немцев так называли, поскольку основным продуктом питания в Германии до войны был картофель, а колорадский жук является паразитом картофеля. Французы так называли немцев еще и потому, что они подобно колорадским жукам подчистую съедали все продукты. — *Пер. с фр.*

³ Bagotter vient de l'argot populaire : bagoter ou bagotter, c'est porter les bagages des autres, c'est donc occuper un statut inférieur à ceux dont on porte les bagages. Le mot est passé dans l'armée française où bagotter c'est manipuler des armes, faire des exercices de manipulation d'armes. — *Прим. авт.* Слово bagotter (bagoter) происходит от популярного сленга и означает «нести багаж других». Слово употребляется во французской армии, где bagotter — это обращаться с оружием. — *Пер. с фр.*

militaire, bien plus tard que j'ai appris ce mot d'argot militaire !) et j'ai encore dans l'oreille les « *Das Gewehr auf !* » (portez arme !), « *Das Gewehr über !* » (arme sur l'épaule !), « *Gewehr ab !* » (reposez arme !). Il me semble que les officiers qui lançaient ces commandements détachaient très clairement toutes les consonnes. J'ai découvert bien plus tard lors de mes 28 mois de service militaire obligatoire (9 novembre 1959 au 14 avril 1962 !) qu'en français militaire au contraire on contracte les syllabes : on ne dit pas « *reposez arme* » mais « *rpsez arm !* » et l'on m'a appris à dire « *rpsez* » ! En revanche il y avait aussi chez certains qui commandaient dans l'armée française les amateurs de suspens qui s'exprimaient ainsi : « *Reee-* (2 secondes) *psez !* (2 à 3 secondes) *arme !* ». Le mot « *arme* », dont le « *a* » s'effaçait parfois partiellement au profit du « *o* » disparu de « *reposez* », ce qui donnait un « *aorme* », qui éclatait alors comme un bâton de dynamite ou une grenade.

Mais revenons à l'année 1942, c'est-à-dire 20 ans avant mon service militaire ! Dès que j'étais dans la rue j'entendais de plus en plus parler l'allemand. L'occupant était partout et comme ma ville natale est non seulement belle, mais agréable à vivre, nombreux étaient ceux, quand il n'étaient pas de service, qui arboraient des sourires de touristes béats. Ils remontaient l'avenue du Palais les bras pleins de leurs achats et remplissaient les terrasses des cafés.

Les alertes de plus en plus fréquentes étaient généralement courtes car le rayon d'action des avions de la Royal Air Force

на плечо!), «*Gewehr ab!*» (Опустить оружие!). Мне казалось, что офицеры, которые отдавали эти команды, растягивали слоги, произнося четко только согласные. Я обнаружил гораздо позже, во время прохождения 28-месячной обязательной военной службы (с 9 ноября 1959 г. по 14 апреля 1962 г.), что, отдавая команды на французском языке, мы наоборот сокращаем слоги: мы говорим не «*Reposez arme*» (оружие вниз!), а «*Rpsez arm!*». И меня учили говорить «*Rpsez*»! С другой стороны, были во французской армии и такие любители — командиры, которые выражали себя, растягивая слоги: «*Reee-* (2 секунды) *psez!* (от 2 до 3 сек.) *arme!* [оружие]». При этом слово «*arme*», превращаясь в устаревшее «*aoarme*», взрывалось как динамит или граната.

Но вернемся в 1942 г., т. е. на 20 лет до моей военной службы! На улице я слышал всё больше и больше немецкой речи. Оккупанты были повсюду, и поскольку мой родной город был не только красив, но и всегда прекрасно подходил для отдыха, многие немцы, когда они были не на дежурстве, уподоблялись блаженным туристам. Они прогуливались по Дворцовому проспекту (l'avenue du Palais), неся полные сумки с покупками, и заполняли веранды кафе.

Частые воздушные тревоги становились всё более короткими, поскольку дальность полета самолетов

était plutôt limité, et La Rochelle est quand même assez éloignée des îles britanniques. Seuls leurs gros bombardiers disposant d'un plus grand rayon d'action se permettaient d'occuper notre ciel un peu plus longtemps, et quand ils venaient de nuit tous les projecteurs de la FLAK dessinaient en les cherchant de grandes raies lumineuses que j'aimais regarder. Depuis l'arrivée de mon père je pouvais monter plus souvent au grenier pour observer aux jumelles la guerre dans le ciel.

Je ne sais plus à quelle date exactement, mais c'était, j'en suis sûr en 1942, ma grand-mère maternelle me conduisait chez une de mes tantes qui habitait un immeuble donnant sur le vieux port. Depuis son balcon j'ai souvent dessiné ce vieux port. Or sous les porches de l'avenue du Palais nous croisâmes une dame accompagnée d'une très jolie petite fille d'à peu près mon âge et qui portait, sur le revers de son manteau bleu marine, une étoile jaune. J'avais naïvement demandé à ma grand-mère de me dire si c'était un écusson ou un insigne mais elle fut très embarrassée pour me répondre. Elle m'expliqua d'abord qu'à cause des bombardements sur le port de La Pallice, des familles avaient été transférées par les Allemands dans des endroits moins dangereux (j'ai su bien plus tard que ces familles avaient été expulsées), et qu'on avait mis un signe sur les familles juives, mais qu'il y avait peut-être d'autres signes pour certaines autres religions.

Je me suis contenté de cette réponse mais j'avais compris qu'elle me cachait quelque chose. Sans doute parce que des allusions se faisaient de plus en plus

Королевских ВВС была ограниченной, а Ла-Рошель находится всё-таки достаточно далеко от Британских островов. Только когда они отправляли на нас тяжелые бомбардировщики с большим радиусом действия, воздушная тревога длилась немного дольше. И если это происходило ночью, все прожекторы противовоздушной обороны (FLAK) в поисках бомбардировщиков чертили на небе большие светящиеся лучи, на которые мне нравились смотреть. С момента возвращения моего отца я стал чаще бывать на чердаке и мог следить в бинокль за сражением на небе.

Однажды (я точно не знаю когда, но наверняка в 1942 г.) моя бабушка по материнской линии повела меня к одной из моих тетушек, которая жила в доме с видом на старый порт. Именно с тетиного балкона я часто его рисовал. На повороте к Дворцовому проспекту мы пересеклись с женщиной, которая вела за руку очень симпатичную маленькую девочку моего возраста, на чьем темно-синем пальто была желтая звезда. Я по наивности спросил бабушку, что это был за значок. Бабушка очень смутилась. Сначала она объяснила мне, что из-за бомбардировок в порту Ла-Паллис многие семьи были переселены немцами в менее опасные места (гораздо позже я узнал, что эти семьи были изгнаны), и что это была эмблема еврейских семей, но, возможно, и для последователей некоторых других религий были свои особые эмблемы.

Меня тогда устроил этот ответ; но вместе с тем я понял, что от меня что-то скрывают. Вероятно, потому, что о евреях говорили всё больше и больше,

souvent dans les conversations sur les Juifs et qu'il y avait des affiches près de la Grosse Horloge¹ qui disaient des tas de chose horribles sur eux. J'ai entendu par ailleurs des camarades de classe du Petit Lycée parler de sales juifs, de you-pins, ce qui veut dire qu'ils entendaient ces mots chez eux. Je n'ai jamais oublié le très beau visage encadré de longs cheveux de cette petite fille juive, et de cette première étoile jaune cousue sur le revers gauche de son manteau bleu. J'ai su après la guerre que près de 200 juifs qui habitaient La Rochelle avaient été expulsés et déportés, mais cette affreuse expulsion se fit si discrètement que personne ne semblait s'en être aperçu.

J'ai continué à vivre dans le bonheur que me garantissait l'amour de mes parents. Ils étaient en même temps le véritable bouclier contre la guerre, cette guerre qui restait assez extérieure à mes préoccupations personnelles, même si j'étais très attentif à tout ce que j'entendais dire. Mon père et mon grand-père m'apprirent à ne rien révéler à l'extérieur des conversations qui se tenaient à la maison et j'étais finalement assez fier de savoir « *des choses qu'il faut taire* ». Le monde des adultes avait confiance en moi.

Un bruit nouveau commença à se faire entendre sur les trottoirs de la ville, le bruit que faisaient les chaussures à semelle de bois, portées surtout par les femmes. Je pense que ma mère devait

à côté du bâtiment du vieux port de La Rochelle (la Grosse Horloge¹) visait des affiches, sur lesquelles on voyait des choses horribles sur les Juifs. J'ai entendu par ailleurs des camarades de classe du Petit Lycée parler de sales juifs, de you-pins, ce qui veut dire qu'ils entendaient ces mots chez eux. Je n'ai jamais oublié le très beau visage encadré de longs cheveux de cette petite fille juive, et de cette première étoile jaune cousue sur le revers gauche de son manteau bleu. J'ai su après la guerre que près de 200 juifs qui habitaient La Rochelle avaient été expulsés et déportés, mais cette affreuse expulsion se fit si discrètement que personne ne semblait s'en être aperçu.

Для меня же жизнь оставалась счастливой, что было гарантировано любовью моих родителей и других родственников. Их любовь ко мне была настоящим щитом от войны — войны, которая оставалась совершенно не связанной с моими личными заботами, несмотря на то, что я жадно впитывал в себя всё, что слышал о ней. Мой отец и дедушка приучили меня не рассказывать никому, о чем говорили дома, и я, наконец, гордился тем, что знал *о том, что надо скрывать*. Взрослый мир доверял мне.

Тем временем на тротуарах города появился новый шум — стук ботинок на деревянной подошве, которые стали носить женщины. Подозреваю, что у моей матери было несколько пар

¹ La Grosse Horloge Musées et sites de visite à La Rochelle — La Rochelle Tourisme. URL: <https://www.larochelle-tourisme.com/musees-et-sites-de-visite/la-grosse-horloge>

avoir plusieurs paires de chaussures de cuir en réserve car je ne l'ai jamais vue porter des chaussures à semelles en bois, mais les deux domestiques qui venaient travailler à la maison, la femme de ménage et la laveuse (Paulette n'avait pas été remplacée) en portaient, et elles faisaient beaucoup de bruit quand elles montaient les escaliers. Il y eut dans la rue de plus en plus de personnes mal habillées et comme sans doute il y eut de plus en plus de personnes ayant faim.

Ma grand-mère maternelle me disait qu'il fallait prier le Bon Dieu pour qu'il mette fin à la guerre, mais j'ai pu constater que les deux prières que je récitais le soir avant de m'endormir, un « *Notre Père qui êtes aux cieux... etc.* » et un « *je vous salue Marie pleine de grâce... etc.* » furent totalement inefficaces ; il est vrai qu'elles étaient débitées avec si peu de conviction qu'elles ne pouvaient émouvoir celui qui du haut du ciel était censé conduire nos destinées. Mais je les disais régulièrement car j'avais très peur d'avoir droit à un séjour au purgatoire avant de gagner le paradis...

Ce qui me rassurait quand même c'est que dans la chapelle située à gauche quand on entre dans la grande cathédrale de La Rochelle il y avait une statue d'ange dont la tête pouvait s'incliner. L'ange tenait un tronc avec une fente par laquelle on mettait de l'argent. Dès que les pièces étaient tombées la tête de l'ange s'inclinait en avant pour dire « merci ». Or chaque fois qu'on donnait de l'argent, le temps que notre âme devait passer au purgatoire était raccourci. Ma grand-mère donnait très régulièrement de l'argent à l'ange en m'expliquant que même si

кожаных ботинок в запасе, потому что я никогда не видел, чтобы она носила обувь с деревянными подошвами; но две служанки, которые работали у нас — уборщица и прачка (Полетт, кстати, не заменили), носили их, и было слышно, как стучат их деревянные подошвы, когда они поднимаются по лестнице. На улице всё больше и больше встречалось плохо одетых людей, и, несомненно, всё больше и больше людей страдали от голода.

Моя бабушка по материнской линии говорила мне, что нужно молиться Богу, чтобы война завершилась, но я чувствовал, что две молитвы, которые я читал вечером перед сном — «*Notre Père qui êtes aux cieux...*» («Отче наш») и «*Je vous salue Marie pleine de grâce...*» («Приветствую тебя, Дева Мария, полная благодати») — были совершенно неэффективны. Правда, они читались мной с такой слабой убежденностью, что вряд ли могли подвигнуть на действия того, кто с неба должен был руководить нашими судьбами. Но я повторял их регулярно, потому что очень боялся задержаться надолго в чистилище, прежде чем попасть в рай...

В любом случае меня успокаивало то, что в часовне, расположенной слева от входа в собор Ла-Рошели, стояла статуя ангела, голова которого могла двигаться. Ангел держал сундучок с прорезью для денег. Как только монеты падали внутрь сундучка, голова ангела наклонялась вперед, чтобы поблагодарить. Я знал, что каждый раз, когда мы опускали деньги, время, в течение которого наша душа должна была проводить в чистилище, сокращалось. Моя бабушка очень часто давала деньги ангелу, объясняя мне, что

elle savait que je ne ferai jamais de gros péchés, dits *mortels*, elle donnait pour les petits péchés que je risquais de faire. Même dans l'au-delà il était prévu que je serais protégé ! C'est ainsi que l'Église catholique pendant plusieurs années encaissa comme les sociétés d'assurance, de l'argent à l'avance pour les fautes qu'éventuellement je commettrais !

L'hiver 1941-1942 fut très froid or il n'y avait pas le chauffage central dans notre maison, mais chaque pièce avait une cheminée. On ne trouvait ni bois ni charbon pour se chauffer, et, nos réserves de boulets de charbon épuisées, mon père réussit à faire entrer de la tourbe qui permit quand même de diffuser un peu de chaleur dans la maison, mais tout le monde se groupait près des cheminées, chiens et chats compris. Parfois on mettait sur le feu avant d'aller au lit des petites plaques faites avec de la poussière de charbon, de la terre collante et de l'eau qui faisaient durer le feu plus longtemps dans la cheminée. Des radiateurs électriques dont les résistances faisaient de belles spirales rouges incandescentes apportaient un supplément de chaleur dans les chambres et aussi une vague lueur rose que j'aimais regarder dans la nuit avant de m'endormir. Un jour de ce long hiver mon grand-père me montra le journal sur lequel était écrit qu'il avait fait -30 dans le Massif Central. Il ne faisait pas aussi froid à La Rochelle, mais tout était gelé et il y eut à plusieurs reprises de la neige. Malheureusement, il ne fut pas question d'aller aux sports d'hiver

même si elle savait que je ne ferai jamais de gros péchés, dits *mortels*, elle donnait pour les petits péchés que je risquais de faire. Même dans l'au-delà il était prévu que je serais protégé ! C'est ainsi que l'Église catholique pendant plusieurs années encaissa comme les sociétés d'assurance, de l'argent à l'avance pour les fautes qu'éventuellement je commettrais !

Зима 1941/42 г. была очень холодной. В нашем доме не было центрального отопления, однако в каждой комнате был камин. Это почти не спасало, потому что не было ни дров, ни древесного угля, чтобы разжечь камины. Но когда наши запасы каменного угля были исчерпаны, моему отцу удалось раздобыть торф, благодаря которому удалось немного обогреть комнаты, и у каминов собирались все обитатели дома, включая кошек и собак. Иногда перед тем, как лечь спать, мы разжигали камин плоскими лепешками, напоминавшими тарелки, которые были слеплены из угольной пыли, глины и воды, — они не давали огню угаснуть. Иногда приносили электрические обогреватели, чьи красивые красные светящиеся спирали давали дополнительное тепло — на их мерцающее розовое свечение я любил смотреть ночью перед тем, как заснуть. Однажды той долгой зимой мой дедушка показал мне дневник, где он записал, что в районе Центрального массива Франции было минус 30 градусов. В Ла-Рошели было не так холодно, но все водоемы застыли, и несколько раз шел снег. К сожалению, той зимой не

à Superbagnères ou à Gourette, dans les Pyrénées.

Ma chambre après le retour de mon père ne se trouvait plus au premier étage car elle fut déplacée au deuxième. Elle ne donnait plus sur la rue, mais sur les toits avec vue sur la grande véranda qui couvrait l'atelier des typographes. En fait ce fut une grande chambre commune à mon frère et à moi dans laquelle nous avions toute la place nécessaire pour installer le train électrique, construire des ponts et des grues avec les boîtes de meccano, installer des armées, et même ériger des villes avec le très grand nombre d'éléments de nos jeux de construction.

L'été se passa comme les précédents mais, mes grands-mères, quand elles nous emmenaient à la plage, n'étaient pas sollicitées par les jeunes soldats allemands pour nous lire des histoires ou nous offrir du chocolat comme l'avait été la pulpeuse Paulette qui me manquait beaucoup. Elle avait su nous aimer, mon frère et moi, et elle s'était souvent faite notre complice quand nous faisions des bêtises, car il faut savoir que les enfants font autant de bêtises en temps de guerre qu'en temps de paix. J'ai compris plus tard qu'il en était de même pour les adultes...

J'écoutais souvent Radio-Paris, même si je ne comprenais pas tout, mais

было и речи о том, чтобы покататься на лыжах на пиренейских зимних курортах Супербаньер (Superbagnères) или Гуретт (Gourette).

После возвращения отца я больше не жил в комнате на втором этаже, из окон которой хорошо было слышно цоканье каблуков немецких солдат. Детская была перенесена на третий этаж. Ее окна выходили на крыши и на большую веранду, которая находилась над типографией. Это была большая общая комната для моего брата и меня, в которой у нас было много места для игрушечной железной дороги и электропоезда, строительства мостов и конструирования кранов из металлических деталей «Меккано», а также расположения сражающихся армий и даже возведения городов с помощью многочисленных игрушечных строительных наборов.

Лето прошло, как и предыдущие, но когда наши бабушки отводили нас на пляж, молодые немецкие солдаты не стремились читать нам сказки или угощать шоколадом, как они поступали прошлым летом в присутствии жизнерадостной Полетт, по которой я очень скучал. Она любила меня и моего брата, принимала участие в наших проказах, выгораживала нас, когда мы совершали глупости — потому что дети совершают столько же глупостей в военное время, сколько и в мирное. Позже я понял, что это эта закономерность была присуща и взрослым...

Я часто слушал «Радио Парижа», хотя и не всё понимал, о чем говори-

mon grand-père me donnait toutes les explications nécessaires, plus que ne le faisait mon père qui était très occupé par la gestion de « l'entreprise » (comme on dit aujourd'hui) et par la recherche de fermes dans les environs de la ville où il achetait de la nourriture. Or, au mois de mars Radio-Paris se mit à vomir des injures contre les Anglais qui avaient « osé bombarder pendant deux heures les usines Renault de Billancourt et tué de nombreux français ». Ces vociférations de Radio-Paris étaient prononcées par une voix détestable que j'ai du mal à définir mais que j'entends encore, celle de Jean Hérold-Paquis qui parlait tous les soirs à la suite des informations dans ce qui s'appelait « La chronique militaire de Radio-Paris ». Ce journaliste d'extrême droite encensait les nazis, reprochait au régime de Vichy d'être trop faible, pas assez sévère avec les Juifs, les Francs-maçons, les Communistes, et tous ceux qu'il considérait comme des traîtres à la patrie. Ses propos étaient lancés sur la tonalité haineuse de cette voix qui débita pendant des années les pires méchancetés, les pires horreurs, les pires injures, mais aussi les pires bêtises qu'on puisse imaginer. Je suis opposé à la peine de mort depuis très longtemps, depuis que j'ai pris conscience de ce qu'est, ou devrait être, la politique et la justice, mais je ne regrette pas que ce monstre ait été fusillé à la Libération... Je ne suis pas fier d'écrire cela, mais c'est pourtant ce que je ressens au plus profond de moi dès que j'entends son nom ou le vois écrit. Et là, à cet instant, parce que je viens de nommer ce salaud, c'est le joli visage de la petite fille avec son étoile jaune, croisée sous les porches de l'avenue du Palais, qui me réapparaît.

лось. Мой дедушка объяснял мне всё, что не сразу укладывалось у меня в голове. Отец тоже объяснял, но реже, чем дедушка, поскольку был очень занят управлением нашим «бизнесом» и поиском пригородных ферм, где можно было купить еду. Однако в марте «Радио Парижа» начало «изрыгать» оскорбления в адрес англичан, которые «осмелились в течение двух часов бомбить заводы Renault в Бийанкуре и убили много французов». Всё это произносилось отвратительным голосом, который мне трудно описать, но который я до сих пор слышу, — голосом предателя Франции Жана Эрольда-Пакиса (Jean Hérold-Paquis), который вел каждый вечер после новостей передачу «Военная хроника „Радио Парижа“». Этот крайне правый журналист хвалил нацистов, обвинял режим Виши в том, что тот слишком слаб, недостаточно жесток с евреями, масонами, коммунистами и всеми теми, кого он считал предателями родины. Он начинал говорить на визгливой ноте, тон его голоса, который в течение многих лет извергал гадкую мерзость, худшие оскорбления, восхвалял явные ужасы, а также нес сущую бессмыслицу, был мне ненавистен. Я всегда был против смертной казни, т. к. я рано осознал, что такое политика и какой должна быть справедливость, но я не сожалею, что этот монстр был застрелен при Освобождении Франции... Каждый раз, как я слышу имя этого ублюдка или вижу его написанным, я испытываю чувство глубокого омерзения. И каждый раз перед глазами возникает симпатичное лицо маленькой девочки с желтой звездой на темно-синем пальто, с которой мы пересеклись у поворота на Дворцовый проспект.

Je ne cherche pas à t'attendrir, cher lecteur, mais il est des choses insupportables, c'est-à-dire qu'on ne peut pas supporter..., et le racisme et l'antisémitisme sont les principales. Qu'il soit dit au moment où le vieil homme que je suis devenu, écrit ces lignes, que je n'aurais jamais cru voir renaître le nazisme et l'antisémitisme en France, sous des formes camouflées, ainsi que dans d'autres pays de l'Europe. Je soutiens sans la moindre réserve le combat que mène contre l'antisémitisme l'éminent professeur en Sciences du Langage, directeur de recherche au CNRS¹, François Rastier², et je fus véritablement effondré quand je lus la manière avec laquelle il fut insulté par des antisémites admirant le philosophe Martin Heidegger qui figure depuis peu au programme de l'agrégation de philosophie en France. Faut-il rappeler qu'avant la guerre dont je parle, ce soi-disant philosophe (car pour moi il y a incompatibilité totale entre philosophie et nazisme) organisait pour ses étudiants des week-ends de formation à l'idéologie nazie, et terminait chacune de ses lettres par la formule « Heil Hitler ».

Pardonne-moi cher lecteur, mais si je tente en écrivant de faire remonter mon enfance passée, il arrive que l'évocation du passé me fasse à son tour venir à l'esprit quelques sinistre vérités de notre présent !

Я не пытаюсь вызвать сочувствие, дорогой читатель, но есть вещи, с которыми нельзя смириться; среди них главные расизм и антисемитизм. Прожив долгую жизнь, я могу с уверенностью сказать, что со времен Освобождения я никогда не думал, что увижу, как во Франции и в других странах Европы возрождаются нацизм и антисемитизм, пусть и в замаскированных формах. Я искренне поддерживаю борьбу против антисемитизма Франсуа Растье², выдающегося лингвиста, который руководит исследовательскими работами в национальном исследовательском центре (CNRS¹), и я был по-настоящему обескуражен, когда прочитал, каким недостойным образом его оскорбляли антисемиты, восхищавшиеся философом Мартином Хайдеггером, чьи работы недавно были включены в отборочную программу для преподавателей философии во Франции. Должны ли мы помнить, что перед войной, о которой я пишу, этот так называемый философ (потому что для меня полностью несовместимы философия и нацизм) организовал для своих студентов воскресную школу по обучению нацистской идеологии и заканчивал каждое свое письмо фразой «Хайль Гитлер»?

Прости меня, дорогой читатель, если я отступил от своего повествования, но иногда настоящее, отмеченное зловещими предчувствиями, может врываться в прошлое точно так же, как прошлое может врываться в настоящее!

¹ Centre national de la recherche scientifique.

² Rastier François (2015): « Heidegger, naufrage d'un prophète ». Paris P. U. F.

A l'automne de l'année de cette année 1942 les radios annoncèrent le débarquement des troupes américaines en Afrique du Nord, ce qui inquiéta les Allemands qui envahirent immédiatement la zone dite « libre »... le 11 novembre en ignorant totalement les accords de l'armistice qu'ils avaient signés avec Pétain. Radio Londres diffusait des informations qui nous donnèrent de l'espoir, mais un véritable drame allait suivre cette invasion : le sabordage de notre flotte le 27 novembre à Toulon. J'ai déjà évoqué ce drame, mais si j'y reviens c'est que le sabordage de notre flotte était comme une sorte de prolongement de la débâcle de l'armée française en 1940. Ce sabordage, dont on parla beaucoup à la maison, et ce d'autant qu'un de mes oncles était médecin militaire à Mers-El-Kébir, me donna l'impression que nous n'étions plus rien, même s'il avait permis de ne pas livrer nos bateaux aux Allemands. Mon père et mon grand-père étaient catastrophés. Ce dernier fit remarquer que Pétain avait été incapable de réagir, ce qui ne l'étonnait pas.

Craignant que désormais les bombardements s'intensifient, mon père prit contact avec des gens d'un village nommé Mauzé sur-le-Mignon situé à une cinquantaine de kilomètres de La Rochelle, pour y acheter ou louer une maison. Il y avait peu de chances en effet que ce village, qui était en zone occupée depuis l'armistice, devienne un lieu de séjour particulier pour les Allemands et présente, de ce fait, un intérêt pour les bombardiers anglais. Il était prévu que nous partirions, mon frère et moi, à Mauzé avec mon grand-père et ma grand-

Осенью 1942 г. радиостанции объявили о высадке американских войск в Северной Африке, что обеспокоило немцев, которые немедленно 11 ноября вторглись в т. н. «свободный» район, полностью игнорируя соглашение о перемирии, которое они подписали в 1940 г. с Петеном. «Радио Лондона» транслировало информацию, которая давала нам надежду, но за этим вторжением последовала настоящая трагедия — затопление нашего флота в Тулоне 27 ноября. Я уже упоминал об этой драме, однако я возвращаюсь к этому событию потому, что уничтожение нашего флота было своего рода продолжением разгрома в 1940 г. французской армии. Затопление флота, о чем много говорили дома (тем более что один из моих дядей был военным врачом в Мерсэль-Кебуре), создало у меня впечатление, что мы превратились в Ничто, даже если наши корабли и не достались немцам. И отец, и дед были морально опустошены. Дед говорил о полной беспомощности Петена, чему он не удивлялся.

Опасаясь, что бомбардировки будут усиливаться, мой отец задумал купить или арендовать дом в небольшой деревне под названием Мозена-Миньоне (Mauzé sur-le-Mignon), расположенной среди полей примерно в пятидесяти км от Ла-Рошели. Эта деревня после заключения перемирия оказалась в оккупированной зоне; она была далеко от промышленных или военных объектов и поэтому вряд ли представляла интерес как для немцев, так и для английских бомбардировщиков. Планировалось, что мы с братом

mère, et que mes parents viendraient nous y voir régulièrement, ce qui me tranquillisa. Bien sûr je me suis assuré tout de suite que je pourrais y emporter mes principaux jouets. Mais ce départ ne m'enchantait qu'à moitié : d'une part il y avait certes le plaisir de la nouveauté, voire d'une nouvelle façon de vivre qui me séduisait, mais en même temps l'éloignement de mes parents, mais aussi de la ville, de son port, de la piscine du parc, m'angoissait. On allait m'inscrire dans une nouvelle école et je perdrais mes camarades du Petit Lycée ! Heureusement ce projet ne se réalisa pas pour des raisons que j'ignore encore aujourd'hui.

Cher lecteur, je vais encore raccrocher mes petites histoires à quelques événements de la grande Histoire.

Radio-Paris, et particulièrement Jean Hérold-Paquis, vantaient les exploits militaires de la L.V.F. qui faisait partie des opérations sur le front russe avec d'autres groupes militaires de l'extrême droite de différents pays alliés de l'Allemagne. *La Légion des Volontaires Français contre le Bolchevisme* créée, je crois, en 1941 par Laval, était une armée de soldats français qui portaient l'uniforme de la Wehrmacht mais avec un écusson bleu blanc rouge sur la manche gauche ! Aujourd'hui encore penser à cela me met mal à l'aise !

Je n'en dirai pas plus sur ce qui fut une des hontes de la France de Pétain. Or la radio anglaise que mes parents et

поедем в Мозе с дедушкой и бабушкой, и что родители будут регулярно навещать нас, что несколько успокоило меня. Конечно, я сразу же убедился, что смогу взять с собой свои главные игрушки. Предстоящий отъезд вызывал у меня двойственные чувства: с одной стороны, меня соблазняло удовольствие от новизны, от нового образа жизни; с другой, мне не хотелось быть далеко от родителей, от города, его порта, а также от бассейна в парке. Всё это разрывало меня на части. Мне бы пришлось записаться в новую школу, и я бы больше не увидел своих друзей из Младшего лица.

К счастью, по неизвестным мне причинам эти планы не осуществились, и я остался в Ла-Рошели, где, слушая радио, я постигал великую Историю.

«Радио Парижа», и в особенности комментатор Жан Эрольд-Пакис, восхваляли военные подвиги Легиона французских добровольцев Л. Ф. Д. (L. V. F. — La Légion des Volontaires Français contre le Bolchevisme). Деятельность легиона была частью военных операций гитлеровцев на русском фронте совместно с другими крайне правыми военными группировками из различных союзных стран Германии. Легион французских добровольцев против большевизма был создан в 1941 г. Это было подразделение французских солдат, одетых в форму вермахта, но с сине-бело-красным значком на левом рукаве.

Это был один из величайших позоров петеновской Франции, и я не хочу говорить ни об этом легионе, ни о его

grands-parents écoutaient toujours régulièrement, malgré les brouillages, donnait des informations sur les difficultés de plus en plus grandes que rencontrait l'armée allemande attaquée par les partisans russes, et aussi par le froid. Elle n'avait pas réussi à s'emparer de Leningrad, elle n'avait pas pu atteindre Bakou, et les choses tournaient plutôt mal pour elle à Stalingrad.

Je reviens à La Rochelle. Parmi les clients allemands de notre librairie, il y avait un officier fêru de culture française, qui achetait des romans français et qui parlait parfaitement notre langue. Il aimait tout particulièrement Balzac et Maupassant. Or un jour qu'il était venu acheter un livre, il parla un peu avec ma mère et lui annonça qu'il ne resterait sans doute pas longtemps encore un client de notre librairie car il pensait qu'il allait être transféré sur le front russe. Ma mère, spontanément lui dit :

— Les choses ne vont pas très bien pour vous en Russie, il semblerait que vous ayez quelques ennuis.

Il fut interloqué et répondit

— Chère Madame, qui vous a donné de telles informations?

Et ma mère, très naïvement, trop spontanément et lui faisant sans doute confiance, répondit :

— Je l'ai entendu hier soir à la radio anglaise...

— Madame, vous avez de la chance qu'il n'y ait pas en ce moment un autre client allemand dans votre magasin, sinon j'aurais été obligé de vous arrêter immé-

подвигах. Вместе с тем английская радиостанция, которую, несмотря на помехи от глушилок, мои родители, дедушка, а также обе бабушки слушали регулярно, информировала о растущих трудностях, с которыми сталкивалась немецкая армия, включая партизанскую войну и жуткий холод. Немцы не смогли захватить Ленинград, не смогли добраться до Баку, и в Сталинграде их дела шли довольно-таки плохо.

Вернемся в Ла-Рошель. Среди немецких покупателей нашего книжного магазина был клиент, прекрасно говоривший на нашем языке и увлеченный французской культурой, который купал французские романы. Особенно ему нравились Бальзак и Мопассан. Однажды, когда этот покупатель пришел за очередной книгой, он, обменявшись парой слов с моей матерью, объявил, что, вероятно, он недолго еще будет покупать книги в нашем магазине, потому что его собираются перевести на русский фронт. Моя мама машинально сказала ему:

— В России дела идут не очень хорошо, похоже, у вас неприятности.

Он был озадачен и ответил:

— Мадам, откуда у вас эта информация?

И моя мать, слишком наивно, слишком спонтанно и, несомненно, доверяя ему, ответила:

— Я вчера вечером слышала об этом по английскому радио...

— Мадам, вам повезло, что в вашем магазине сейчас нет другого покупателя из Германии, иначе я был бы вынужден немедленно арестовать вас.

diatement. Si un jour vous étiez dénoncée et que je sois obligé de vous arrêter je serais obligé de le faire comme si je ne vous connaissais pas et ce serait très grave pour vous et votre famille.

Sur ce il la salua et repartit. Les deux vendeuses étaient pétrifiées et ma mère dut les calmer. Mon père était à l'imprimerie quand se produisit cette scène et c'est à mon grand-père que ma mère raconta cet incident en premier. Il sermonna sa fille, lui affirmant qu'il ne faut jamais faire confiance aux militaires Allemands. Bien sûr une atmosphère bizarre régna dans la maison pendant plusieurs jours, mais le client allemand revint chercher des livres pendant encore deux ou trois mois sans jamais évoquer l'incident que je viens de relater. Donc cet Allemand-là méritait qu'on lui fit confiance. Il ne faut pas confondre nazi et Allemand, mais ce n'est pas toujours facile, même si c'est la raison qui l'impose.

Tout le monde continua à écouter la radio anglaise et si à 8 ans je n'étais pas capable de comprendre tout ce qui se passait à la surface de la planète, aux vagues commentaires que j'entendais, il était clair que les choses n'allaient pas bien pour Hitler.

Je ne sais plus quels jouets le père Noël apporta à mon frère, mais je trouvai ce matin du 25 décembre 1942 un cyclo-rameur¹ qui me permettait d'avancer en actionnant deux bras métalliques avec poignées que l'on poussait puis tirait en réalisant des gestes qui pouvaient évoquer ceux des rameurs. Ma mère m'expliqua que si le père Noël m'avait porté

И если бы однажды на вас донесли, и мне пришлось бы вас арестовать, я бы сделал это так, как будто я вас не знаю, и это имело бы серьезные последствия для вас и вашей семьи!

Сказав это, он попрощался и ушел. Две наши продавщицы окаменели, и моей матери пришлось их успокаивать. Мой отец был в то время в типографии, поэтому о том, что произошло в магазине, первым узнал мой дед. Он долго ругал дочь, говоря, что никогда нельзя доверять немецким военным. Конечно, в доме в течение нескольких дней царил напряженная атмосфера, но тот немецкий офицер покупал в нашем магазине книги еще два или три месяца, даже не намекая на инцидент, который я только что описал. Так что тот немец заслуживал доверия. Не надо путать нациста и немца, хотя это не всегда легко, какова бы ни была причина.

Все продолжали слушать английское радио, и если в восемь лет я не мог понять всё, что происходило на поверхности нашей планеты, из смутных комментариев, которые я слышал, было ясно, что у Гитлера дела шли не совсем хорошо.

Я не помню, какие игрушки Санта-Клаус принес моему брату, но я помню, что утром 25 декабря 1942 г. я нашел у моих башмаков «гребной» велосипед¹, который мог двигаться вперед, если нажимать при помощи рычагов на его две металлические рукоятки. На эти рычаги надо было сначала нажать, затем потянуть их на себя, как во время

¹ Cyclorameur // Jouetsdupassé. URL: <http://jouetsdupasse.centerblog.net/325-cyclorameur>

ce jouet c'était pour développer mes bras. C'était un superbe appareil bleu métallisé avec un siège blanc, et, malgré tous les doutes que je commençais à avoir sur l'existence du Père Noël, je me suis vraiment demandé ce jour-là comment il avait pu faire passer le cyclo-rameur par la cheminée, mais comme le père Noël chez moi se confondait tantôt avec Saint Nicolas, tantôt avec Jésus, tout était possible. Il me semble que ce fut ma dernière année de croyance au « *Petit papa Noël* » qui sera chanté deux ans plus tard par Tino Rossi et deviendra un succès international. En revanche, ce dont je suis sûr c'est que j'ai continué à faire semblant d'y croire d'abord pour préserver le maintien de mon frère dans cette illusion, ensuite pour que mes parents n'abandonnent pas le caractère magique qu'ils donnaient à cette fête qui nous valut de recevoir des jouets et des jeux pendant plusieurs années encore.

Radio-Paris encourageait les enfants à envoyer des cartes de Noël ou de vœux pour la nouvelle année au Maréchal Pétain, mais il n'en fut pas question chez moi, même si j'ai continué à chanter « Maréchal ! Nous voilà ! » chaque matin avant le début de la classe sous la baguette de notre institutrice qui était obligée d'obéir aux ordres de l'administration.

L'année 1943

Rien ne changea à La Rochelle au début de l'année 1943, du moins pour la vie que nous menions mon frère et moi. Certes il

гребли на лодке, и после велосипед начинал вдруг двигаться. Моя мама объяснила мне, что Санта-Клаус принес мне этот велосипед, чтобы я укреплял свои руки. Он был великолепный: синий с металлическими деталями и с белым сиденьем. И, несмотря на все сомнения, которые у меня возникали по поводу существования Санта-Клауса, я действительно был счастлив в тот день, когда смог проехать на гребном велосипеде перед камином. Для меня Санта-Клаус иногда сливался со святым Николаем, иногда с Иисусом — всё возможно, если верить в чудеса. Мне кажется, что это был последний год, когда я верил в Санта-Клауса, «Маленького Санта-Клауса», песню о котором Тино Росси спел спустя два года, и она станет популярной во всем мире. С другой стороны, в чем я уверен, так это в том, что я продолжал притворяться, что верю в Санта-Клауса, чтобы сохранить эту иллюзию у моего брата. Кроме того, я не хотел, чтобы мои родители отказались от «магии праздника», так что мы еще в течение ряда лет получали на Рождество игры и игрушки.

Между тем «Радио Парижа» побуждало детей отправлять рождественские или новогодние поздравительные открытки маршалу Петену, но дома меня никто не заставлял это делать. Зато в лицее каждое утро перед началом занятий под взмахи руками нашей учительницы, вынужденной подчиняться администрации, я продолжал петь «Маршал! Вот и мы!».

1943 год

Ничего не изменилось в Ла-Рошели в начале 1943 г., по крайней мере, для меня с братом. Конечно, продолжались

y eut des alertes aériennes, donc des hurlements de sirènes et des descentes dans les caves, et comme d'habitude c'est La Pallice, et sa base sous-marine en voie d'achèvement, qui étaient bombardées.

Disons que notre vie s'écoulait comme un fleuve calme, et que le tumulte et les combats du monde des adultes qui se produisaient sur ses rives, ne troublaient pas trop nos jeux d'enfants ni les moments que je passais à l'école.

Mais les nouvelles données par la radio anglaise au début du mois de janvier, à je ne sais plus quelle date précise, je les ai retenues, car depuis que le Bismarck avait été coulé, il ne s'était rien produit de vraiment important, ou du moins je ne l'avais pas su.

Or j'entends mon grand-père prononcer un nom qui ne ressemblait pas à un nom allemand : « Paulus s'est rendu à Stalingrad ». Certes je n'imaginai pas que cet événement allait faire basculer la grande Histoire, mais les commentaires que déclencha cette nouvelle chez les grandes personnes, me firent comprendre que c'était très important. Mon père disait, « ils commencent à coincer ! » avec un air de grande satisfaction, quant à mon grand-père il m'expliqua que Paulus était le nom d'un général allemand qui venait de se rendre aux Russes avec toute son armée. Je croyais que tous les noms allemands finissaient en « ein », « mann », « eld », etc., mais « us » m'étonnait.

Ainsi cette armée allemande qui était installée dans ma ville, qui y faisait la loi, qui fouillait les gens et exigeait « Ausweis ! » (ce mot je les entends encore le prononcer !) pour ceux qui étaient obligés de se rendre dans la zone

воздушные тревоги: вой сирен оповещал о налетах, приходилось спускаться в подвал, и, как обычно, бомбили порт Ла-Паллис и его базу для подводных лодок, строительство которой было близко к завершению.

Можно сказать, что наша жизнь текла как спокойная река, и что шум и сражения в мире взрослых, которые охватили ее берега, не слишком мешали нашим детским играм и моему пребыванию в школе.

Из новостей, передаваемых по английскому радио в начале января, мне почти ничего не запомнилось, потому что с тех пор, как немецкий крейсер «Бисмарк» был потоплен, ничего важного не происходило, как мне казалось.

И вот я слышу, как мой дед произносит имя, которое не похоже на немецкое, — Паулюс: «Паулюс отправился в Сталинград». Признаюсь, я не думал, что это событие потрясет великую Историю, но комментарии взрослых озадачили меня: я понял, что речь идет о важном событии. Мой отец с удовольствием повторял: «Они начинают застревать, они начинают застревать!» Что касается моего деда, он объяснил мне, что слово «Паулюс» было именем немецкого генерала, который только что сдался русским со всей своей армией. Я думал, что все немецкие имена заканчиваются на «-ein», «-mann», «-eld» и т. д., а окончание «-us» меня тогда удивило.

Выходило, что эта немецкая армия, которая оккупировала мой город, которая правила в нем, солдаты и офицеры которой обыскивали людей и требовали «Ausweis!» (пропуск — я до сих пор слышу, как они произносили

interdite de La Pallice, cette armée qui m'impressionnait, je l'ai déjà dit, par son ordre et par sa puissance, cette imbattable armée allemande était battue à Stalingrad par une armée russe !

Mon grand-père alla chercher un grand atlas et me montra où se trouvait Stalingrad entre le Don et la Volga.

Il y a cinq ans, à Tyumen, j'ai eu le privilège de participer à une cérémonie donnée en l'honneur de Georgy Babkine (1924-2019), un « héros » de la 2e guerre mondiale qui avait été aussi le fondateur d'une université en Sibérie. J'ai pu lui serrer chaleureusement la main et lui dire à quel point le terrible combat qu'avait mené l'armée russe contre l'Allemagne nazie avait été le début de l'espoir, pour le petit garçon de huit ans vivant au bord de l'Atlantique, mais aussi pour la France entière sur laquelle flottaient partout des croix gammées.

Ainsi les ennuis dont avait parlé ma mère par mégarde à l'officier allemand amateur de romans français, s'étaient vérifiés et transformés en une véritable débâcle suivie de la capitulation de Paulus, de 24 généraux, de sa sixième armée entière avec une grande quantité de matériel. Radio-Paris ne pouvait cacher ce désastre puisque pour la circonstance, Hitler, furieux j'imagine, avait déclaré une journée de deuil national.

это слово!) у тех, кто был вынужден проходить в запретную зону порта Ла-Паллис; эта армия, которая впечатлила меня своими ритуалами, порядком, могуществом; эта непобедимая немецкая армия была разгромлена русской армией в Сталинграде.

Мой дедушка пошел за большим атласом и показал мне, где находится Сталинград: между реками Доном и Волгой.

Пять лет назад в Тюмени мне повезло присутствовать на юбилейной церемонии, данной в честь Георгия Бабкина (1924-2019), героя Второй мировой войны, который также был одним из основателей университета. Я смог тогда пожать ему руку и сказать, что кровопролитная борьба, которую русская армия вела против нацистской Германии, стала началом надежды не только для маленького мальчика восьми лет, живущего на краю Атлантики, но и для всей Франции, над которой тогда развевались фашистские свастики.

Таким образом, «неприятности», на которые моя мать по неосторожности намекнула немецкому офицеру — любителю французских романов, превратились в настоящую катастрофу, за которой последовала капитуляция Паулюса вместе с его двадцатью четырьмя генералами, вместе с его целой шестой армией, а также вместе с большим количеством военной техники. «Радио Парижа» не смогло скрыть это поражение, потому что по этому случаю Гитлер, я думаю, в ярости объявил день национального траура.

Pour moi, dont le « papa » avait été vaincu et prisonnier, et qui voyais tous les jours les soldats de la Wehrmacht défiler, chanter Heili Heilo, boire dans les cafés de la ville comme s'ils étaient vraiment chez eux, la nouvelle de Stalingrad et de l'immense sacrifice des Russes qui perdirent, m'a-t-on dit bien plus tard, 800 000 hommes au cours de cette immense opération militaire, me donnait l'impression que j'étais un peu moins vaincu, un peu moins dans le camp des vaincus, et un petit peu dans le camp de ces vainqueurs qui venaient de blesser l'immense orgueil de ceux qui se voyaient déjà les maîtres du monde.

Attention cher lecteur, je ne te raconte pas l'histoire de la 2e guerre mondiale, mais, comme je l'ai déjà précisé, je déroule ma toute petite histoire, celle d'un enfant pendant cette guerre. Certains des grands événements qui se déroulaient à la surface de la planète furent tellement relatés, commentés, interprétés, sur les différents postes de T. S. F., mais aussi dans les journaux qui évidemment subissaient la censure de Vichy et de Berlin, que le bambin de 8 ans posait des questions à ses proches, et ramassait beaucoup de bribes des conversations adultes. J'imagine que bon nombre des enfants de 7 ou 8 ans qui ont vécu deux mois de confinement à cause du coronavirus et qui ont sans doute sinon suivi, du moins entendu les informations données par les chaînes de télévision se souviendront toute leur vie de cette pandémie.

Меня, чей отец попал в плен, а затем в концлагерь, и кто видел, как солдаты вермахта каждый день маршировали, пели «Heili Heilo», пили в городских кафе, как будто они были у себя дома, потрясли новости о Сталинграде и об огромной жертве русских, которые потеряли, как мне сказали гораздо позже, 800 000 человек во время той огромной военной операции. У меня сложилось впечатление, что я уже выхожу из лагеря побежденных и что меня пускают в лагерь победителей, которые только что нанесли огромную травму тем, кто уже видел себя хозяевами мира.

Внимание, дорогой читатель, я не излагаю здесь историю Второй мировой войны, но, как я уже сказал, я разворачиваю свою, очень маленькую, историю — историю ребенка, который рос во время той войны. Некоторые из великих событий, которые происходили в то время на поверхности планеты, были так предвзято освещены, прокомментированы, истолкованы и искажены на различных станциях французского радио TSF, а также в газетах, которые явно подвергались цензуре Виши и Берлина, что восьмилетний малыш постоянно задавал вопросы отцу, матери, деду и бабушкам и составлял мозаику из множества фрагментов разговоров взрослых. Я полагаю, что многие из детей семи или восьми лет, которые прожили два месяца в самоизоляции из-за коронавируса и которые, несомненно, слушали информацию, предоставленную различными телевизионными каналами, запомнят на всю свою жизнь пандемию 2020 г.

C'est vers la fin de l'hiver 1943 que j'ai vu un nouveau type de militaires en uniforme et portant un très grand béret penché du côté gauche: les miliciens. Or ces miliciens étaient des français aux ordres de Pétain et de Berlin. Je ne m'étendrai pas sur le sujet mais dans ma famille leur engagement était non seulement désapprouvé mais détesté.

Un grand événement surgit cette année-là dans ma petite histoire : mes parents m'emmenèrent avec eux à Paris. Pourquoi mon père avait-il décidé de retrouver à Paris un de ses camarades prisonniers qui habitait dans le XIVe arrondissement, avenue du Maine? Je n'en sais rien. Nous avons pris le train à la gare de La Rochelle, le soir. Malgré l'atmosphère un peu sinistre qui régnait dans la gare très peu éclairée, les contrôles de chaque Ausweis, les fouilles de certains voyageurs, les valises ouvertes sur le quai par la police française, j'étais fou de joie : j'allais connaître Paris, la capitale de la France !

Le train, à vapeur, démarra tout doucement dans la nuit et accéléra très progressivement. Il n'y avait pas de clair de lune, et les villages des régions traversées étaient invisibles car aucune lumière ne perceait le noir de cette soirée. Mon père regrettait que nous n'ayons pu voyager en Wagon-lit, mais pour cela il aurait fallu prendre une autre ligne à partir de Bordeaux. Lorsque le train ralentissait je cherchais à voir sur les panneaux les noms des villes où il s'arrêtait, mais j'avais du mal à les distinguer dans la presque totale obscurité. En revanche

Ближе к концу зимы 1943 г. я впервые увидел военных нового типа в униформе с очень большим беретом, который свисал на левое ухо, — милиционеров. Согласно приказу Петена и Берлина, милиция состояла из французов. Я не буду заострять на них Ваше внимание, скажу только одно: в моей семье их ненавидели.

В тот год в моей жизни произошло большое событие: родители взяли меня с собой в Париж. Я не знаю, почему мой отец решил отыскать в Париже одного из своих товарищей, вместе с которым он был в концлагере и который жил в четырнадцатом округе, на Авеню дю Мэн. На вокзале в Ла-Рошели мы сели на вечерний поезд. Несмотря на слегка зловещую атмосферу, которая царил на слабо освещенном вокзале, проверку каждого «аусвайса», обыски некоторых пассажиров, чемоданы, которые французские полицейские открывали прямо на перроне, я был вне себя от радости: я увижу Париж, столицу Франции!

Поезд на паровозной тяге едва ощутимо тронулся с места и постепенно набирал скорость, унося нас в ночь. Луны на небе не было, и поэтому деревень, мимо которых мы проезжали, не было видно. Мой отец переживал, что нам не удалось поехать в спальном вагоне, потому что тогда у нас была бы пересадка в Бордо. Когда поезд замедлял скорость, я пытался рассмотреть названия городов, но в кромешной тьме ничего не было видно. Мое любопытство удовлетворил громкоговоритель. Я слышал объявления: «Ниор — стоянка десять

j'entendais les hauts-parleurs annoncer « Niort dix minutes d'arrêt », Poitiers « quinze minutes d'arrêt », etc.

Mais quand nous arrivâmes à Saint-Pierre des Corps, gare de triage de la ville de Tour, au bord de la Loire, le train était à peine arrêté qu'une sirène se mit à sonner. Les quelques lumières allumées dans la gare, les veilleuses dans le train, tout s'éteignit et cette fois-ci nous étions dans l'obscurité totale. J'entendais de l'agitation sur le quai, les projecteurs de la FLAK se mirent à éclairer le ciel et il y eut, outre les coups des canons antiaériens, très secs, trois ou quatre explosions sourdes mais qui semblaient lointaines, puis plus rien, que la nuit et le silence. J'étais très inquiet, non à cause de l'alerte, mais parce que je craignais que mon voyage à Paris ne se terminât au bord de la Loire.

Après être resté longtemps arrêté, le train repartit très lentement. Nous étions dans un compartiment de première classe très confortable, mon père et ma mère somnolaient mais moi, je n'arrivais pas à dormir. J'ai vu le jour se lever et découvert les paysages de la Touraine et de la Beauce. C'était la première fois que « je montais vers le nord-est », car pour un Rochelais Paris est au Nord-Est de la Rochelle.

Au fur et à mesure que nous approchions de Paris il y avait de plus en plus de maisons, d'immeubles et de jardins potagers. Le nombre de ces jardins potagers m'étonna ; on aurait dit un immense échiquier dont toutes les cases étaient vertes, mais il y avait plusieurs sortes de verts ; c'était au début du printemps. Le nombre des voies commença à se multiplier et le train faisait de plus en plus de bruit au fur et à mesure qu'il passait sur les aiguillages. Il faisait beau et mon

минут», «Пуатье — стоянка пятнадцать минут» и т. д.

Но когда мы прибыли в Сен-Пьерде-Корп, сортировочную станцию города Тур на берегах Луары, сразу, как только поезд остановился, завывла сирена. Мгновенно погасло всё: фонари на станции, ночники в поезде — и мы оказались в полной темноте. Я услышал крики на платформе, прожекторы противовоздушной обороны FLAK начали расчерчивать небо, и кроме выстрелов из зенитных орудий раздались три или четыре очень сухих, глухих, но, казалось, далеких взрыва. И всё, больше никаких звуков, только ночь и тишина. Я очень встревожился, но не из-за налета авиации, а из-за того, что боялся, как бы моя поездка в Париж не закончилась на берегах Луары.

После долгой остановки поезд тихо пошел. У нас было очень удобное купе первого класса, мои родители дремали, но я не мог спать. Когда рассвело, я смог полюбоваться пейзажами регионов Турен и Бос. Первый раз в жизни я ехал на северо-восток (потому что для жителя Ла-Рошели Париж находится к северо-востоку).

Ближе к Парижу за окном пронеслось всё больше домов и огородов. Количество этих огородов поразило меня; за окном поезда простиралась огромная шахматная доска с зелеными клеточками. Поскольку была ранняя весна, то оттенков зелени было великое множество. Постепенно увеличилось количество железнодорожных путей, колеса поезда стучали, подпрыгивая на стрелках. Светило солнце, и эмоции переполнили меня, когда я внезапно

émotion fut très forte quand, soudain, je pus distinguer dans une légère brume, la silhouette de la Tour Eiffel. C'était bien à Paris que j'arrivais ! Le train entra lentement dans la gare d'Austerlitz, il stoppa alors qu'un haut parleur annonçait en Français « Austerlitz terminus ». Je précise que mon frère Gilles ne faisait pas partie du voyage.

A peine sur le quai un monsieur plutôt fort, très souriant nous attendait et s'avança bras ouverts vers mon père: chaque ancien *françoeseische Kriegsgefangene* reconnut l'autre et ils s'embrassèrent. Après nous avoir présentés, ma mère et moi à Roger, puis passé les contrôles sous les yeux inquisiteurs des polices française et allemande nous descendîmes dans la gare souterraine du métro. Le bruit d'enfer du roulement du métro, ses wagons de couleur rouge ou verte avec des décorations jaunes, le claquement des portières automatiques, les signaux sonores, les gens tassés, les voûtes blanches en petites briques en céramique des stations, le poinçonnement des tickets par des employés en tenue, des affiches publicitaires partout, la vitesse à laquelle les utilisateurs entraient ou sortaient des wagons, tout cela m'émerveillait et me faisait un peu peur en même temps. Je serrai très fort la main de ma mère.

A quelle station de métro sommes-nous remontés à l'air libre, je ne m'en souviens pas, mais je fus frappé en gagnant l'avenue du Maine par l'énorme lion de pierre qui se trouve sur la place Denfert-Rochereau et dont mon père me dit qu'on l'appelait « le lion de Belfort ».

Arrivés devant l'immeuble où résidait Roger T., son épouse Venou, et leur

différentiel dans un léger brouillard silhouette Эйфелевой башни. Сомнений не было: я приехал именно в Париж! Поезд медленно вкатился под своды вокзала Аустерлиц и остановился, когда громкоговоритель объявил по-французски: «Аустерлиц — конечная остановка». Я подумал о Жиле, моем брате, который остался дома.

На перроне нас встретил довольно-таки крупный, очень улыбчивый господин; он с распростертыми объятиями приблизился к моему отцу, и они обнялись: бывшие французские военнопленные (*françoeseische Kriegsgefangene*) узнали друг друга. После отец представил мою маму и меня Роже, затем мы прошли контроль под пристальным взглядом французской и немецкой полиции, и наконец мы спустились в метро. Адский шум бегущих поездов, красные или зеленые вагоны с желтыми украшениями, хлопающие автоматические двери, громкие сигналы отправления поезда, снующие и толкающиеся люди, белые керамические арки на станциях, щелкающие компостеры в руках у контролеров в форме, а также многочисленные рекламные щиты, скорость, с которой пассажиры заходили в вагон и покидали его, — всё это одновременно удивляло и пугало меня. Я сильно сжал руку матери.

Я не помню, где мы вышли из метро, но меня поразила статуя огромного каменного льва, которого я увидел на площади Денферт-Рошере, от которой мы добирались до Авеню дю Мэн. Отец сказал мне, что это Бельфорский лев.

Когда мы добрались до многоквартирного дома, где проживали Роже Т.,

филс Жан qui avait 16 ans, nous entrâmes en poussant une superbe porte en fer forgé et prîmes l'ascenseur qui nous mena au 4ème étage. Je n'étais pas très à l'aise malgré toutes les attentions qu'on avait pour moi.

Mon père repartit le lendemain pour La Rochelle. Ma mère me montra pendant deux jours les Champs Elysées, Notre-Dame de Paris, m'emmena au Zoo, mais ce beau voyage me réservait une mauvaise surprise : elle repartit au bout de trois jours à La Rochelle et je restais seul chez les amis de mon père. Venou, son fils et moi accompagnâmes « ma maman » à la gare ; je ne voulais pas qu'elle parte, je voulais repartir avec elle, je m'accrochais à elle qui m'embrassait et me promettait qu'elle allait revenir très bientôt. Je pleurais quand elle monta dans le wagon, et, une fois le train parti Venou et son fils Jean me prirent chacun une main et, au lieu de prendre le métro, c'est un autobus blanc et vert avec une espèce de plate forme à l'arrière qui nous ramena avenue du Maine.

Si j'essaie de faire une sorte de bilan, le départ de ma mère me laissant à Paris fut sans doute le moment où pour la première fois j'ai éprouvé le sentiment de solitude, et ce malgré toute l'attention dont je bénéficiais de la part de Jean T. et de ses parents. On me promena beaucoup dans Paris et, comme à La Rochelle, les Allemands étaient partout. Pour me distraire Jean me faisait faire des tas de circuits dans les autobus verts et blancs, descendant de l'un pour monter dans un autre et j'ai ainsi voyagé dans la capitale en écoutant les explications qu'il me donnait sur tel monument, telle église, tel théâtre, etc...

его жена Вену и их 16-летний сын Жан, мы открыли великолепную дверь из кованого железа и поднялись на лифте на 5-й этаж. Я чувствовал себя немного напряженно, несмотря на всё внимание, которое было уделено мне.

На следующий день отец уехал в Ла-Рошель. Мама в течение двух дней показывала мне Париж: Елисейские поля, Нотр-Дам де Пари, мы поехали с ней в зоопарк, но эта прекрасная поездка в Париж преподнесла мне неприятный сюрприз: на четвертый день мама уехала в Ла-Рошель, и я остался один с друзьями отца. Мы, Вену, ее сын и я, проводили мою маму на вокзал; я не хотел, чтобы она уезжала, я хотел вернуться вместе с ней домой, я цеплялся за нее... Она поцеловала меня и пообещала, что вернется очень скоро. Я плакал, когда она садилась в вагон, и, как только поезд уехал, Вену, ее сын Жан взяли меня за руки, и вместо того, чтобы сесть на метро, мы доехали до Авеню дю Мэн на бело-зеленом автобусе.

Если проанализировать сейчас причину моего отчаяния из-за отъезда матери, которая оставила меня в Париже — то это, безусловно, впервые испытанное чувство одиночества, несмотря на то, что Жан Т. и его родители опекали меня. Они гуляли со мной по Парижу, где, как и в Ла-Рошели, немцы были повсюду. Чтобы отвлечь меня, Жан устроил мне экскурсию по Парижу: мы кружили по столице в бело-зеленых автобусах, пересаживаясь из одного в другой, а Жан мне рассказывал историю каждого памятника, каждого собора, каждого здания театра и т. д.

En avril 1943, nous venions d'achever le repas de midi, Jean et son père étaient partis je ne sais où, et j'étais resté avec Venou. Du balcon je regardais la circulation sur l'avenue quand la sirène sonna. Les alertes je connaissais, et nous ne risquions rien puisque les anglais avaient dit qu'ils ne bombarderaient pas Paris. Mais en regardant au loin où se dégageaient des fumées et où il me semblait voir des avions, je criais à Venou « ils bombardent ! ils bombardent ». Elle me rejoignit sur la balcon, regarda dans la direction que je lui indiquais, m'attrapa par la main et nous filâmes vers la porte de sortie de l'appartement. Comme l'ascenseur était occupé nous sommes descendus à pied en prenant l'escalier, mais je ne voulais pas aller à la cave. Je n'étais pas le seul car la plupart des gens de l'immeuble restaient sur le trottoir de l'avenue. « C'est encore Renault qu'ils bombardent » disait un grand monsieur qui portait une casquette.

Mais le bruit des bombes se rapprocha, on voyait très haut dans le ciel des avions que je supposais américains ou anglais. Deux voitures blindées allemandes équipées de mitrailleuses sur tourelle remontèrent l'avenue et passèrent en trombe devant nous. Une ambulance, puis une autre, puis une autre encore remontaient à leur tour l'avenue à grande vitesse. Soudain une explosion retentit avec force, et nul doute que la bombe qui venait d'exploser n'était pas tombée loin. Des policiers nous firent entrer dans le hall de l'immeuble où nous sommes restés assez longtemps, jusqu'à ce que la sirène de fin d'alerte se mette à hurler. Jean et son père rentrèrent plus tard, en fin d'après-midi, et ils parlèrent

Однажды в апреле 1943 г., как только мы закончили обедать, Жан и его отец уехали не знаю куда, и я остался с Вену. Я смотрел с балкона на автобусы, автомобили и пешеходов, которые передвигались по авеню, когда завывла сирена. Мне говорили, что здесь воздушная тревога не представляла собою опасности, поскольку англичане заявили, что они не будут бомбить Париж. Но, вглядываясь в место, откуда шел дым, мне показалось, что я заметил самолеты, и я крикнул Вену: «Они бомбят! Они бомбят!» Она выскочила ко мне на балкон, посмотрела на дым, схватила меня за руку, и мы кинулись на выход. Поскольку лифт был занят, мы сбежали вниз по лестнице, но мне не хотелось спускаться в подвал. Я не был единственным: многие жильцы дома остались на тротуаре. «Они всё еще бомбят Рено», — сказал высокий господин в кепке.

В этот момент шум падающих бомб приблизился, мы увидели очень высоко в небе американские или английские, как я предполагал, самолеты. По авеню мимо нас промчались две немецких бронемашин с пулеметами на турелях. За ними на большой скорости пронеслась машина скорой помощи, потом еще одна, и еще. Внезапно раздался громкий взрыв, и не было никаких сомнений, что только что взорвавшаяся бомба упала недалеко от нас. Полицейские заставили нас вернуться в вестибюль нашего жилого дома, где мы простояли достаточно долго, пока сирена не оповестила, что воздушная тревога окончилась. Позже во второй половине дня вернулись Жан и его

d'une bombe qui avait fait beaucoup de mort sur une station de métro.

A Paris comme à La Rochelle, la vie reprit son cours après l'alerte, mais pendant l'alerte les Allemands dans leurs deux automitrailleuses m'avaient paru excités, énervés. Le lendemain les journaux, dont « Paris-soir » qu'avait acheté Venou, faisait état de 80 morts à la station de métro de Sèvres-Babylone. Du haut de l'avenue du Maine, où habitait la famille T. jusqu'à la station de métro Sèvres-Babylone il y a environ 600 m à vol d'oiseau ; j'ai vérifié, au moment où j'écris ces lignes, en mesurant cette distance sur un plan de Paris. C'était donc bien la bombe tombée sur cette station de métro qui avait provoqué la forte détonation que nous avions entendue. Bien sûr mes parents furent rassurés par Venou qui les avait appelés au téléphone aussitôt l'alerte terminée et j'avais pu leur parler.

Est-ce à cause de cette alerte qui fut la première à toucher vraiment Paris que Roger T. décida dès le lendemain de nous conduire dans leur « maison de vacance » de Thorigny-Lagny qui était située très près de la Marne, côté rive droite. A l'époque, en quittant Paris et en se dirigeant vers le Val de Marne, on se trouvait vite en pleine campagne. La villa disposait d'un jardin avec des arbres et une balançoire sur laquelle j'ai passé beaucoup de temps. Sans doute le paysage a-t-il beaucoup changé puisque le parc d'attraction de Disneyland se trouve très près de Thorigny (rive droite)-Lagny (rive gauche), les deux communes étant reliées par le pont qui enjambe la Marne. C'est près de ce pont qu'un dimanche on

отец, они говорили о бомбе, которая убила много людей на станции метро.

После воздушной тревоги в Париже, как и в Ла-Рошели, жизнь возобновилась, но во время тревоги мне показалось, что немцы на своих двух бронемашинах, которые промчались мимо нас, были чрезвычайно возбуждены и раздражены. На следующий день купленные Вену газеты, в том числе «Paris-soir», сообщили, что на станции метро Севр-Вавилон (Sèvres-Babylone) погибло 80 человек. Станция находилась на расстоянии примерно 600 м от дома в начале Авеню дю Мэн, где жила семья Т. Когда я писал эти строки, я проверил это расстояние на карте Парижа. Выходит, громкий взрыв, который мы услышали, был от бомбы, что упала на станцию метро Севр-Вавилон. Конечно, Вену успокоила моих родителей, позвонив им сразу же после окончания воздушной тревоги, я тоже смог с ними поговорить.

Именно из-за этой первой бомбардировки Парижа Роже Т. решил на следующий день отвезти нас в свой «дом, где он проводил отпуск» в пригороде Торињи-Лагни, который находился у реки Марн, на ее правом берегу. В то время, покидая Париж и направляясь к департаменту Валь-де-Марн, можно было сразу оказаться в сельской местности. При вилле был сад, где росло много деревьев и стояли качели, на которых я проводил много времени. Сейчас ландшафт сильно изменился: рядом находится парк развлечений Диснейленд, расположенный очень близко и к Торињи (правый берег), и к Лагни (левый берег). Два муниципалитета всегда

m'emmena voir des courses de bateaux hors-bords. C'était pour moi un spectacle magnifique et j'étais fasciné par la vitesse de ces bateaux qui ricochaient véritablement sur l'eau.

Combien de temps suis-je resté à Thorigny-Lagny ? Je n'en sais plus rien mais un souvenir précis concernant la guerre reste gravé dans ma mémoire. J'étais en train de me balancer dans le jardin de la villa, il faisait très beau, Jean était parti à Paris avec son père pour la journée. Je tirais le plus fort que je pouvais sur les cordes de la balançoire et accompagnais cet effort du lancement de mes pieds en avant pour monter le plus haut possible. Ce petit coin de banlieue résidentielle était très calme à l'époque et ce n'est pas de la route, mais du ciel que j'entendis soudain un bruit sourd et continu qui ressemblait à un bruit lointain de moteurs d'avions. Laissant la balançoire ralentir, je levai la tête et vis, très haut dans le ciel, des centaines d'avions, peut-être beaucoup plus, qui se dirigeaient vers le Sud. J'appelais Venou pour qu'elle vienne voir. La sirène ne sonna pas, la FLAK ne tira pas, il n'y eut pas d'alerte et pourtant les avions, sans doute des bombardiers anglo-américains, continuaient à passer par vagues à des milliers de mètres d'altitude.

Quand Roger et son fils revinrent le soir Venou leur expliqua ce que nous avions vu. Là où ils étaient à Paris, ils n'avaient sans doute pas levé la tête pour regarder le ciel ; ils ne s'étaient rendu compte de rien. Il est vrai que le bruit des

были соединены мостом через Марн. Именно к этому мосту в воскресенье меня повели смотреть гонки на моторных лодках. Это было великолепное зрелище, и меня потрясла скорость этих лодок, которые рассекали рикшетом на воде.

Мне не запомнилось, сколько времени я провел в Ториньи-Лагни, но я точно запомнил всё, что было связано с войной. Как-то солнечным утром я качался на качелях. Жан уехал в Париж со своим отцом на целый день. Я изо всех сил потянул за веревки качелей, выбрасывая ноги вперед, чтобы взлететь как можно выше. Этот маленький уголок спальных пригородов Парижа в то время был очень тихим, и шум, который я слышал, доносился не с дороги, а с неба. Это был громкий непрерывный гул, напоминающий отдаленное гудение авиационных двигателей. Замедлив колебания качелей, я посмотрел вверх и увидел высоко в небе сотни самолетов — а может быть, их было гораздо больше — которые направлялись на юг. Я позвал Вену, чтобы показать ей самолеты. Не было ни воя сирены, ни выстрелов орудий противовоздушной обороны FLAK — ничего не было слышно, кроме гула самолетов (предположительно англо-американских бомбардировщиков), летевших над нами на высоте тысяча метров над уровнем моря.

Когда вечером вернулись Роже и Жан, Вену рассказала им, что мы видели. В Париже они, вероятно, не смотрели вверх на небо, и поэтому ничего не заметили. Действительно, гул самолетов был очень низким, потому что

авионы était très faible du fait qu'ils passaient à très haute altitude, et qu'en plus Thorigny-Lagny est très au Sud-Est par rapport à Paris. Mais il est certain que les Allemands avaient détecté le passage des avions que j'avais vus depuis ma balançoire. Pourquoi ne déclenchèrent-ils pas l'alerte ? Je ne le saurai jamais et j'avoue ne pas vouloir me lancer dans un travail de consultation des archives militaires pour le savoir. Le fait que je ne puisse pas donner la date de cet événement de mes vacances en banlieue m'interdit de l'interpréter, mais ce dont je suis sûr c'est que c'était au printemps ou au début de l'été 1943, or c'est en juillet 1943 que les Américains débarquèrent en Italie. Il y a donc de fortes chances pour que le convoi aérien dont je fus le témoin était une des opérations de préparation de ce débarquement.

Nous étions revenus de Thorigny-Lagny depuis peu quand ma mère vint me chercher. Elle resta deux ou trois jours à Paris au cours desquels je ne la quittais pas d'une seconde. Cela me valut de l'accompagner au théâtre voir jouer Raimu, Orane Demazis et Pierre Fresnay dans la pièce « Fanny » de Marcel Pagnol. Je ne savais pas que les acteurs qui interprétaient la pièce étaient déjà des « monstres sacrés » (comme disent les journalistes d'aujourd'hui) du théâtre et du cinéma. Je m'ennuyais et en plus je constatais que ma mère avait souvent les larmes aux yeux. Elle était émue par le triste sort de Fanny.

Pendant ces deux ou trois jours où elle m'emmena dans des tas d'endroits magnifiques, y compris dans un chenil de l'avenue des Champs-Élysées où elle

они летели на очень большой высоте. Кроме того, Ториньи-Лагни находится к юго-востоку от Парижа. Несомненно, немцы тоже обнаружили проход самолетов, а не только я, взлетая на качелях. Почему они не подняли тревогу? Я этого не знаю, и я не хочу приступать к работе с военными архивами, чтобы выяснить причину. Я не могу назвать точную дату, когда я видел самолеты, но я уверен, что это произошло весной или в начале лета 1943 г., потому что именно в июле 1943 г. американцы высадились в Италии. Поэтому весьма вероятно, что воздушный конвой, который я видел, был одной из операций по подготовке к этой высадке.

Только мы вернулись из Ториньи-Лагни, как за мной приехала мама. Она осталась на два или три дня в Париже, в течение которых я ни на секунду не оставлял ее. Я даже сопровождал ее в театр: она захотела увидеть актеров Райму, Оран Демази и Пьера Фресне в пьесе «Фанни» Марселя Паньоля. Я не знал, что актеры, которые играли в этой пьесе, были уже «священными монстрами» (по выражению нынешних журналистов) театра и кино. Мне было скучно, а у моей матери во время спектакля появлялись слезы на глазах. Ее тронула печальная судьба Фанни.

В течение этих двух или трех дней мама мне показала много красивых мест, а в собачьем питомнике на Елисейских полях она купила для меня

acheta un petit chien tout frisé et blanc , un loulou-ténérif très mignon qui allait être notre compagnon de retour à La Rochelle.

Malgré les noms des rues en Allemand, les croix gammées sur tous les bâtiments officiels, les soldats allemands partout, la vie à Paris faisait plus oublier la guerre qu'on ne pouvait le faire à La Rochelle. Les cinémas, les théâtres fonctionnaient, les terrasses des cafés se remplitaient tous les jours. Paris gardait ses airs de capitale par rapport à La Rochelle, qui restait à la fois très provinciale et très occupée par l'ennemi.

Je n'irai pas jusqu'à dire que les Parisiens oubliaient la guerre, mais ils semblaient moins paralysés par la présence allemande que les Rochelais. Je n'évoquerai pas ici des événements dont je ne fus pas témoin et dont à l'époque j'ignorais l'existence, comme par exemple les cinq fusillés du Lycée Buffon en février par la gendarmerie française... !

Jean m'avait expliqué quand il me promenait dans Paris que certains parisiens jouaient à un jeu très dangereux dans le métro. Qu'ils soient en permissions ou en « quartier libre », de nombreux militaires des trois armes, Wehrmacht, Luftwaffe et Kriegsmarine, se promenaient dans Paris. Or les marins avaient un béret d'où pendaient derrière deux galons noirs. Profitant des cohues

очень симпатичную белую кудрявую собачку, которую мы взяли с собой в Ла-Рошель.

Несмотря на названия улиц на немецком языке, присутствие свастики на всех официальных зданиях, а также немецких солдат на каждом шагу, в Париже война ощущалась не так сильно, как в Ла-Рошели. Работали кинотеатры и все театры, а также было много народа на верандах кафе. Париж сохранил свой столичный вид. В Ла-Рошели, которая выглядела очень провинциальной по сравнению с Парижем, оккупация чувствовалась намного сильнее.

Я бы не заходил так далеко, чтобы утверждать, что парижане забыли про войну, но мне тогда показалось, что немецкое присутствие парализовало парижан в меньшей степени, чем жителей Ла-Рошели. Я не буду упоминать здесь события, свидетелем которых я не был, и о которых я в то время не знал, такие как расстрел французской жандармерией пятерых студентов лицея Бюффон в феврале 1943 г.¹

Жан рассказал мне, когда мы гуляли по Парижу, что некоторые парижане играли в метро в очень опасную игру. Находясь в отпуске или в увольнении, многие военные из трех видов войск — вермахт, люфтваффе и кригсмарине (Wehrmacht, Luftwaffe и Kriegsmarine) — гуляли по Парижу. Моряки носили берет с двумя черными лентами, которые свисали сзади на

¹ «Пять мучеников лицея Бюффон», или «Молодая гвардия» на парижский лад... URL: <https://naiwen.livejournal.com/1592119.html>

qu'il y avait dans le métro certains français accomplissaient un acte de résistance en apparence banal, mais qui pouvait leur coûter la vie : ils coupaient avec des ciseaux les galons des bérets sans que les marins allemands s'en aperçoivent. Je ne sais pas si certains des auteurs de ces petits actes de résistance se sont fait prendre, mais il fallait beaucoup de courage et de sang froid pour les accomplir. Certains mauvais esprits pourraient rétorquer que ces actes ne servaient à rien et étaient irresponsables. A ces mauvais esprits je répondrai que l'inutile peut cependant signifier l'honneur.

De mon retour avec ma mère et le loulou à La Rochelle je n'ai aucun souvenir. Je sais que nous sommes revenus par le train mais contrairement au voyage aller, rien ne m'est resté en mémoire de ce retour vers l'Atlantique.

Peu après notre arrivée, un triste événement toucha notre famille : mon grand-père maternel, celui avec qui j'avais une vraie complicité, étant allé me chercher des bonnes pommes de son jardin, fut renversé par une voiture dans la Rue du Minage. Il eut un enfoncement de la base du crâne, resta près de deux mois dans le coma. Il s'en réveilla pourtant et reprit une vie en apparence très normale mais scandée par de rares crises nerveuses qui le laissaient sans connaissances chaque fois pendant environ un quart d'heure. Il en mourra en 1947.

Mais beaucoup de choses allaient changer pour ma mère, pour mon frère,

шею. В метро некоторые французы, пользуясь шумом и суетой, совершали своеобразный «акт сопротивления», который мог стоить им жизни: они осторожно, чтобы немецкие моряки не заметили, разрезали ленточки беретов ножницами. Я не знаю, был ли кто-нибудь пойман во время этих актов сопротивления, но думаю, что надо было быть смелым и хладнокровным, чтобы разрезать ленточку на бескозырке врага. Скептики могут возразить, что эти действия были бесполезными и безрассудными. Тем не менее этим скептикам я отвечу, что безрассудный поступок может быть делом чести.

О моем возвращении с мамой и Лулу в Ла-Рошель у меня нет воспоминаний. Я знаю, что мы вернулись на поезде, но обратная дорога к атлантическому побережью не запомнилась мне.

Вскоре после нашего возвращения из Парижа в нашей семье произошло печальное событие: мой дед по материнской линии, с которым у нас было настоящее взаимопонимание, пошел собрать в своем саду немного созревших яблок и был сбит машиной на улице Минаж. У него был перелом основания черепа, и он почти два месяца находился в коме. Однако он вышел из комы, вернулся к нормальной жизни, правда, время от времени у него были нервные кризы, во время которых он примерно на четверть часа терял сознание. Он умер в 1947 г.

Между тем многое должно было измениться для моей матери, для мое-

pour moi et pour le loulou. Après l'échec du projet de notre installation à Mauzé-sur-le-Mignon, mon père jugea que l'évolution de la guerre, même si elle allait dans le bon sens à ses yeux, risquait de devenir de plus en plus dangereuse pour une ville où se trouvait une base sous-marine très importante.

D'ailleurs, la cinquième base sous-marine de l'Atlantique, celle de Bordeaux, construite par les Italiens, avait provoqué le premier bombardement de la ville par les Anglo-américains au mois de mai. Celle de La Pallice-La Rochelle continuait à être régulièrement bombardée et il était clair que plus les Allemands se sentiraient en danger, plus ils seraient dangereux. Il décida donc de nous mettre à l'abri en louant une villa toute neuve et meublée dans le gros village d'Aire-sur-Adour dans les Landes, à une quarantaine de kilomètres au nord de la ville de Pau, capitale des Basses-Pyrénées dont j'ai déjà parlé au sujet du grand prix automobile de 1939.

C'est vers la fin septembre que nous sommes partis pour Aire-sur-Adour, distant de plus de 400 km de La Rochelle, au moment où les Corses, aidés par des troupes françaises et alliées, étaient en train de se libérer de la présence de l'occupant.

Toute la France étant occupée depuis novembre 1942, notre nouvelle villégiature se trouvait évidemment sur un territoire de l'ancienne « Zone libre » désormais sous contrôle allemand, mais il n'y avait pas d'Allemands dans le

го брата, для меня и для Лулу. После того, как нам не удалось обосноваться в Мозе-на-Миньоне (Mauzé-sur-le-Mignon), мой отец пришел к выводу, что в городе, где располагалась одна из главных баз для подводных лодок, становилось всё опаснее жить с детьми во время военных действий, даже если эти действия и развивались в правильном направлении.

Действительно, англо-американская авиация в мае 1943 г. сбросила бомбы на пятую атлантическую базу подводных лодок в Бордо, которую построили итальянцы. Порт Ла-Паллис в Ла-Рошели продолжали регулярно бомбить, и было ясно, что чем больше немцы будут ощущать опасность, тем опаснее они будут становиться. Поэтому отец решил отправить нас в безопасное место, арендовав совершенно новую меблированную виллу в большой деревне Эр-на-Адуре в Ландах, примерно в сорока километрах к северу от города По, столицы региона Атлантические Пиренеи. Я уже упоминал этот город, когда описывал автомобильную гонку Гран-при 1939 г.

В конце сентября мы отправились в деревню Эр-на-Адуре, которая находилась более чем в 400 км от Ла-Рошели. В это же время корсиканцы, которым помогали французские и союзные войска, уже почти освободили свою территорию от оккупантов.

Вся Франция была оккупирована с ноября 1942 г., и наша новая резиденция, очевидно, находилась на территории бывшей «Свободной зоны», и в тот момент была под контролем Германии. Но когда мы прибыли, в деревне

village à notre arrivée. On aurait pu se croire dans une zone encore libre tant la vie y était tranquille, tant, malgré les tickets, il n'y avait pas de problème pour s'alimenter. Les vitrines des quelques magasins regorgeaient de tout. Ce fut pour mon frère (5 ans depuis le 27 avril), et moi (9 ans depuis le 29 avril) une vie totalement nouvelle, plutôt rurale alors que nous n'avions connu jusque là que la vie citadine.

Il ne fut pas question de m'inscrire à l'école publique du coin et c'est à l'École Saint-Joseph, dirigée par un homme très gentil que j'étais inscrit dans la classe à plusieurs cours des élèves de 8 à 14 ans. Je vais manquer de modestie, et je te prie de m'en excuser, cher lecteur, mais je fus considéré par l'instituteur comme un très bon élève. Mais je n'en tire aucune gloire car si au Petit Lycée de La Rochelle, j'étais un élève se situant selon les moments tantôt dans les bons, tantôt dans les moyens, là à Aire sur Adour j'étais dans un cours dont le niveau était très inférieur à celui d'où je sortais. Cela inquiéta ma mère qui finit par trouver un abbé que lui avait indiqué le jeune professeur d'éducation physique de la petite école Saint-Joseph, pour maintenir mon niveau en français et en mathématiques, et commencer à m'enseigner le latin... !

Cet abbé ne m'a rien appris, mais ma mère lui payait à raison d'une heure par semaine des leçons particulières... C'était vraiment de l'argent perdu car je m'ennuyais terriblement pendant ces leçons, au cours desquelles l'abbé en question faisait parfois autre chose que de s'occuper de moi en me laissant devant

немцев не было. Можно было подумать, что мы оказались во всё ещё свободной зоне, т. к. там текла мирная жизнь и, несмотря на продовольственные карточки, проблем с едой не было. Витрины нескольких магазинов были заполнены продуктами. Для моего пятилетнего брата и для меня, которому в апреле исполнилось девять лет, началась совершенно новая незнакомая жизнь, скорее сельская, а не привычная для нас городская.

Меня без проблем приняли в местную государственную школу Святого Иосифа (École Saint-Joseph), ее директором был очень хороший человек, с которым я познакомился в октябре, когда он, не помню, на каком занятии, приветствовал учеников от 8 до 14 лет. Я не буду скромничать и приношу свои извинения, читатель, но учитель считал меня очень хорошим учеником. Вряд ли стоит хвастаться, потому что в Младшем лицее в Ла-Рошели я учился по настроению и получал то хорошие оценки, то средние. Там, в Эр-на-Адуре, я оказался в классе, уровень которого был намного ниже, чем в лицее. Это обеспокоило мою маму, которая в конечном итоге нашла кюре, который порекомендовал ей молодого учителя физкультуры в школе Святого Иосифа в качестве репетитора по французскому языку и математике, а сам вызвался обучать меня латыни!..

Этот кюре ничему меня не научил, но моя мама аккуратно платила ему за один частный урок в неделю. Это действительно была напрасная трата денег, потому что мне было ужасно скучно на этих уроках, во время которых вышеупомянутый кюре иногда занимался другими делами: он давал

des exercices écrits que je réussissais ou ne réussissais pas selon les jours et selon mon humeur. Mais ma mère était rassurée..., à tort, car chaque fois que j'ai pu sécher ces leçons qui n'en étaient pas, pour aller jouer à la pelote basque au fronton du marché couvert de la ville, je l'ai fait.

La vie à Aire sur Adour n'était pas désagréable, même si l'Adour ne remplaçait que très mal l'Atlantique et le port de ma ville natale. Il y avait un restaurant appelé « Le bec fin » qui était tenu par un riche médecin parisien qui n'exerçait pas sa profession, qui faisait venir ses amis parisiens dont beaucoup étaient acteurs de cinéma et chanteurs, comme André Claveau, Noël Roquevert, et quelques autres dont je n'ai pas retenu les noms. Ce monsieur D. peignait et dessinait et je possède encore l'une de ses aquarelles qui représente l'intérieur de son restaurant. Il l'avait offerte à ma mère.

Il faut dire que nous étions devenus des clients réguliers de ce restaurant. Monsieur D. (dont j'ai su plus tard qu'il était homosexuel, ce qui n'est pas une tare ! même si ce n'est pas dans mes goûts !) était très gentil avec nous et il nous considéra comme des amis. Notre table dans un coin à droite en entrant dans la salle nous fut toujours réservée. Cultivé et très raffiné, il devint un soutien sûr pour ma mère dans ce village où elle ne connaissait a priori personne.

мне письменные задания и уходил, а я писал эти упражнения в соответствии с настроением. Но мою маму успокоили, что всё хорошо, и зря, потому что всякий раз, когда я мог прогулять эти уроки, которых фактически не было, я их прогуливал: я убежал поиграть в баскскую пелоту у фронтона крытого рынка.

Жизнь в Эр-на-Адуре была достаточно приятной, даже если принять во внимание, что река Адур была плохой заменой Атлантическому побережью и порту моего родного города. У реки находился ресторан под названием «Тонкий вкус» (Le bec fin), которым управлял разбогатевший парижский врач, не практиковавший более медицину. Он привез с собой в деревню своих парижских друзей, многие из которых были киноактерами и певцами, таких как Андре Клаво, Ноэль Рокевер и другие, чьи имена я не помню. Этот господин Д. писал маслом и рисовал, и у меня сохранилась одна из его акварелей, на которой изображен интерьер его ресторана. Он подарил эту акварель моей маме.

Надо сказать, что мы стали постоянными клиентами его ресторана. Господин Д. (который, я позже узнал, был гомосексуалистом, что не является недостатком, хотя эта ориентация и не в моем вкусе!) был очень любезен с нами и считал нас друзьями. Для нас всегда был зарезервирован столик в правом углу у входа. У него были изысканные манеры, и вскоре он стал надежной опорой для моей мамы в этой деревне, где она никого не знала.

Ces détails, et bien d'autres que je pourrais ajouter, ne présentent pas un réel intérêt, mais ils montrent à quel point notre vie avait changé et était devenue une vie calme comme si la guerre n'existait plus. Au bout d'un certain temps l'agent d'assurance avec qui mon père était entré en relation pour louer la villa, et son épouse, devinrent aussi des amis de ma mère, et leur fils, du même âge que le mien, devint un vrai copain.

Certes nous continuions à nous tenir au courant de l'évolution de la guerre et nous écoutions la radio anglaise sans craindre d'être surpris par des Allemands. C'est à Aire-sur-Adour que j'entendis parler pour la première fois de F. F. I. (forces françaises de l'intérieur¹) et de « parachutages » d'armes par les Anglais. La guerre était bien là, malgré les apparences, et nul n'imaginait qu'un an plus tard, en 1944, les Allemands réagiraient sauvagement à l'intervention d'un résistant.

Mon père nous rejoignit à Noël, ma mère décora un sapin, et j'ai le souvenir d'avoir trouvé devant la cheminée un magnifique jeu de construction avec lequel je me suis souvent amusé à représenter tout simplement Paris avec les Champs-Élysées et son Arc de triomphe. J'avais été très marqué par mon séjour à Paris.

Lors des repas au restaurant précité mon frère et moi étions tenus de nous

Эти и многие другие детали, которые я мог бы добавить, не представляют реального интереса, но они показывают, как изменилась наша жизнь, как возникла иллюзия, что войны больше не существовало. Страховой агент, который помог моему отцу арендовать виллу, и его жена стали друзьями моей матери, а я подружился с их сыном, моим ровесником.

Конечно, мы были в курсе военных событий: мы слушали английское радио, не боясь, что нагрянут немцы. Именно в Эр-на-Адуре я впервые услышал о F. F. I. (Французские внутренние силы¹) и о британском оружии, которое сбрасывалось для этих групп при помощи парашютов. Несмотря на непосредственное отсутствие в деревне врага и внешнее спокойствие, это была жизнь во время войны, хотя никто и не предполагал, что год спустя, в июне 1944 г., немцы чуть было не уничтожат всех жителей деревни после нападения бойца сопротивления на них.

На Рождество к нам приехал отец, моя мама нарядила елку, и я помню, что перед камином я обнаружил великолепный конструктор, с помощью деталей которого я мог воображать себя в Париже на Елисейских полях и у Триумфальной арки. Я всё еще был под впечатлением от пребывания в Париже.

Во время обедов в вышеупомянутом ресторане мы с братом должны

¹ Французские силы сопротивления, действующие с февраля 1944 г.

taire et de nous bien tenir, ce qui n'était pas toujours facile. Mais pendant ces repas où se retrouvaient plusieurs des personnes déjà citées, je me rendais compte qu'il y avait quand même deux camps qui s'affrontaient, ceux qui pensaient que Pétain avait sauvé la France et ceux qui pensaient qu'il l'avait trahie. Même si toutes les personnes considérées (mes parents, mon Parrain le palois, ingénieur des Ponts et chaussées, le médecin restaurateur, son chef cuisinier, le couple agent d'assurance, et quelques habitués) étaient toutes d'un niveau d'éducation excluant les propos trop agressifs, voire les insultes, je comprenais que personne ne voulait céder ni remettre son point de vue en cause. Quand j'y pense maintenant, je me dis que ces discussions autour d'une table (garnie de bons plats, je le précise, car dans les Landes on mangeait très bien, même en période de guerre !) me donnaient l'image d'un pays divisé, et qui allait le rester encore longtemps après la guerre...

Lorsqu'en 1965, c'est-à-dire 22 années plus tard, je pris mon premier poste d'Inspecteur de l'Éducation Nationale dans le département de l'Aveyron, il m'est arrivé d'être obligé de défendre les intérêts de l'école publique contre un maire, pétainiste affirmé... !, qui privilégiait les écoles catholiques dont certaines étaient encore aux mains d'un clergé d'extrême droite. C'était un véritable ennemi, non pas de la France, mais de la République, or c'est avec l'aide de ces ennemis de la République que Pétain était arrivé au pouvoir, et le fait qu'il ait remplacé le terme République Française

были вести себя хорошо, что было не всегда легко. Хорошо себя вести там не очень-то получалось и у взрослых. Во время этих обедов шли ожесточенные споры, фактически сталкивалось два лагеря: те, кто думал, что Петен спас Францию, и те, кто считал, что он ее предал. И в том, и в другом лагере были люди весьма образованные: мои родители, мой крестный отец, инженер-проектировщик мостов, врач (он же владелец ресторана), его шеф-повар, пара страховых агентов и некоторые из завсегдатаев ресторана. Из этих жарких и зачастую весьма оскорбительных споров я понял, что никто не хотел уступать или подвергать сомнению свою точку зрения. Когда я думаю об этом сейчас, я говорю себе, что эти споры за достаточно изысканным для военного времени столом дали мне образ «разделенной страны», которая останется такой в течение долгого времени после войны...

Когда в 1965 г., т. е. 22 года спустя, я занял свой первый пост инспектора национального образования, то, будучи в департаменте Аверон, был вынужден защищать интересы государственной школы от посягательств мэра, убежденного «петениста», который отдавал приоритет католическим школам, часть из которых всё еще находилась в руках крайне правого духовенства. Он был настоящим врагом не Франции, а Республики, и именно с помощью этих врагов Республики пришел к власти Петен. И тот факт, что Петен заменил название страны «Французская республика»

par celui d'État Français prouve bien quelles étaient ses intentions.

Bien sûr, cher lecteur, ce n'est plus le petit garçon qui parle, mais dans une vie il y a des courants, des parcours, des événements, des idées qui irriguent notre esprit depuis l'enfance. La République a fini par l'emporter mais je n'aurais jamais cru qu'en 2020 des relents de fascisme et de nazisme puissent encore exister dans une Europe qui s'était si cruellement entre-déchirée à trois reprises (1870-1871; 1914-1918; 1939-1945).

Mais je reviens à la fin de l'année 1943. Elle fut l'année où les choses commencèrent à tourner mal pour ceux qui avaient plongé mon pays dans la fureur et le sang. 1944, l'année de mes 10 ans, allait confirmer ce revirement !

L'année 1944

Cher lecteur, si, vue depuis le moment où j'écris ces lignes, l'année 1944 apparaît comment étant l'année du « commencement de la fin » pour l'ennemi, la vie à Aire-sur-Adour s'écoulait plutôt tranquillement dans la villa avec jardin donnant sur la route de Duhors, très proche du centre du village et du pont qui permet de franchir l'Adour. Cette impression de calme contrastait avec l'atmosphère qui régnait à Paris et surtout à La Rochelle.

Une sorte de banalité de la vie quotidienne semblait avoir repris du terrain comme si la guerre s'était éloignée dans l'espace.

Mais il est bien connu qu'il ne faut pas se fier aux apparences et j'entendais souvent parler des « maquis », c'est-à-dire des

(République Française) на «Французское государство» (d'État Français), хорошо показывает, каковы были его намерения.

Конечно, дорогой читатель, это уже не мысли маленького мальчика, но каждый в жизни сталкивается с различными течениями, с необходимостью выбора пути, с событиями и идеями, которые питают ум с детства. Республика победила, но я никогда не думал, что в 2020 г. проявления фашизма и нацизма всё еще могут быть в Европе, которая трижды в течение 100 лет жестоко разрывалась на части (1870-1871; 1914-1918; 1939-1945).

Но я возвращаюсь к концу 1943 г. Это был год, когда Фортуна развернулась не в ту сторону для тех, кто вверг мою страну в ярость и кровь. 1944 г. — год, когда мне исполнилось 10 лет — собирался засвидетельствовать этот разворот!

1944 год

Дорогой читатель, из того времени, когда я пишу эти строки, очевидно, что 1944 г. стал годом «начала конца» для врага. Между тем для меня тогдашнего начало 1944 г. прошло тихо на вилле в Эр-на-Адуре с садом с видом на дорогу к Дюору (Дюор-Башену), очень близко к центру городка и мосту через Адур. Это ощущение спокойствия контрастировало с атмосферой, которая царила в Париже и особенно в Ла-Рошели.

Казалось, деревню окутала обыденность повседневной жизни — как будто бы война переместилась в космос.

Но хорошо известно, что не стоит доверять тому, что кажется, и я часто слышал разговоры о «маки», (maquis),

résistants qui posaient de plus en plus de problèmes aux Allemands, en particulier quand ces derniers circulaient entre Pau, Mont-de-Marsan et Bordeaux. Des jeunes résistants se firent prendre et l'on parla des horreurs et des tortures auxquelles ils furent soumis par l'armée allemande qui alla jusqu'à les obliger à creuser leurs tombes avant de les exécuter. Mais ces faits étaient relatés par des grandes personnes bien informées, et malgré tout une certaine douceur de vivre se faisait sentir dans le village, et d'une certaine manière elle s'imprégnait en moi.

Le village, comme tous ceux du Sud-Ouest, continuait à organiser les matchs de rugby, des courses de vaches landaises¹ et des courses de taureaux, des parties de pelote basque, bref le folklore landais s'exprimait librement et c'était plutôt une forme de vie heureuse que mon frère et moi partagions avec ma mère. Certes mon grand-père me manquait pour me commenter ou m'expliquer les informations, mais ma mère suivait toujours avec une grande attention les événements du monde et nous restions des fidèles de la radio anglo-française.

Je vécus cependant un supplice qui ne vint pas de la guerre mais de deux personnes : la vieille fille qui me donnait des leçons de piano, et qui pendant des mois me fit solfier sans que je puisse mettre mes mains sur le clavier (mais je

партизанах-макизарах, т. е. о бойцах сопротивления, которые создавали всё больше проблем для немцев, особенно когда последние «циркулировали» между По, Мон-де-Марсаном и Бордо. Немцы охотились за молодыми бойцами сопротивления, и в городке говорили об ужасах и пытках, которым они подвергались; говорили также, что немцы зашли настолько далеко, что заставляли партизан копать себе могилы перед тем, как казнить их. Об этом рассказывали хорошо информированные взрослые, но, тем не менее, в Эре ощущалась определенная сладость жизни, которая в какой-то степени проникала и в меня.

В городке, как и на всей территории Юго-Запада, продолжали организовываться матчи по регби, коровьи и бычьи гонки (courses de vaches landaises¹), соревнования по баскской пелоте — короче говоря, все народные забавы региона Ланд практиковались свободно, и это была для нас довольно-таки счастливая жизнь. Конечно, я скучал по дедушке, мне не хватало его разъяснений военных событий. Моя мать, однако, внимательно следила за тем, что происходило в мире, и мы доверяли новостям, передаваемым по англо-французскому радио.

Пытки, которым я был подвергнут, ничего общего не имели с войной. Первую мне доставляла старая дева: она давала мне уроки игры на пианино, и в течение нескольких месяцев занималась со мной исключи-

¹ Развлечение, похожее на корриду, при котором животных запрещено убивать или ранить.

me rattrapais à la maison où je jouais d'instinct, très mal sans doute, ce qui me plaisait !), et l'abbé qui prétendait m'enseigner la latin. J'aurai l'occasion de reparler de lui lors des événements dramatiques de la libération d'Aire. Je signale que même les habitants du village ne prononcent pas toujours en entier « Aire-sur-Adour » et se contentent de dire « Aire ».

En classe mes résultats étaient toujours bons sauf en travail manuel, ce que je peux considérer comme un signe prémonitoire ! J'ai le souvenir qu'un jour l'instituteur demanda à chacun de nous de fabriquer un trépied en gros fil de fer, à partir d'un plan qu'il avait tracé sur le tableau de la classe et que nous étions censés avoir mémorisé une fois revenus chez nous. Malgré mes efforts, et sans doute à cause de mon manque de conviction pour fabriquer un tel objet, je n'arrivais pas à réaliser quelque chose de présentable (et pourtant bien plus tard j'ai construit des maquettes de bateaux !). Ma mère décida de m'aider mais l'objet qui résulta de notre collaboration ne fut noté que 4/20 par le maître d'école. Dans ma vie d'écolier et de lycéen il m'arrivera d'avoir parfois de mauvaises notes, mais ce 4 je ne l'ai jamais oublié car j'avais fait, et ma mère aussi, de réels efforts !

тельно сольфеджио, не позволяя мне даже положить руки на клавиши. Но я «отрывался» дома, где вдохновенно импровизировал на пианино — без сомнения, очень плохо, но мне нравилось! Вторую попытку мне доставлял кюре, который утверждал, что обучал меня латыни. У меня будет возможность снова упомянуть этого священнослужителя и рассказать о его поведении во время драматических событий при освобождении Эра (отмечаю, что даже жители деревни не всегда произносят целиком Эр-на-Адуре, а ограничиваются короткими Эр).

В школе у меня были хорошие отметки, за исключением предмета, который назывался «ручной труд». Я помню, как однажды учитель дал задание каждому из нас сделать дома треногу из толстой проволоки. Он начертил на доске схему треноги, велел запомнить и дома при изготовлении треноги следовать его чертежу. Несмотря на все мои усилия и, вероятно, из-за отсутствия убежденности в необходимости создания такого объекта, у меня получилось нечто непрезентабельное (гораздо позже, при наличии убежденности, я собирал и склеивал макеты кораблей!). Мама решила мне помочь, но изделие, которое получилось в результате нашего сотрудничества, было оценено учителем только на четыре балла из двадцати возможных (4/20). За мою школьную и лицейскую жизнь я иногда получал плохие оценки, но эти четыре балла я навсегда запомнил, потому что и я, и моя мама так старались!

C'est à Aire-sur-Adour que j'appris à jouer à la pelote basque et je me suis mis à aimer ce jeu ; chaque fois que le fronton du marché couvert était libre, la plupart du temps l'après-midi, j'allais y disputer des matchs avec les camarades à la sortie de l'école.

L'hiver 1944 n'a pas été froid, même si une petite chute de neige réussit à blanchir le paysage pour quelques heures. La neige fondit trop vite à mon goût car j'aurais aimé garder plus longtemps ce paysage enfariné qui me faisait rêver.

Mais il n'y a pas que les paysages enneigés qui me faisaient rêver. A environ un kilomètre de notre maison, au pied d'une colline, il y avait un petit camp de gitans proche d'un endroit où, avec des copains, nous allions jouer. Faut-il que je précise que je n'ai jamais été aussi libre qu'à Aire-sur-Adour, moi le petit garçon de bourgeois rochelais très aimé, mais aussi jusque là très suivi dans tout ce qu'il faisait. C'est à Aire que j'ai commencé à faire l'école buissonnière : je mentais à la vieille fille du piano en lui disant que ma mère était malade et que je devais rester près d'elle, je faisais le même mensonge au curé prétendant m'enseigner le latin, quant à l'école je me contentais de pas y aller . Ainsi je me souviens avoir séché l'école, les leçons du curé et les leçons dites de piano pendant une semaine entière, une semaine où je découvrais une autonomie jusque là ignorée, une véritable liberté de mouvement ! Je me promenais, j'allais au bord de l'Adour, ou je gagnais le petit ruisseau

Именно в Эр-на-Адуре я научился играть в баскскую пелоту и полюбил эту игру. Всякий раз, когда фронтон крытого рынка был свободен (в основном во второй половине дня), после школы мы устраивали там товарищеские матчи.

Зима 1944 г. не была холодной, всего лишь несколько раз за зиму долина реки и горы на несколько часов покрывались снегом. Я считал, что снег таял слишком быстро, мне хотелось, чтобы этот роскошный вид гор и долины, который заставлял меня мечтать, продержался подольше.

Но не только вид заснеженных гор заставил меня тогда мечтать. Примерно в километре от нашего дома, у подножия холма, расположился небольшой цыганский табор рядом с местом, где мы собирались для игр. Я должен сказать, что я никогда не ощущал себя настолько свободным, как в Эр-на-Адуре. Это ощущение свободы было новым для меня, маленького мальчика из Ла-Рошели, из буржуазной семьи, где меня все любили и чрезмерно опекали. Именно в Эре я начал прогуливать уроки: я лгал старой деве, которая учила меня играть на пианино, что моя мама заболела и что я должен был ухаживать за ней; я говорил то же самое кюре, который притворялся, что учил меня латыни; что касается школы, то и там я прогуливал уроки. Я помню, как целую неделю я не показывался ни в школе, ни на уроках у кюре, ни на так называемых уроках игры на фортепиано. Это была неделя, когда я почувствовал независимость,

qui longeait le marché couvert et là je regardais voler des petites libellules bleues, où bien je passais du temps à m'entraîner à la pelote basque, etc.

Bref je vivais des moments de vraie liberté. Bien sûr, quand l'abbé censé m'enseigner le latin vint se renseigner sur la santé de ma mère, celle-ci tomba des nues. Je ne fus pas sanctionné ; ma mère me regarda comme si je n'étais plus le même petit garçon... Elle fut plus surprise que déçue mais elle continua de m'aimer !

C'est aussi à Aire-sur-Adour qu'une jolie fille du camp de gitans me fit rêver. Elle avait douze ans, je n'en avais que dix. Ce fut ma première amourette. Elle était brune de peau, d'un brun doré. Elle avait un beau visage avec des yeux noirs, mais dans ce noir il y avait du feu. Elle prenait autant de risque à s'éloigner en cachette du camp des gitans que j'en prenais en faisant croire à ma mère que j'allais jouer avec Michel, le fils des agents d'assurance. Nous nous retrouvions dans un coin qu'on appelle à Aire « les saligats », c'est à dire « un endroit où poussent les saules », et là, nous ne sommes jamais allé plus loin que des baisers, mais des baisers sur la bouche, parfois très intenses comme ceux des acteurs de cinéma. Ils furent ma première initiation aux plaisirs de l'amour.

Un jour, je la cherchais, elle ne vint pas comme prévu. Allant vers le pré où ses parents étaient installés, je ne trouvais plus personne : les trois roulottes avaient

которая до тех пор мне была неизвестна, и настоящую свободу передвижения! Я гулял у берега Адур, вдоль маленького ручья, который бежал рядом с крытым рынком, и смотрел, как летают маленькие голубые стрекозы, у фронтона рынка я учился играть в баскскую пелоту и т. д.

Короче говоря, я впервые переживал моменты истинной свободы. Разумеется, когда кюре пришел узнать о здоровье моей матери, она поразилась. Я не был наказан; моя мама поняла, что я уже не маленький мальчик... Она скорее удивилась, чем разочаровалась во мне, и она продолжала любить меня!

Также именно в Эр-на-Адуре меня заставила мечтать о любви маленькая цыганка из табора. Ей было двенадцать лет, мне было всего десять. И это была моя первая любовь. Она была смуглой, ее кожа была золотисто-коричневого цвета. Она была очень красивой, ее черные глаза горели огнем. Как-то вечером она рискнула тайно покинуть цыганский табор, а я убедил маму, что собираюсь поиграть с Мишелем, сыном страховых агентов. Мы оказались в уголке, известном всем в Эре как «saligats», т. е. «в ивняке», и там мы не заходили дальше поцелуев, хотя и весьма страстных, в губы, как у актеров кино. Эти поцелуи были моим первым знакомством с наслаждениями любви.

Однажды я долго ждал ее в нашем месте, но она не пришла. Я слетел к подножью холма, в долину, где располагался табор, но там было пусто:

disparu. Les gitans avaient levé leur camp sans qu'elle ait eu le temps de m'avertir ni de me dire adieu : elle me manqua et c'est ainsi que je découvris ce qu'on appelle « le chagrin d'amour ». Je n'ai jamais su ce qu'elle était devenue, mais quand plus tard j'appris que les nazis faisaient la chasse aux gitans comme ils la faisaient aux juifs, cela me fit froid dans le dos et j'espère encore aujourd'hui que les trois roulottes et leurs occupants ont pu suivre leur route sans être agressés par les barbares qui sévissaient sur l'Europe.

La vie à Aire-sur-Adour m'avait transformé, et c'est là qu'un camarade de classe me fabriqua ma première arme, une fronde. Je la cachais car cet instrument était dangereux et avait été interdit par le directeur de l'école. Mais M. B. fabriquait des frondes que tout le monde lui envoyait et par le jeu d'échanges il en avait fourni à bon nombre d'élèves de l'école. Dois-je avouer que je n'ai jamais tué d'oiseau avec ma fronde mais j'aimais bien tirer sur des cibles comme par exemple des vieilles bouteilles.

Il y eut une fête des écoles et c'est sur l'estrade de l'ancien marché aux grains transformé en cinéma et théâtre que j'ai tenu un rôle dans des extraits de la pièce « Les Fâcheux » de Molière. Je pense que la pièce, en vers, avait été très simplifiée par notre directeur de l'École Saint-Joseph car, ayant tenu le rôle de Caritidès, j'ai l'impression que le texte

все три цыганские кибитки исчезли. Цыгане внезапно снялись с места, она не смогла попрощаться со мной; я скучал по ней, и именно так я познал то чувство, которое называется «горе». Мне было неизвестно, что тогда случилось с табором, но когда я позже узнал, что нацисты охотились за цыганами так же, как и за евреями, у меня пробежал холодок по спине, и я всё еще надеюсь сегодня, что покинувшие Эр три кибитки катились тогда своим путем по дороге, не подвергаясь нападению варваров, которые зверствовали по всей Европе.

Жизнь в Эр-на-Адуре сильно изменила меня, и именно там у меня появилось мое первое настоящее оружие — рогатка, которую для меня смастерил одноклассник. Я прятал ее, потому что рогатки были опасными; кроме того, директор школы запрещал приносить их в класс. Но рогатки были у многих учеников. М. Б. делал рогатки, которым все завидовали, и на них обменивали свои «сокровища». Я должен признаться, что я никогда не стрелял по птицам и не убивал их, мне нравилось стрелять из рогатки по цели, например, по старым бутылкам.

С Эром связан и мой первый актерский опыт. Во время школьного праздника, который проходил на площадке бывшего зернового рынка, преобразованного в кинотеатр со сценой, я сыграл роль Каритидеса в отрывках из пьесы в стихах Мольера «Докучные» («Les Fâcheux»). Я думаю, что наш директор школы Святого Иосифа ради

dont je fis profiter le public aturin (c'est ainsi qu'on appelle les habitants d'Aire) était beaucoup plus court que le texte original. Ce fut ma première et dernière expérience théâtrale, même si j'ai toujours rêvé plus tard de mettre en scène des pièces de Tchekhov qui reste un de mes auteurs de théâtre favoris. J'irai plus loin, c'est l'auteur de théâtre du XIXe siècle que je préfère, et si j'avais eu du talent c'est à lui que j'aurais aimé ressembler car j'admire autant l'homme qu'il fut que l'écrivain.

Cher lecteur, ces petites anecdotes (et je pourrais en raconter beaucoup d'autres) te montrent que nous vivions dans une relative tranquillité. Mais un grand événement allait briser cette tranquillité.

Le 6 juin 1944 je me levais comme d'habitude vers 7h30. Après avoir fait ma toilette je descendais dans la cuisine où ma mère préparait le petit déjeuner que nous allions prendre avec mon frère avant de partir pour l'école. Sur un buffet qui se trouvait sous le palier de l'étage qui menait à la cage d'escalier, se trouvait le poste de radio. C'était un récepteur de la marque « Ducretet-Thomson » avec un « œil magique » vert dont l'intensité variait avec les changements des longueurs d'onde. Quand on ouvrait le couvercle qui se trouvait sur le dessus du poste on trouvait un pick-up qui nous permettait d'écouter des disques. Ce poste était celui que nous possédions à La Rochelle et qui avait fait partie des quelques objets que nous avons pris avec nous pour venir vivre dans le Sud.

доступности текста жителям Эра сильно упростил ее, поскольку то, что разыгрывали мы, было намного короче, чем оригинал. Это был мой первый и последний театральный опыт, хотя позже я всегда мечтал о постановке пьесы Чехова, который остается одним из моих любимых театральных авторов. Более того, из всех драматургов XIX в. я предпочитаю Чехова, и если бы у меня был писательский дар, я бы хотел походить на него. Я всегда восхищался Чеховым, и как писателем, и как человеком.

Дорогой читатель, эти маленькие эпизоды (а я мог бы поведать и о других) свидетельствуют, что мы жили в относительном спокойствии. Но одно великое событие нарушило это спокойствие.

6 июня 1944 г. я встал, как обычно, около 7:30 утра. Умывшись, я спустился на кухню, где мама готовила для брата и меня завтрак. На буфете под лестницей стояла радиола. Это был приемник марки «Ducretet-Thomson» с зеленым «волшебным глазом», интенсивность свечения которого варьировалась в зависимости от изменения длины волн. Сверху, если поднять крышку радиолы, можно было поставить пластинку и послушать музыку. Эту радиолу, среди немногих вещей, мы привезли с собой из Ла-Рошели.

Ma mère avait allumé le poste pour écouter les informations, comme elle le faisait tous les matins, mais très occupée à nous préparer « un lait de poule », c'est-à-dire un jaune d'œuf non cuit mis et brouillé dans du lait chaud, elle ne portait aucune attention à ce que racontait Radio-Paris. Or j'avais l'habitude, prise avec mon grand-père à La Rochelle, d'écouter les informations du matin. J'entendis soudain le speaker prononcer une phrase qui m'intrigua, même si l'information donnée restait banale : « Des vedettes suspectes ont été aperçues au large des côtes normandes mais l'artillerie allemande les a empêchées d'approcher nos côte ».

Puis le speaker passa à d'autres sujets. « Maman, il faut qu'on écoute « Ici Londres » car je crois que ça bouge en Normandie » dis-je aussitôt à ma mère. « Ici-Londres » était très brouillée mais nous pûmes entendre des morceaux de phrases comme « opérations en Normandie », « largages de parachutistes réussis ».

Mon petit déjeuner pris, je partis avec mon frère à l'école où personne, ni le maître, ni les élèves ne semblaient être au courant de ce que je venais d'entendre. Évidemment je ne dis rien par prudence, une prudence apprise à La Rochelle, car le risque d'être dénoncé pour avoir écouté la radio anglaise était réel à Aire comme ailleurs. A la récréation il me sembla que deux des « grands » se disaient quelque chose à voix très basse, mais ils le faisaient souvent quand ils parlaient de filles... ! Revenu chez moi à midi je trouvais ma mère en train d'écouter Radio-Paris. Cette fois-ci il était question d'une tentative de débarquement des

В то утро мама, как обычно, включила ее, чтобы послушать новости, но была очень занята приготовлением для брата и меня «куриного молока» — сырого яичного желтка, размешанного в горячем молоке. Она не обращала внимания на то, что передавала станция «Радио Парижа». А у меня еще в Ла-Рошели благодаря дедушке выработалась привычка очень внимательно слушать новости. Я внезапно услышал, как диктор произнес фразу, которая заинтриговала меня, хотя вроде бы в ней не было ничего необычного: «Подозрительные катера были замечены у берегов Нормандии, но немецкая артиллерия помешала им приблизиться к нашему побережью».

Затем диктор перешел к другим темам. «Мама, — закричал я, — давай переключимся на „Говорит Лондон“, что-то произошло в Нормандии!» Слушать «Говорит Лондон» мешали сильные помехи, но мы смогли расслышать такие фрагменты, как «операция в Нормандии» и «успешная высадка десантников».

Позавтракав, я пошел с братом в школу, где никто — ни учитель, ни ученики, казалось, не знали о том, что я только что услышал. Я, разумеется, ничего не говорил из осторожности и осмотрительности, усвоенной еще в Ла-Рошели, потому что и в Эре, как и везде, было рискованно слушать английское радио. На перемене мне показалось, что двое «взрослых» говорили о чем-то вполголоса, но так тихо часто говорили о девушках! Когда я вернулся домой в полдень, я обнаружил, что моя мама слушает «Радио Парижа». На этот раз диктор вещал о попытке высадки англо-американцев, «обреченной на

anglo-américains, tentative dite « vouée à l'échec ». Le commentateur insistait sur les bombardements qui avaient fait de très nombreux morts et blessés dans la population civile française et expliquait que les forces du Mur de l'Atlantique étaient imprenables, que les quelques soldats débarqués allaient être inévitablement rejetés à la mer, et que les troupes allemandes en faction en arrière des côtes étaient en train d'intervenir avec succès et faisaient de nombreux prisonniers. Mais Ici Londres donna aux informations de 13h des nouvelles qui étaient loin de vérifier celles de Radio-Paris et nous comprîmes que le débarquement tant espéré était enfin en cours. De retour à l'école l'après-midi tous les élèves parlaient du débarquement et il y eut des disputes car, même s'ils étaient minoritaires, il y avait quelques pro-Allemands et pétainistes qui ironisaient sur ce débarquement et vantaient la puissance allemande.

Ce qui est sûr c'est que l'indicatif de la radio anglo-française « Radio-Paris ment ! Radio-Paris ment ! Radio-Paris est allemand ! » se vérifia pleinement ce jour-là, le 6 juin 1944.

Le débarquement eut pour effet immédiat de déclencher des opérations de l'A. S. (l'armée secrète) contre les Allemands dans la France entière, et à Aire-sur-Adour comme ailleurs. La tranquillité de la vie à Aire que j'ai déjà évoquée se transforma en crise une semaine après le débarquement.

Le 12 juin au soir un camion allemand arrive de Pau et traverse la ville. Il avait déjà été attaqué à quelques kilomètres d'Aire par les FTP (il s'agit de résistants

провал». В результате бомбардировки, возмущался он, было убито и ранено очень много французского гражданского населения; он пояснял, что возведенные Третьим Рейхом укрепления «Атлантической стены» неприступны, что несколько высадившихся солдат неизбежно будут отброшены в море и что немецкие войска, дислоцированные на побережье, успешно отразили высадку англо-американцев и захватили многочисленных пленных. Но в час дня радиостанция «Говорит Лондон» передала новости, из которых мы поняли, что долгожданная высадка союзных войск наконец началась. После обеда в школе уже все ученики говорили о высадке, даже спорили, потому что среди нас были немногочисленные «прогерманцы» и «петенисты», которые иронизировали по поводу «высадки» и восхваляли мощь немцев.

В чем я убедился в тот день, 6 июня 1944 г., так это в правдивости позывных радиостанции «Говорит Лондон»: «„Радио Парижа“ лжет! „Радио Парижа“ лжет! „Радио Парижа“ — это голос немцев!».

Высадка в Нормандии стала сигналом для запуска операций l'A. S. (секретной армии) по всей Франции, включая Эр-на-Адуре, где через неделю после высадки закончилась безмятежная и спокойная жизнь.

Вечером 12 июня со стороны города По появляется немецкий грузовик и проносится по улицам. До этого за несколько километров до Эра грузовик

Francs-Tireurs Partisans communistes en grande majorité). Débouchant de la rue principale d'Aire les soldats Allemands qui sont à l'arrière du camion aperçoivent deux hommes en arme dans le village près du pont qui franchit l'Adour. Ils tirent immédiatement et leurs balles perdues tuent deux civils qui prenaient le frais sur les bords de l'Adour. Le camion repart mais des résistants partent à sa poursuite en voiture. Le camion est immobilisé à la sortie du village, les soldats allemands fuient dans la campagne après avoir abandonné trois blessés. Le lendemain matin les maquisards ont disparu mais une colonne d'allemands s'installa dans le village : ils étaient équipés de voitures automitrailleuses qui passèrent devant notre maison à plusieurs reprises. Ils installèrent un campement près des arènes. Ma mère nous accompagnait à l'école, mon frère et moi.

Les gens les plus informés racontaient qu'il y avait des combats un peu partout dans les Landes. J'entendis parler de jeunes maquisards qui furent massacrés au château de Portet dans la région de Pau. Tous les jours on continuait à écouter les radios, celles autorisées et celles non-autorisées. On savait que les Russes, qui s'étaient emparé de la Roumanie et de la Bulgarie depuis quelques temps déjà, continuaient à avancer et mettaient l'armée allemande dans des difficultés de plus en plus grandes.

Les 12 Août au soir commencèrent des combats pour la libération de la ville. Le 13 au matin, on entendit depuis notre maison peu éloignée du lieu de l'attaque,

уже подвергся нападению партизан из группы сопротивления французских стрелков FTP (Francs-Tireurs Partisans). На повороте с главной улицы Эра немецкие солдаты, сидящие в кузове грузовика, замечают возле моста через Адур двух мужчин с оружием. Они сразу же стреляют, и их шальные пули убивают двух мирных жителей, которые вышли на берег Адур подышать свежим воздухом. Грузовик уезжает, но бойцы сопротивления на автомобиле бросаются за ним в погоню. На выезде из деревни они подрывают грузовик; немецкие солдаты разбегаются, оставив троих раненых. На следующее утро партизаны исчезают, но в деревню прибывает колонна немцев, оснащенная бронемашинами с пулеметами, которые несколько раз проехали мимо нашего дома. Немцы разбили лагерь возле арены для корриды. В тот день в школу нас с братом сопровождала мама.

Самые информированные люди рассказывали, что в Ландах повсюду шли бои. Я слышал о молодых партизанах, которые были уничтожены в замке де Портет, недалеко от города По. Каждый день мы продолжали слушать радиостанции, как официальные, так и запрещенные. Мы знали, что русские, которые уже освободили от нацистов Румынию и Болгарию, продолжали наступление и создавали всё больше проблем для немецкой армии.

Вечером 12 августа начались бои за освобождение Эра. Утром 13-го числа мы услышали стрельбу недалеко от нашего дома. Мама велела мне и брату

des coups de feu. Ma mère nous fit remonter dans nos chambres. Soudain une série de fortes explosions fit vibrer les vitres de la maison. J'ai su plus tard que c'était une camionnette allemande remplie de grenades qui se trouvait au bas d'une côte dite « la Côte du Mas » et qui n'arrivait pas à démarrer quand arrivèrent des voitures de résistants qui firent feu immédiatement dessus et provoquèrent ces explosions. Les Allemands ripostèrent et, fous furieux, commencèrent à entrer dans les maisons proches et tuèrent à coups de baïonnette, sur leur lit, un couple de personnes âgées. Le jeune professeur de gymnastique de mon école Saint-Joseph habitait une maison située à côté de celle de l'abbé qui me donnait des leçons de latin. Les Allemands traînèrent mon professeur sur le trottoir juste devant la maison de l'abbé et lui tirèrent une rafale de pistolet-mitrailleur qui l'atteint au ventre.

J'ai su dès le soir que ce jeune professeur appela sa mère pendant plus d'une heure avant de mourir sous la fenêtre de l'abbé qui n'eut pas le courage de descendre et de sortir pour lui porter secours, voire pour l'aider à mourir.

Ce comportement confirma définitivement la très mauvaise impression que j'avais eue de ce religieux ! Je précise que ce n'est pas parce qu'il était prêtre que je le jugeais mal, mais parce que l'homme m'avait toujours paru faux, et obséquieux quand il parlait à ma mère.

Un gros avion allemand bimoteur passait et repassait au-dessus du village à basse altitude et cela dura pendant une longue partie de la matinée ; j'avais vraiment peur qu'il lâchât des bombes. Je découvris à cette occasion à quel point le sommeil de mon frère, qui avait alors six ans, était profond car il continua à dormir

envoyer обратно в наши комнаты. Внезапно раздалась серия таких сильных взрывов, что завибрировали окна. Позже я узнал, что немецкий фургон, нагруженный гранатами, застрял у подножия холма под названием «la Côte du Mas» и не смог завестись. В этот момент появились машины бойцов сопротивления, из которых немедленно открыли огонь по фургону, что и вызвало эти взрывы. Немцы нанесли ответный удар и в ярости начали забегать в близлежащие дома, они закололи штыками спящую на кровати пожилую пару, они вытащили на тротуар молодого учителя физкультуры из моей школы Святого Иосифа, который жил в доме рядом с домом кюре, что давал мне уроки латыни. Кинув моего учителя на тротуар, они выстрелили ему в живот из автомата.

Мне сказали, что молодой учитель полчаса перед смертью кричал: «Мама!», он умер перед окном кюре, у которого не хватило смелости выйти, чтобы помочь ему хотя бы подготовиться к смерти.

Трусливое поведение кюре усилило мое отвращение к этому служителю церкви. Я его на дух не принимал не потому, что он был священником, а потому, что этот человек всегда, когда он разговаривал с моей матерью, казался мне неискренним и подобоострастным.

Всё утро над деревней на малой высоте кружил большой немецкий двухмоторный самолет. Я действительно боялся, что он сбросит бомбы. Тогда же я обнаружил, насколько глубоким был сон моего брата, которому на тот момент было шесть лет. Он так крепко спал, что его не разбудили ни

sur ses deux oreilles et ne fut réveillé ni par les explosions en séries des grenades, ni par le vacarme des autos-mitrailleuses, ni par le vrombissement des moteurs de l'avion qui passait pourtant très bas !

Les Allemands allaient-ils faire à Aire ce qu'avaient fait les soldats de la 2ème division blindée SS das Reich le 10 juin à Oradour-sur-glane où, tous les hommes ayant été fusillés, les femmes et les enfants furent enfermés dans l'église. Ces barbares mirent le feu à l'église en empêchant quiconque d'en sortir? Allaient-ils faire ce que cette même division SS avait fait le 9 juin 1944 à Tulle où 99 hommes (de 16 à 60 ans) furent pendus aux poteaux d'électricité et d'éclairage de la ville et 150 expédiés à Dachau dont 109 y moururent?

Le maire d'Aire-sur-Adour se présenta comme otage et demanda à discuter avec l'officier qui commandait les troupes allemandes présentes. Il réussit à convaincre ce dernier que l'attaque portée contre les Allemands avait été déclenchée par des parachutistes étrangers qui avaient été largués deux jours auparavant dans la région et que la population d'Aire n'était pour rien dans cette attaque. Il fut convainquant et il est clair que les Allemands étaient pressés de remonter vers le Nord. Ils abandonnèrent Aire-sur-Adour qui fut libérée définitivement.

Ainsi en apparence du moins, ce n'est ni à La Rochelle ni à Paris, que les violences de la guerre s'étaient le plus rapprochées de mon frère, ma mère et

серийные взрывы гранат, ни стрекот пулеметов, ни рев двигателей низко летящего самолета.

Собирались ли немцы в Эре сделать то же самое, что солдаты 2-й бронетанковой дивизии СС в Рейхе совершили 10 июня в Орадур-на-Глане (Oradour-sur-Glane), где они расстреляли всех мужчин, а женщин и детей заперли в церкви? Эти варвары подожгли церковь, не позволив никому покинуть ее. Собирались ли они делать то же самое, что совершила эта дивизия СС 9 июня 1944 г. в Тюле, где 99 человек (от 16 до 60 лет) были повешены на электрических столбах и городских фонарях, а 150 человек были отправлены в Дахау, 109 из которых умерли?

Мэр городка Эр-на-Адуре добровольно napросился заложником и добился встречи с офицером, что командовал расположившимся в городке подразделением немецких войск. Ему удалось убедить офицера, что нападение на немцев было совершено иностранными десантниками, которых сбросили в этот район двумя днями ранее, и что жители Эра не имеют никакого отношения к этому нападению. Ясными и понятными словами он сумел убедить офицера, и немцы поспешили отойти на север, а Эр-на-Адуре наконец-то был освобожден.

Ни в Ла-Рошели, ни в Париже моя мать, мой брат и я не были настолько на волоске от насильственной гибели, как в Эр-на-Адуре, в местечке, где, по

moi, mais à Aire-sur-Adour où mon père nous avait installés en pensant que rien ne pouvait nous arriver dans ce village... !

Au cours des mois d'août et septembre 1944 beaucoup de villes du Sud-Ouest de la France furent libérées, mais les divisions allemandes remontant vers la Normandie accomplirent des massacres effroyables.

Le 22 Août la ville de Pau était libérée, le 27 c'est Bordeaux qui se libérait, et ainsi très vite le Sud-Ouest, au prix de nombreux morts chez les maquisards, et chez des civils massacrés par les allemands, devint une zone d'où l'occupant avait été chassé. C'est aussi vers la fin août que Paris se soulève contre les Allemands et que la deuxième division blindée du Général Leclerc vient aider les résistants : le 29 Août Paris est libéré. A Aire comme dans toutes les villes libérées on met aux fenêtres les quatre drapeaux des alliés : le drapeau anglais, le drapeau américain, le drapeau de l'URSS et le drapeau français. Les croix gammées disparaissent enfin d'une grande partie du sol français. Cela me rendait fier et heureux.

Il n'en sera pas de même pour La Rochelle qui sera encore occupée 7 jours avant le suicide d'Hitler, alors que les armées russes étaient dans le centre de Berlin ! L'amiral Schirlitz, commandant de toutes les troupes allemandes qui occupaient encore ce qu'on appela la « poche de La Rochelle », ne capitulera que le 8 mai 1945. Mais je reviendrai sur ce sujet plus tard.

мнению моего отца, ничего ужасного не могло с нами случиться.

В течение августа и сентября 1944 г. многие города на юго-западе Франции были освобождены; однако, продвигаясь в сторону Нормандии, подразделения немецкой армии массово уничтожали мирное население.

22 августа был освобожден город По, 27-го — Бордо; таким образом, очень быстро юго-запад ценой многих жизней бойцов сопротивления и убитых немцами гражданских лиц стал зоной, откуда оккупанты были изгнаны. Также в конце августа Париж восстал против немцев, а вторая бронетанковая дивизия генерала Леклерка пришла на помощь бойцам сопротивления: 29 августа Париж был освобожден. В Эре, как и во всех освобожденных городах и деревнях, вывесили четыре флага союзников: английский флаг, американский флаг, флаг СССР и французский флаг. Флаги со свастикой перестали развеваться над большей частью французской территории. От этого меня охватило чувство гордости и счастья.

Однако над Ла-Рошелью всё еще развевался флаг со свастикой. Город оставался оккупированным и за день до самоубийства Гитлера, когда русские войска уже находились в центре Берлина! Адмирал Ширлиц, командующий немецкими войсками «Ла-Рошельского кармана», зоны сопротивления немцев, сдался только через 8 месяцев осады, 8 мая 1945 г. Но я вернусь к этому моменту позже.

Une partie de ma famille va donc se trouver dans une zone libérée pendant que l'autre sera dans une zone toujours occupée.

A la fin Août, alors que ma mère nous avait emmenés à Pau, chez ma tante Léontine, la sœur de « Maman Jeane », ma grand-mère paternelle, je fus pris par une otite très violente. On me conduisit chez un docteur qui dit à ma mère qu'il fallait me faire opérer d'urgence à Bordeaux dans une clinique dont il donna l'adresse ainsi qu'une lettre pour un professeur renommé. Nous rentrâmes à Aire par l'autobus mais le lendemain ma mère eut beaucoup de mal à trouver un taxi acceptant d'aller Bordeaux car si la ville était libérée il y avait encore des combats entre maquisards et des allemands qui résistaient dans certains secteurs au Sud de Bordeaux.

Elle en trouva enfin un qui accepta de prendre le risque. Arrivé à la clinique Saint-Sernin de Bordeaux, je passais deux fois sur la table d'opération en trois jours ; le professeur accepta que ma mère m'accompagne dans la salle d'opération jusqu'à ce que je sois endormi au chloroforme lors de la deuxième opération. Il avouera plus tard qu'il n'était pas sûr de me sauver car l'infection causée par l'otite avait provoqué une mastoïdite avec une ostéite, c'est-à-dire que la paroi osseuse crânienne était attaquée et qu'il y avait une caverne qui donnait sur les méninges. Je ne vais pas en dire plus long sur cette opération et les pansements très douloureux qui suivirent à une époque où il n'y avait pas encore d'antibiotiques. Après deux mois de clinique, c'est la tête bandée que je suis revenu à Aire sur

Итак, часть моей семьи оказалась в освобожденной зоне, а часть — в оккупированной.

В конце августа, когда мама отвезла нас в По к моей тете Леонтине, сестре «маман Жанны», моей бабушки по отцовской линии, у меня начался очень сильный отит. Меня отвели к врачу, который сказал моей матери, что мне нужна срочная операция. Он дал маме адрес клиники в Бордо и письмо для известного профессора, который мог бы сделать операцию. Мы вернулись в Эр на автобусе; на следующий день мама попыталась найти такси до Бордо, что было очень трудно, потому что, хотя город и был освобожден, по дороге к Бордо всё еще продолжались бои между макизарами-партизанами и немцами.

Наконец она нашла водителя, который согласился рискнуть. В клинике Сен-Сернан в Бордо за три дня я дважды побывал на операционном столе; перед второй операцией профессор даже согласился, чтобы моя мама была со мной в операционной, пока я не усну под воздействием хлороформа. Позже он признался, что не был уверен, что спасет меня, потому что инфекция, вызванная отитом, в свою очередь, вызвала мастоидит с оститом, т. е. у меня была повреждена костная стенка черепа, и инфекция могла попасть в мозг и вызвать менингит. Я не буду больше говорить об этой операции и очень болезненных перевязках, скажу только, что тогда еще не было антибиотиков. После двух месяцев, проведенных в клинике, с перевязанной

l'Adour où je n'ai pas pu reprendre l'école tout de suite.

Mon père obtint des Allemands, qui résistaient dans toutes « les poches de l'Atlantique », un laissez-passer pour Madame P., la vendeuse qui avait servi le premier client allemand de la librairie dont j'ai parlé en amont dans cette série de récits. Elle nous rejoignit à Aire-sur-Adour pour aider ma mère à s'occuper de mon frère et de moi. Elle restera avec nous jusqu'en 1945. Il fallut aussi un laissez-passer pour que ma grand-mère maternelle apporte à ma mère l'argent pour payer la clinique et le professeur qui m'avait opéré. Elle avait caché les billets dans les doublures recousues de son manteau et eut la chance de ne pas être fouillée à son départ de la gare de La Rochelle. Elle resta quelques jours avec nous puis revint à La Rochelle où elle vivait avec mon grand-père et mon père qui continuait à faire marcher la librairie et à faire tourner les machines de l'imprimerie.

En décembre une grande déception me toucha quand, en écoutant la radio qui faisait partie de mes distractions puisque sur avis du médecin je n'allais pas à l'école, l'ignoble Radio-Paris annonça que les troupes allemandes avec un très grand nombre de blindés avaient enfoncé le front des alliés et menaient une offensive victorieuse dans les Ardennes¹. De ces informations j'ai gardé un très fidèle souvenir car sachant que les Allemands occupaient encore la côte atlantique à partir de Royan, à la sortie de l'estuaire de la Gironde, je m'imaginai que la jonction finirait par

головой я вернулся в Эр, где не сразу вернулся в школу.

Помогать моей матери ухаживать за мной и братом приехала мадам П., продавщица нашего книжного магазина, которая при оккупации Ла-Рошели обслужила первого немецкого покупателя. Для нее мой отец раздобыл пропуск у немцев, которые всё еще занимали все «атлантические карманы». Она оставалась с нами до 1945 г. Такой же пропуск отец раздобыл и для бабушки по материнской линии, она привезла маме деньги на оплату моей операции и лечения в клинике. Перед отъездом бабушка спрятала банкноты в потайном кармане, вшитом в подкладку пальто, и ей повезло, что ее не обыскали на вокзале в Ла-Рошели. Она пробыла с нами несколько дней, а затем вернулась в Ла-Рошель к моим деду и отцу, которые продолжали управлять книжным магазином и типографией.

В декабре я испытал сильный шок, когда, оставшись дома по совету врача, слушал «Радио Парижа». Меня охватило отчаяние, когда я услышал, что немецкие войска с многочисленными танками прорвались сквозь фронт союзников и вели успешное наступление в Арденнах¹. Об этой информации я сохранил очень четкие воспоминания. Я знал, что немцы по-прежнему занимали атлантическое побережье к югу от Руана, от устья Жиронды. Я воображал, что союзники столкнутся с Армией фон Рундштедта, которая, казалось,

¹ Речь идет об Арденнском контрнаступлении, которое началось 16 декабря 1944 г.

s'opérer avec l'armée de Von Rundstedt qui semblait progresser à grande vitesse. Ma mère et madame P. ne croyaient pas au succès allemand, mais moi je le craignais. Heureusement qu'au bout de quelques jours l'offensive allemande tourna au fiasco complet, et même si la guerre était loin d'être terminée, c'est avec l'esprit tranquille que j'accompagnais ma mère et mon frère à la messe de minuit dans la belle cathédrale d'Aire sur Adour la nuit de Noël 1944.

Parmi les cadeaux trouvés au pied de l'arbre de Noël le lendemain je trouvais en jouet la copie de la mitraillette anglaise STEN que j'avais supplié sans succès ma mère de m'acheter depuis ma sortie de la clinique de Bordeaux. Le père Noël avait entendu ce que ma mère n'avait pas voulu entendre. Mais je n'étais pas dupe... La bûche de Noël que ma mère acheta chez le pâtissier dont le magasin se trouvait sur la place de l'église nous régala. Le professeur qui m'avait opéré à Bordeaux vint à Aire sur l'Adour où il avait de la famille et demanda à me voir. L'opération avait réussi et il me dit que dès la fin du mois de février je pourrai enlever le bandage de ma tête et retourner à l'école. L'année 1944, malgré ma ville natale toujours occupée et mes ennuis de santé, se terminait donc plutôt bien.

L'année 1945

S'il est une année importante pour l'Histoire, ce fut évidemment celle au cours de laquelle la guerre s'acheva, mais pour le petit garçon de 10 ans elle n'est pas celle qui me marqua le plus. Certes, je vivais sur une terre désormais libérée de l'occupation allemande, mais il n'était

наступала стремительно. Моя мама и мадам П. не верили в успех Германии, а я боялся, что они победят. К счастью, через несколько дней немецкое наступление потерпело полное фиаско, и даже если война была далека еще от завершения, я со спокойной душой присутствовал с мамой и братом на полуночной мессе в прекрасном соборе Эр-на-Адуре в рождественскую ночь 1944 г.

Среди подарков, найденных у рождественской елки на следующий день, я обнаружил игрушечную копию английского автомата STEN. Еще в Бордо после лечения в клинике я безуспешно упрашивал маму купить его. Санта-Клаус услышал то, что она не хотела слышать. Но меня уже не так уж легко было обмануть... Рождественское полено, которое мама купила в кондитерской на церковной площади, было очень вкусным. В Эр приехал повидать свою семью профессор, который оперировал меня в Бордо, и он попросил у мамы разрешения осмотреть меня. Операция прошла успешно, и он сказал мне, что в конце февраля я могу снять повязку с головы и вернуться в школу. Несмотря на то, что мой родной город всё еще был оккупирован, и у меня были проблемы со здоровьем, 1944 год закончился довольно-таки хорошо.

1945 год

Для истории 1945 г. имеет большое значение: в этот год закончилась война. Однако для меня десятилетнего он не был годом, который запомнился больше всего. Действительно, когда год начался, я уже жил на освобожденной территории, но мой родной город Ла-Рошель,

pas encore de même pour La Rochelle, comme je l'ai déjà signalé. N'étant pas encore retourné à l'école (ma mère me faisait travailler) j'écoutais souvent la radio mais les informations, même quand elles signalaient des sursauts de la résistance allemande comme ceux de leur contre-attaque dans les Ardennes, ou de leur dernière offensive en Alsace vers la fin du mois de janvier, ne m'inquiétaient plus. Pourtant c'était compliqué d'adhérer à l'enthousiasme manifesté par la grande majorité des régions libérées car mon père, mes grands-parents maternels étaient toujours en territoire occupé. La bête n'était pas encore morte et une bête blessée peut devenir très dangereuse dans ses derniers moments.

Comme me l'avait annoncé le chirurgien qui m'avait opéré et m'avait donné une consultation à Aire, au mois de février je n'avais plus la tête bandée et revenais à l'école, mais je manquais souvent car dès que j'avais la moindre douleur ma mère me gardait à la maison et était toujours prête à me reconduire à Bordeaux. C'est donc une scolarité en pointillés que je suivis désormais. Je ne veux pas trouver d'excuses à ma paresse, mais mes résultats à l'école élémentaire Saint-Joseph furent beaucoup moins bons qu'avant mon opération, et j'avoue que ce que l'on voulait m'apprendre ne m'intéressait plus. J'aimais toujours lire, mais ce que je voulais, et non ce qu'on m'imposait, malheureusement à Aire je n'avais plus à ma disposition ni la bibliothèque familiale ni la librairie.

как я уже упоминал, был всё ещё оккупирован немцами. До того, как мне разрешили вернуться в школу, фактически на домашнем обучении под строгим маминым надзором, я часто слушал радио. Но где-то к концу января я перестал сильно переживать, когда передавали новости, даже если говорили о контратаках немцев в Арденнах или об их последнем наступлении в Эльзасе. Мне было трудно ликовать вместе с подавляющим большинством жителей освобожденных регионов, потому что мой отец, мои бабушка и дедушка по-прежнему находились на оккупированной территории. Зверь на тот момент ещё не умер, а раненый зверь в последние минуты своей жизни может стать очень опасным.

Как и обещал хирург, который прооперировал меня в Бордо и осматривал в Эре, в феврале мне сняли повязку с головы и я вернулся в школу, но я её часто пропускал, потому что при малейшей головной боли мама оставляла меня дома и всегда была готова отвезти меня в клинику в Бордо. Поэтому у меня было «пунктирное», или прерывистое обучение, которому я следовал всю жизнь. Я не хочу искать оправдания своей лени, но мои результаты в начальной школе Сент-Джозеф были намного хуже, чем до моей операции, и я должен признать, что то, чему меня хотели научить, не очень-то интересовало меня. Мне всегда нравилось читать, но только то, что я хотел читать, а не то, что навязывалось мне в школе. К сожалению, в Эре у меня не было доступа ни к нашей семейной библиотеке, ни к нашему книжному магазину.

Les informations m'intéressaient beaucoup moins car si elles continuaient à parler de la guerre, il était déjà question de politique, de nationalisations, de procès des collaborateurs, etc. alors que la croix gammée flottait toujours au-dessus de la mairie de La Rochelle, et, même si je ne la voyais pas je n'avais pas de mal à l'imaginer, et cela me déplaisait.

C'est bien plus tard que j'appris que pendant cette période bizarre où tout le monde avait déjà crié victoire alors que les Allemands tenaient les « poches de l'Atlantique », mon père¹ qui faisait partie d'un réseau de résistance avait failli être fusillé. Il est toujours resté discret sur le rôle qu'il avait joué, mais on me raconta, et il me le confirma, qu'il passait régulièrement les lignes pour renseigner les résistants, dont la plupart venaient des maquis de Dordogne, sur les positions et mouvements des Allemands. Il faillit être pris une fois, la nuit, dans les dunes de Châtelailлон, où une patrouille le poursuivit en lui tirant dessus et il ne dut son salut qu'à sa connaissance parfaite des lieux par rapport à celle de ses poursuivants. Engagé à 18 ans pour deux ans en 1926, il avait quitté l'armée avec le grade de sous-officier et un premier prix de langue arabe... ! Il était adjudant de réserve quand il fut mobilisé en 1939.

Меня уже не так сильно интересовали новости, потому что хотя в них и говорилось о войне, но больше о политике, национализации, судебных процессах над коллаборационистами и т. д. А в это время над ратушей в Ла-Рошели всё еще развевалась свастика, и даже если я ее не видел воочию, у меня не было проблем с воображением, и это не доставляло мне радости.

Гораздо позже я узнал, что в тот странный период, когда повсюду уже объявляли победу, а немцы по-прежнему удерживали «атлантические карманы», моего отца¹, который был частью сети сопротивления, едва не застрелили. Отец был крайне сдержанным относительно своей роли в этой сети, но мне рассказали, и он подтвердил это сам, что, будучи связным, он регулярно пересекал линию обороны и доставлял информацию о позициях немцев макизарам Дордони. Однажды ночью он чуть не попался в руки немцев в дюнах Шателайлон: убегая от стреляющих в него патрульных, он спасся только потому, что, в отличие от своих преследователей, отлично знал местность. Отец научился прятаться в дюнах в Африке, когда в 1926 г. в возрасте 18 лет он оказался в армии, которую покинул через два года в звании унтер-офицера и с первой премией за знание арабского языка. Он был офицером запаса, когда его мобилизовали в 1939 г.

¹ Marillaud Pierre [Marillaud Pierre, André]. Pseudonyme : Teddy. Né le 11 octobre 1908 à La Rochelle (Charente-Maritime), mort le 30 juillet 1996 à Lyon (7e arr.) ; maître imprimeur ; résistant. URL: <https://maitron.fr/spip.php?article211339>

Pour que des civils puissent rejoindre leurs familles hors de la poche de La Rochelle il fabriquait des faux laissez-passer qu'il imprimait. Or un jour, parce que deux laissez-passer à un même numéro (le hasard joue parfois de très mauvais tours !) la police allemande comprit qu'un des deux laissez-passer était faux, et qu'il venait sûrement de notre imprimerie. Les Allemands décidèrent donc de perquisitionner notre maison.

Quand ils entrèrent dans le magasin, il y avait encore une pile de laissez-passer dans l'imprimerie que le contre-maître eut le temps de monter à notre appartement où mon grand-père les jeta dans la cuisinière et y mit le feu. L'officier qui commandait le groupe voulut visiter les caves (déclarées abris publics) et quand il se trouva seul avec lui dans la deuxième cave, mon père se demanda s'il allait le tuer, mais vu le nombre de soldats qui se trouvaient dans l'immeuble et qui continuaient à fouiller partout, il comprit qu'il allait mettre en danger la vie de mes grands-parents et de tout le personnel de la librairie et de l'imprimerie.

Il n'y avait rien dans les caves, mais une deuxième pile de faux laissez-passer était restée sur le plateau de la machine automatique de l'imprimerie. Un des typographes eut le temps de jeter la pile sur le sol et de faire tomber par dessus une petite rame de feuilles de papier qui couvrirent les laissez-passer. Les Allemands ne portèrent pas attention à ces papiers qui

Кроме того, в нашей типографии он печатал фальшивые пропуска для горожан, которые хотели воссоединиться со своими семьями, живущими за пределами «кармана» Ла-Рошели. Однажды, когда в одном и том же подконтрольном немцам пункте предъявили два пропуска с одинаковыми номерами (случайность иногда играет очень злую шутку!), немецкие полицейские поняли, что один из двух пропусков был фальшивым и, весьма вероятно, был напечатан в нашей типографии. Поэтому немцы решили обыскать наш дом.

Когда они вошли в магазин, в типографии все еще оставалась стопка пропусков, однако бригадир успел подняться с ними до наших апартаментов, где мой дед бросил их на кухне в печь и поджег. Офицер, который командовал группой солдат, хотел осмотреть подвалы (объявленные еще в начале войны общественными убежищами), и когда мой отец оказался наедине с немцем во втором подвале, у него мелькнула мысль: а не застрелить ли ему этого офицера? Но, учитывая количество солдат, которые обыскивали дом, отец понимал, что так он бы поставил под угрозу жизнь моих бабушки и дедушки, а также всех продавцов книжного магазина и рабочих типографии.

В подвалах офицер ничего не обнаружил, но в типографии на поддоне печатного станка оставалась вторая пачка поддельных пропусков. Один из типографов успел сбросить пачку на пол и скинуть на нее небольшую стопку листов бумаги. Листы разлетелись и покрыли пропуска. Немцы не обращали внимания на эти бумаги,

traînaient par terre, car il est courant que des papiers traînent sur le sol dans une imprimerie. Ils marchèrent dessus à plusieurs reprises, cherchant partout, sauf là, à leurs pieds. Cette perquisition aurait pu valoir à mon père d'être fusillé. En repartant l'officier allemand se contenta de dire à mon père avec son accent « Herr < Marilao >, je sais que < fous > nous trompez ».

Mon père continua jusqu'à la libération de La Rochelle à franchir les lignes et à fournir des faux laissez-passer. Il était également en liaison avec le réseau de résistants qui s'était formé à l'intérieur de l'entreprise du plus important client de notre imprimerie, les Chantiers Navals Delmas-Vieljeux. A La Pallice, dans un endroit que les Allemands ne trouvèrent jamais, ces résistants construisirent quatre automitrailleuses blindées dont ils voulaient se servir pour libérer la ville. Ils n'en eurent pas besoin car les Allemands capitulèrent le 7 mai 1945, l'amiral Schirlitz se rendant officiellement le 8 mai, jour où les troupes du colonel Granger entrèrent dans la ville. Les automitrailleuses ne furent donc utilisées que pour défilé en fêtant la victoire des alliés ! Hitler s'était suicidé le 30 avril, c'est-à-dire une semaine plus tôt !

On a plusieurs fois proposé à mon père de le citer et le décorer, de l'honorer, il n'a jamais voulu.

Tout d'abord je dirai qu'il a « résisté » dès son retour en France mais qu'il ne se considéra jamais comme un « résistant ». Or je peux expliquer une des raisons de ce refus, une raison qui illustre à quel

разбросанные по полу, поскольку в типографиях пол всегда усыпан бумагой. Они несколько раз перевернули всё, кроме как у себя под ногами. Этот безуспешный поиск, возможно, спас моего отца от расстрела. Уходя, немецкий офицер всего лишь сказал с акцентом: «Герр „Марилао“, я знаю, что вы нас обманываете».

Вплоть до освобождения Ла-Рошели мой отец в качестве связного продолжал пересекать линию обороны, а также изготавливать в типографии фальшивые «аусвайсы». Он также имел связи с сетью сопротивления верфи Delmas Vieljeux в Ла-Рошели, самого важного клиента нашей типографии. В Ла-Паллисе — в месте, которое немцы так и не нашли — эти бойцы сопротивления собрали четыре бронепулемета, которые они планировали задействовать для освобождения города. Бронепулеметы не понадобились, потому что немцы капитулировали 7 мая 1945 г., а адмирал Ширлиц официально сдался 8 мая — в день, когда войска полковника Грейнджера вошли в город. Поэтому бронепулеметы понадобились только для парада во время празднования победы союзников! Гитлер покончил с собой 30 апреля, неделей ранее!

Отцу несколько раз предлагали принять почести и награды, но он всегда отказывался.

Я бы сказал, что он начал «сопротивляться» немцам, как только вернулся во Францию из концлагеря, но он никогда не считал себя участником «движения сопротивления». И я могу

point les choses sont parfois compliquées dans la psychologie d'un être humain !

Ancien militaire engagé dans l'Armée d'Afrique, comme je l'ai déjà précisé, ancien adjudant de réserve mobilisé en 1939, fait prisonnier puis libéré en 1941, il devint très vite un agent de renseignements militairement expérimenté pour la Résistance, et il fit, comme il le disait lui-même, simplement son devoir. Tout en s'étant battu contre les Allemands qu'il appelait souvent les « boches » comme le faisait mon grand-père maternel, en ayant continué à s'opposer à eux dès son retour d'Allemagne, une chose le dérangeait : il ne supportait pas le statut de « franc-tireur » car l'homme de droite, royaliste qu'il était, pensait que la guerre ne devait se dérouler qu'entre les militaires, qu'entre des hommes en uniformes et je n'ai pas eu de mal à imaginer que cette position qui l'obligeait à lutter contre des Allemands alors qu'il n'était plus sous un uniforme de l'armée française le gênait.

Si je me permets de tenir ce propos c'est parce qu'un jour il me confia que tout en reconnaissant le courage des résistants cette condition de faire la guerre sans être des soldats d'une armée régulière ne l'avait jamais enthousiasmé. C'est une position idéaliste, naïve, qui ne résiste pas à l'analyse, mais elle était ancrée en lui comme en beaucoup d'autres membres de la famille. Mais personne de notre famille ne considéra, comme le faisaient les Allemands, les résistants comme des « terroristes ».

Ces choses étant dites, quand avant la fin de l'année 1945 alors que nous revenions, mon père et moi, de Poitiers,

expliquer une des raisons de ce refus — raison, qui montre, dans quelle mesure la psychologie humaine est complexe !

Бывший военный, служивший в Африке, офицер запаса, мобилизованный в 1939 г., взятый в плен, а затем освобожденный в 1941 г., он, как человек, имеющий военный опыт, быстро стал агентом разведки Сопротивления и выполнил, как он сам сказал, свой долг. Во время борьбы с немцами (которых он часто называл «бошами», как и мой дед по материнской линии) он начал действовать против них, как только вернулся из Германии; его смущал лишь его статус «франтирера», фактически партизана-одиночки. Он был человеком правых взглядов, роялистом, и считал, что война должна вестись только между армиями, военными, т. е. людьми в форме. Его беспокоила ситуация, что он был вынужден сражаться против немцев, не будучи в форме французской армии.

Однажды он признался мне, что, не оспаривая мужество бойцов сопротивления, стиль ведения войны, при котором сражаются люди, не являющиеся солдатами регулярной армии, никогда не вызывал у него восторга. Это была идеалистическая, наивная позиция, которая не выдерживает критики, но она укоренилась в нем, как и во многих других членах нашей семьи. Но у нас дома никто и никогда не считал борцов сопротивления «террористами», как их называли немцы.

То, что вещи и деяния говорят сами за себя, я убедился, когда в конце 1945 г. мы возвращались из Пуатье и отец на-

il tint à faire un crochet par Oradour-sur-Glane où nous passâmes une après-midi entière. Il était clair que les soldats d'une armée régulière allemande avait accompli là les gestes les plus barbares qu'on puisse imaginer en massacrant une population civile entière, femmes et enfants compris. Je sais qu'ils ont fait la même chose un grand nombre de fois en Russie. J'ai le souvenir de la tristesse qui s'empara de moi lors de cette visite. Une phrase me reste de lui : « Il n'y a que des salopards , des barbares, qui aient pu faire ça ! ».

Puisque je viens de parler de mon père, j'ajoute quelques mots sur lui. Il fut avant tout un homme de la mer. J'ai retrouvé un roman manuscrit qu'il écrivit sans doute en 1930 bien après son retour de l'Algérie. Ce roman , qu'il ne publia pas, commence ainsi en évoquant le port de La Rochelle :

« La mer est mon amie d'enfance. Je rôde sur les quais, et mes yeux tout neufs, la contemple. Son clapotis, chantant, m'appelle, et j'accours. Chaque jour, je pars en courant du foyer, et ne respire d'aise qu'en débouchant sous l'arche de la petite rue du port. Alors seulement, je flâne. Du moins en apparence ; ma rétine fouille, scrute, vole d'un étambot à la pomme d'un mât, saisit un frisson de voile, un jeu de lumière, un reflet sur l'eau.

Dans ce vieux port, si pittoresque, j'ai un coin favori : la courbe du quai, au pied de la tour de la Chaîne !

стоял на том, чтобы мы сделали крюк и поехали по объездной дороге через Орадур-на-Глане, где мы провели весь день. На месте я убедился в том, что солдаты регулярной немецкой армии совершили там варварское преступление, какое только можно себе представить, уничтожив всё гражданское население, включая женщин и детей¹. Я знаю сейчас, что нацисты много раз действовали таким же образом и в России, и я помню гневную печаль, которая охватила меня тогда в Орадур-на-Глане. В моей памяти остались и слова отца: «Только ублюдки, варвары, могли это сделать!»

Поскольку я только что говорил о своем отце, я хотел бы добавить несколько слов о нем. Он был, прежде всего, человеком моря. Я нашел рукописный роман, который он, вероятно, написал в 1930 г., после возвращения из Алжира. Этот роман, который он не опубликовал, начинается с описания порта Ла-Рошель:

«Море — мой друг детства. Я брожу по набережным, и как будто бы совершенно новыми глазами смотрю на море. Оно плещет, поет, зовет меня, и я бегу. Каждый день я убегаю из дома и начинаю дышать спокойно только тогда, когда сворачиваю с маленькой улицы под арку, открывающую порт. Только тогда я замедляю шаг. Мой взгляд фиксирует панораму порта, его каждый уголок, летит от кормы до клотика мачты, ловит дрожь паруса, игру света, его отражение в воде.

В этом живописном старом порту у меня есть любимый уголок — изгиб набережной, у подножия Цепной башни!

¹ Церковь в Орадур-на-Глане, где эсэсовцы сожгли 642 мирных жителя.
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_Орадур-сюр-Глан

Là, se pressent les « dundees », grands oiseaux aux ailes brunes, rouges, jaunes ou bleues. Oiseaux du grand large que la pêche entraîne des jours durant sur les bancs d'Irlande, du Maroc, et parfois de Mauritanie. Ils forment trois nichées principales : Ceux de Lorient, des Sables d'Olonne et de La Rochelle. Sans regarder leur port d'attache, peint sur l'avant, je les classe : les premiers sont toujours sales, les seconds, poncés, briqués fleurant la lessive ; les nôtres... entre les deux.

[...]

Dix-huit ans. Je tourne une page de ma vie. Je pars en Algérie, engagé volontaire, deux ans. Pourquoi la chéchia¹ et non le pompon rouge² ? — Je veux partir, tout de suite ; laisser des vagues et des vagues derrière moi. »

Oui, mais son héros, dont le caractère autobiographique est évident, reviendra bien vite à La Rochelle, et se remettra à naviguer.

Il n'est pas le seul à avoir usé de la métaphore des oiseaux de mer pour signifier les bateaux de pêche, mais je le dis sans chauvinisme, il aimait et savait écrire. Une fois un roman ou ses souvenirs (illustrés par ses propres dessins et aquarelles) achevés, ils ne prenaient pas la peine de les publier et nul doute qu'il préférerait consacrer du temps à barrer son premier bateau, celui que lui avait offert mon grand-père paternel alors qu'il n'avait que 16 ans, son voilier de six mètres auquel il avait donné le nom d'un oiseau de mer, « le Pétrel ».

¹ Головной убор военнослужащих французской армии Африке.

² Элемент головного убора французского моряка.

Там скопились двухмачтовые рыбацкие лодки — крупные птицы, чьи крылья отливают коричневым, красным, желтым или синим цветом. Птицы открытого моря, которые в течение нескольких дней ловят рыбу у берегов Ирландии, Марокко, а иногда и Мавритании. Они гнездуются в Лорьяне, Песках Олони и Ла-Рошели...

<...>

Мне восемнадцать лет. Я переворачиваю страницу в моей жизни. Я собираюсь в Алжир, добровольцем на два года. Почему чечья¹, а не красный помпон²? Я хочу сразу же уехать, оставив волны позади меня.»

Герой романа, во многом повторяющий характер автора, вскоре вернется в Ла-Рошель и к волнам.

Отец был не единственный, кто использовал метафору морских птиц для описания рыбацких лодок, но я скажу без пристрастия, что он любил и умел писать. Как только роман (или его воспоминания) был закончен, отец его проиллюстрировал акварелями, но никто не удосужился его опубликовать. Сам отец тогда, без сомнения, предпочитал проводить время за рулем своей первой парусной лодки, подаренной ему (еще 16-летнему) его отцом, моим дедом. Это был шестиметровый парусник, которому он дал имя морской птицы: «le Pétrel», «Буревестник».

Cher lecteur, excuse-moi pour cette incursion dans un monde qui n'était pas celui de la guerre 1939-1945, dans laquelle mon père fut très impliqué, mais je n'ai pas pu m'empêcher de laisser entrevoir quelques pans de sa personnalité, difficile parfois, attrayante toujours, et malgré mon caractère très différent du sien, il fut toujours pour moi une référence intellectuelle, et morale, même si sa morale faisait voler en éclats les conventions bourgeoises... Il y avait en lui un artiste, un écrivain, un peintre, un intellectuel qui avait lu Darwin, Lamarck, évidemment Maupassant qui fut comme lui un passionné de la mer et des bateaux, mais il ne chercha jamais à cultiver ses talents, il se contenta de les mettre au service de son plaisir de vivre... Jules Verne, Loti, Blaise Cendrars, Claude Farrère, et bien d'autres qui eurent un lien privilégié avec la mer étaient sinon des modèles, du moins des références pour lui. Il avait une admiration sans borne pour l'écrivain et marin Henri de Monfreid qu'il avait rencontré, mais je ne sais ni où ni quand.

Je reviens à la guerre ; après les débarquements en Normandie puis en Provence en 1944, il fallut un troisième débarquement en 1945, sur l'île d'Oléron cette fois-ci, pour tenter de réduire la poche de La Rochelle qui résistait, comme celles de Lorient et Saint-Nazaire. Par rapport aux deux premiers débarquements précités, celui d'Oléron fut plus modeste mais il fit beaucoup de morts car l'aviation américaine, faisant

Я прошу прощения, дорогой читатель, за это погружение в эпоху, относительно далекую от войны 1939-1945 гг., которая затронула моего отца, но мне показалось необходимым показать, каким он был человеком. Он всегда привлекал к себе людей, хотя с ним иногда было трудно иметь дело. Несмотря на то, что у меня совершенно иной характер, отец всегда был для меня интеллектуальным и моральным ориентиром, даже если его собственная мораль опрокидывала буржуазные условности... Он совмещал в себе художника, писателя, живописца, он был интеллектуалом, который читал Дарвина, Ламарка, безусловно, Мопассана, который также страстно любил море и парусники — но отец никогда не стремился развивать свои таланты, он довольствовался тем, что поставил их на службу своему наслаждению от жизни. Он сверял свою жизнь по авторам, чьи жизнь и творчество были связаны с морем; среди них Жюль Верн, Лоти, Блез Сандрар и Клод Фаррер. Он безгранично восхищался писателем и моряком Анри де Монфрейдом, которого знал лично.

Возвращаясь к теме войны, отмечу, что после высадки союзников в Нормандии, а затем в Провансе в 1944 г., в 1945 г. потребовалась третья высадка — в этот раз на острове Олерон — с целью уменьшить «карман» Ла-Рошели, где немцы отчаянно сопротивлялись, как и в «карманах» Лорьяна и Сен-Назера. По сравнению с первыми двумя, операция в Олероне не была столь масштабной, но она

une erreur d'objectif rasa complètement la ville de Royan.

Après la capitulation totale de l'Allemagne le 8 mai 1945, nous restâmes à Aire-sur-Adour jusqu'en Septembre, ce qui ne me plaisait pas car il me tardait de retrouver le port de La Rochelle, la plage, les îles de Ré, d'Aix¹ (le dernier sol français foulé par Napoléon), d'Oléron, enfin l'Océan Atlantique avec tout ce qu'il apporte et inspire à qui sait vivre près de lui.

Je voudrais dire que la mer des touristes, les plages dorées avec derrière elles des rideaux de palmiers ou de cocotiers, l'eau bleue des lagons avec des piscines d'hôtels de luxe la dominant, toutes ces images dont la pub de la TV nous inonde aujourd'hui ne m'ont jamais séduit.

La mer que j'aime c'est à la fois le grand large, les petites baies dans lesquelles on jette l'ancre un soir, mais aussi les ports avec leurs grues, leurs quais où grouillent les dockers qui chargent ou déchargent les bateaux, les marins qui traînent dans les bistros avant de repartir, les filets qu'on répare sur les quais, les sardines qui arrivent et que les marchandes prennent à la sortie des bateaux pour aller les vendre sur leurs petits charrettes en criant « Sans sel, fricassées, les bonnes sardines Messieurs Dames ! » dans les rue de la ville, les phares le soir qui tournent et balaient la côte de leurs rais de lumière, etc., bref ma mer n'est pas la mer des touristes et des plages

привела к гибели многих людей: американская авиация, перепутав цели, полностью разрушила город Руайан.

После полной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. мы еще оставались в Эр-на-Адуре до сентября, и я сгорал от нетерпения, потому что мне очень хотелось увидеть снова порт Ла-Рошели, пляж, Иль-де-Ре, Иль-д'Экс¹, Иль д'Олерон, наконец, Атлантический океан со всем, чем он вдохновляет тех, кто знает, как жить возле него.

Я хотел бы сказать, что меня никогда не манило «море туристов» с его золотыми пляжами, зонтиками из пальмовых листьев, с синевой лагун и с бассейнами в роскошных отелях. Все эти рекламные красоты, соблазняющие туристов по телевидению, ничего не говорят моему сердцу.

Море, которое я люблю, — это открытое пространство с небольшими бухтами, где вечером можно бросить якорь, а также порты с кранами, причалами, где суется докеры, загружая или разгружая лодки, где в бистро перед выходом в море веселятся моряки, где на набережных рыбаки чинят сети, где выгружают емкости с сардинами, а торговцы рыбой снуют по улицам города со своими тележками, выкрикивая: «Без соли, филе, свежие сардины, дамы и господа!» — а вечером вращающийся свет маяков пронизывает побережье своими лучами и т. д. Вот мое море, куда я вернулся в конце лета 1945 г. Мое возвращение в Ла-Рошель

¹ Последняя французская земля, где находился Наполеон, после поражения при Ватерлоо.

noires de monde. Je m'arrête d'en parler, mais sache cher lecteur que revenir à La Rochelle à la fin de l'été 1945 fut pour moi plus qu'un plaisir... C'était revenir à un certain ordre des choses qui me convenait.

La guerre était finie et à la rentrée scolaire je retrouvais mon Lycée « Eugène Fromentin ». Le rochelais Eugène Fromentin (1820-1876) fut à la fois un peintre orientaliste de renom et un écrivain dont l'un de ses romans « Dominique » a été reconnu comme un chef d'œuvre du roman psychologique dans tous les livres de littérature. J'ai envie de dire, et je reconnais que c'est très subjectif, que La Rochelle est une ville qui donne à la fois envie de dessiner et d'écrire !

Comme je n'avais pour ainsi dire pas fait une véritable classe de septième¹ à Aire-sur-Adour à cause de mon opération et de ses suites, c'est donc au Petit lycée, celui des classes primaires que je fus inscrit ainsi que mon frère. Je travaillais bien, et cela me joua un mauvais tour. Au début du mois de décembre... !, l'instituteur informa mes parents que mon niveau étant au-dessus d'un niveau normal de classe de septième, il allait demander au proviseur du Lycée s'il était possible de me faire passer un examen qui, en cas de réussite, me permettrait d'entrer en sixième, car à l'époque, et pour longtemps encore après, il fallait réussir à l'examen d'entrée en sixième pour être admis dans

было для меня и счастьем, и восстановлением определенного порядка вещей, подходящего для меня.

Война закончилась, и в начале учебного года я вернулся в свой лицей имени Эжена Фромантена (Eugène Fromentin). Уроженец Ла-Рошели Эжен Фромантен (1820-1876) был известным востоковедом и писателем, один из его романов «Доминик» (Dominique) был признан лучшим психологическим романом, когда-либо созданным. Хотя это и очень субъективно, но я считаю, что Ла-Рошель — это город, который заставляет его жителей рисовать и писать!

Поскольку из-за операции и ее последствий я практически пропустил весь седьмой класс¹ в Эр-на-Адуре, в Младшем лицее меня, как и моего брата, записали в начальные классы. Я усердно учился, и это сыграло со мной злую шутку. В начале декабря (!) учитель сообщил моим родителям, что мой уровень знаний выше обычного уровня седьмого класса, он собирался попросить директора лицея дать мне возможность сдать экзамен. В случае успеха это позволило бы мне перейти в шестой класс и получить допуск к среднему образованию. Поэтому в полном одиночестве, под надзором директора я сдавал экзамен по французскому

¹ Во Франции обратная система отсчета уровня образования в школах, колледжах и лицеях.

l'enseignement secondaire. J'ai donc passé un examen portant sur le français et les mathématiques, tout seul dans une classe où me surveillait un pion, c'est-à-dire un maître d'étude. Je fus reçu et entrai en sixième classique (latin et allemand) avec deux mois de retard. Ce fut pour moi une véritable catastrophe car je n'étais sans doute pas assez doué pour rattraper deux mois de latin et d'allemand, deux langues à déclinaisons, comme le russe... A la rentrée 1946 j'ai donc redoublé ma sixième.

Je tiens à faire une remarque qui, en ce début de temps de paix, a un rapport avec la guerre pourtant finie: quand au lycée la sonnerie électrique retentissait à chaque heure, les élèves se mettaient en rang avant d'entrer dans les classes. Nous n'étions que 7 élèves inscrits en « allemand première langue », alors que la très grande majorité des élèves étaient inscrits en « anglais ». Or les « anglicistes », quand nous étions sur les rangs, nous traitaient de « boches »... Mes parents avaient décidé que je ferais de l'allemand non par sympathie pour l'Allemagne nazie mais tout simplement parce qu'ils considéraient que l'allemand étant plus difficile que l'anglais, était donc plus formateur pour l'esprit et il n'avait pas été question pour moi de m'opposer à leur choix, et puis je dois l'avouer, si je détestais toujours les Allemands, je n'avais rien contre leur langue, pas plus que contre leur musique.

Au début de ces récits j'ai parlé des huées du public en 1939 quand l'orchestre municipal de Pau joua le « Deutschland

языку и математике. Я его сдал, и с опозданием на два месяца меня приняли в шестой «классический», где изучались латынь и немецкий язык. Для меня это было настоящей катастрофой, потому что я, вероятно, не был достаточно хорошо подготовлен, чтобы освоить самостоятельно материал пропущенных двух месяцев, всё, что другими изучалось по латыни и немецкому — по двум языкам, система склонения которых как в русском... Поэтому в начале 1946 учебного года меня снова записали в шестой класс.

Я хотел бы отметить, что в начале мирного времени казалось, что любая связь с войной оборвалась, однако когда после звонка мы выстраивались перед входом в класс, ее призрак начинал маячить. В нашем классе немецкий язык как первый иностранный изучали всего семеро, подавляющее большинство учеников изучали английский, и «англицисты», когда мы выстраивались перед дверью в класс, обзывали нас «бошами»... Мои родители решили, что я буду заниматься немецким языком не из сочувствия к нацистской Германии, а просто потому, что они считали, что немецкий язык был труднее для изучения, чем английский, поэтому он более подходил для выработки стойкости духа. У меня не было никакой возможности противостоять их выбору, и я должен признать, что если я всё ещё ненавижу немцев, я никогда не имел ничего против их языка, равно как и против их музыки.

В начале моих воспоминаний я говорил о реакции публики, когда во время автомобильных гонок 1939 г.,

über alles » puisque ce furent deux voitures de course allemandes qui avaient gagné le grand prix automobile. C'est également des huées que j'entendis de nouveau, celles des élèves d'anglais à l'endroit des rares élèves que nous étions inscrits en classe d'Allemand. Une seule chose ne me surprit pas quand je rentrai dans cette classe de sixième section allemand, c'étaient les caractères gothiques avec lesquels le manuel « Wer will der kann » de M. Bouchez, éditions Eugène Belin¹, était imprimé. Ils avaient pour moi un air de « déjà vu » ! Mais en plus il me fallut remettre chaque « Deutsche Aufgabe », chaque devoir, écrit également en caractères gothiques ! J'appris donc à écrire le gothique, et pourtant... la guerre était finie... !

Dès l'année 1947, les manuels scolaires d'Allemand furent imprimés en caractères latins, le ministère de l'Éducation Nationale ayant considéré que le gothique rappelait trop l'Allemagne nazie... ! Cette Allemagne nazie dont le petit garçon se souvient très bien, cette Allemagne nazie qui fut finalement terrassée en premier lieu grâce à l'immense sacrifice en vies humaines de l'URSS d'alors.

Ce petit garçon, qui continue à s'agiter à l'intérieur du vieil homme de 86 ans, n'a toujours pas oublié ces premières informations données par la BBC sur la résistance puis les offensives russes, informations qui lui laissèrent entrevoir enfin l'écrasement d'un régime

après celui du germano-fascisme. Après la guerre, après la victoire, après le triomphe, après le « Гран-при », municipal, orchestre Po jouant « Deutschland über alles ». Об этой реакции я подумал, когда ученики, записанные на английский язык, дразнили нас. Единственное, что не удивило меня, когда я первый раз вошел в кабинет немецкого языка, был готический шрифт, которым был напечатан учебник « Кто хочет, тот может » М. Буше (« Wer will der kann » М. Bouchez) издания Эжена Белана (Eugène Belin)¹. Для меня это было своего рода дежавю. Кроме того, приходилось сдавать каждое домашнее задание (« Deutsche Aufgabe »), написанное готическими буквами. Так я научился писать готическим шрифтом, и всё же... война закончилась!

Начиная с 1947 г. учебники немецкого языка стали печатать латиницей: Министерство национального образования считало, что готический шрифт слишком напоминает нацистскую Германию! Нацистскую Германию, которую очень хорошо помнит маленький мальчик; нацистскую Германию, которая, в первую очередь, была разрушена ценой огромных человеческих жертв тогдашнего СССР.

Этот маленький мальчик, который продолжает волноваться в сознании 86-летнего старика, всё еще не забыл первую передачу Би-би-си о сопротивлении, а затем о наступлениях русских, о разрушении режима, который, как он позже узнал, был самым позор-

¹ Wer will der kann // Google Search. URL: https://www.google.ru/search?newwindow=1&safe=active&hl=en&authuser=0&tbs=isch&sxsrf=ALeKk038VuAFsRf6AvzLAXnunRQ_kOnSPA%3A1594037962822&source=hp&biw=1093&bih=524&ei=yhYDX5OML6aXmwWJ9qsw&q=Wer+will+der+kann%22&oq=Wer+will+der+kann%22&gs_lcp=CgNpbWcQDDIECAAQEzIECAAQEzIGCAAQHhATUKIYWKIYYJxuaABwAHgAgAGHAo

dont il apprendra plus tard qu'il fut le plus infâme et le plus barbare de l'histoire de l'Humanité. Si d'autres peuples ont participé à la victoire contre les nazis, cette victoire ne fut possible que grâce aux exploits et sacrifices de l'armée russe, et c'est pourquoi, aujourd'hui encore, je dis de nouveau « un grand merci à la Russie » qui ne fut jamais pour moi un ennemi, mais au contraire un peuple ami, un peuple dont je continue à aimer la littérature qui m'a tant apporté.

Postface

Faire un récit de souvenirs d'enfance semble aller de soi pour qui accède apparemment avec aisance à cette boîte à souvenirs personnels qu'on appelle « mémoire » et se montre doué d'une capacité normale à raconter oralement ou par écrit des séquences de son vécu. Mais dès qu'on y réfléchit un peu, les choses se compliquent et même si l'on décide de ne pas se poser la question « *Quid est enim tempus?* » (Qu'est-ce en effet que le temps) que se pose Augustin¹ (*saint Augustin* pour les croyants...) dans le livre XI des « Confessions », même si l'on sait que des personnages de fiction ont toutes les apparences de personnages réels comme par exemple le Fedor Pavlovitch Karamazov que Dostoïevski nous décrit avec une très grande précision dès les premières pages de son roman, *Les frères Karamazov*², d'où le risque de confusion entre la réalité (à laquelle on croit pouvoir accéder) et la fiction créant des effets de réel. Le simple fait

ним и варварским в истории человечества. Даже если в победе над нацистами и участвовали другие народы, эта победа была возможна только благодаря подвигам и жертвам русской армии, и поэтому сегодня я еще раз говорю «большое спасибо» России, которая никогда не была для меня врагом, а наоборот, дружеской страной, литературу которой я продолжаю любить, и которая принесла мне так много.

Послесловие

Перебирать воспоминания детства кажется естественным для того, у кого есть легкий доступ к тому ящику личных воспоминаний, который называется «память». Это показывает, что человек наделен нормальной способностью пересказывать устно или письменно события своей жизни. Но как только начинаешь размышлять об этом, всё усложняется, и даже если решаешь не задавать себе вопрос «*Quid est enim tempus?*» (Что есть время), который себе задавал Августин¹; даже если знаешь, что вымышленные персонажи ведут себя в книгах как реальные люди — например, Фёдор Павлович Карамазов, персону которого Достоевский детально представляет на первых страницах романа «Братья Карамазовы»², — возникает риск путаницы между реальностью (которая, как мы уверены, нам доступна) и вымыслом, который основывается на реальности. Простое намерение вспомнить и затем

¹ Святой Августин спрашивает сам себя в книге XI «Исповеди». Saint-Augustin, *Les Confessions*, éditions GF-Flammarion 1964, p. 264.

² Dostoïevski, *Les frères Karamazov*, éditions Les classiques de poche, édition de 2015, pp. 5-18.

de vouloir se souvenir puis raconter ce qu'on a vécu apparaît alors de plus en plus complexe au fur et à mesure que la narrativité reproduit un temps passé individuellement vécu qu'elle plaque sur cet autre temps passé qu'est celui de l'Histoire.

Au départ, après avoir répondu par l'affirmative à la demande de Natalia Bélozérova, je me disais qu'il me suffirait de décrire ce que j'arriverais à faire remonter de ma mémoire, mais les souvenirs de la guerre étant le thème obligé, j'ai senti que le texte s'écrivant charriait des intentions, des jugements, voire des colères, qui lui enlevaient la sérénité, voire la froideur initialement voulues, même s'il ne fut jamais dans mes intentions d'être un très pâle imitateur de Flaubert. Il m'a donc fallu me méfier du « je écrivant » susceptible à tout moment de donner dans une idéologie jouant le rôle d'une lentille, peu importe qu'elle soit convexe ou concave, déformant la réalité des événements passés.

Je ne prétends pas avoir réussi à décrire objectivement, avec fidélité, un réel passé, mais j'ai vraiment cherché à le faire. C'est pour cette raison que des événements dont la banalité ne t'échappera pas, mon cher lecteur, occupent parfois une place importante même quand ils sont plaqués sur la toile de fond d'événements, eux, réellement importants. Bien sûr, puisque je viens d'évoquer Flaubert, j'aurais aimé atteindre dans l'expression une sorte de réalisme impartial tel, qu'on le perçoit en lisant *Me Bovary* ou *Un cœur simple*, mais le

raconter, как человек жил, становится всё более и более сложным, поскольку «нарратив» воспроизводит индивидуально прожитое прошлое, помещаемое в иное прошлое, которое принадлежит истории.

Первоначально, ответив утвердительно на просьбу Натальи Белозёровой, я сказал себе, что мне достаточно будет описать то, что удастся вернуть из моей памяти, при этом воспоминания о войне должны стать основной темой. Я чувствовал, что написание текста исходит из намерений, суждений, даже гнева, который лишает текст желанной беспристрастности, даже если я и не собирался быть жалким подражателем Флобера. Поэтому я должен был с осторожностью относиться к «себе пишущему»: авторское «Я» в любой момент могло привести к идеологическим предпочтениям, играющим роль линзы, которая способна исказить достоверность событий прошлого, независимо от того, выпуклая ли она или вогнутая.

Я не утверждаю, что мне удалось объективно и точно описать свое прошлое, но я действительно стремился это сделать. Именно по этой причине события, обыденность которых не ускользнула от тебя, мой дорогой читатель, выходят на первый план, даже если они и происходят на фоне действительно важных для истории событий. Конечно, т. к. я только что упомянул Флобера, мне бы хотелось воплотить в моих текстах такой же беспристрастный реализм, который находишь, читая роман «Мадам Бовари»

cher Gustave ne prétendait pas écrire un texte autobiographique ! Oui ! Et je l'ai déjà dit je ne prétends pas avoir la vocation d'un écrivain, mais je me souviens que Sartre décrivant Flaubert dans « L'idiot de la famille » (3 tomes publiés par Gallimard, le premier en 1971) nous fait comprendre dans sa préface

« qu'un homme n'est jamais un individu ; il vaudrait mieux l'appeler un universel singulier : totalisé et, par là même, universalisé par son époque »¹.

Là était pour moi le danger : je risquais de décrire une phase de mon enfance et de sa relation à la guerre 1939-1945 avec la vision de mon temps, même si je suis plus du XXe, que du XXIe siècle ! Je me suis par exemple rendu compte qu'il m'aurait fallu réfléchir, avant d'écrire, sur ce qu'était mon rapport aux mots quand j'avais cinq ans, six ans..., puisque ce sont ces mots qui allaient remonter en moi accompagnés d'images et que j'allais les saisir avec la mentalité du vieil adulte de 2020 !

C'est après avoir commencé à écrire que j'ai pris conscience de ce vrai problème et c'est pour cela que je t'en ai in-

или повесть «Простая душа», но наш дорогой Гюстав не претендовал на то, чтобы написать автобиографический текст! Да! И я уже говорил, что не претендую на то, чтобы именоваться писателем, но я помню, что Сартр, в предисловии к трехтомнику «Идиот в семье: Гюстав Флобер от 1821 до 1857» наставлял,

«что человек никогда не является лишь индивидом; вернее было бы назвать его универсальным единичным: тотализованный и тем самым универсализированный своей эпохой»¹.

В этом таилась опасность для меня: я рискнул описать этап моего детства и его связь с войной 1939-1945 гг. с перспективы видения моего времени, т. е. с точки зрения человека, живущего в двадцатом веке (хотя большую часть своей жизни я прожил в двадцатом веке). Например, я понял, что, прежде чем начать писать, я должен подумать о том, каково было мое отношение к словам, которые я слышал, когда мне было пять лет, шесть лет... и пропустить эти слова, образы, которые они вызывали в моем воображении, а также мое тогдашнее отношение к ним, через менталитет умудренного жизнью взрослого, живущего в 2020 г., и вернуть их в своих текстах назад в свое время.

Только начав писать, я осознал эту проблему, о чем и сообщил тебе, дорогой читатель. Конечно, я представ-

¹ Sartre J.-P. L'idiot de la famille / J.-P. Sartre. Gallimard, 1971. Tome 1. Préface. P. 7. Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857 / Ж.-П. Сартр; русский перевод Евгения Плеханова. Алетея, 1998. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/ehkzistencialnaja_filosofija/sartr_idiot_eme_gjustav_flober_1821_1857_1998/35-1-0-3565 (дата обращения: 17.07.2020).

formé, cher lecteur. Certes je t' imagine en train de sourire en te disant « Mais pour qui se prend-il maintenant en citant des auteurs et des philosophes dont le renom est universel, parce qu'il a osé écrire des choses sur son enfance vécue pendant la deuxième guerre mondiale ? ». Tu as raison, mais n'oublie pas que je suis né dans les livres qui remplissaient les rayons de la librairie de mes parents, et que sans être un écrivain moi-même, les écrivains m'ont marqué. J'avais 11 ans quand ma grand-mère paternelle m'a mis « Bouvard et Pécuchet » puis « Madame Bovary » dans les mains, et même si les lire m'ennuyait, en revanche ce qu'elle m'en disait m'intéressa beaucoup, au point que depuis, il ne s'est jamais passé une année sans que je ne revienne à Flaubert. J'ai même eu l'audace de publier des articles sur lui !

Dans mes récits il n'est question que des souvenirs de la guerre 1939-1945 gardés en mémoire et racontés par un homme né en 1934 qui tente de faire vaguement revivre ce qu'il a vécu pendant une des périodes les plus troubles de l'Histoire de l'Humanité. J'ai tenté de faire parler le petit garçon qui, âgé de 5 ans quand la 2ème guerre mondiale se déclara, avait 11 ans quand elle s'acheva. Or la période de l'enfant de 5 ou 6 ans est encore celle où les deux mécanismes de l'adaptation, l'*assimilation* et l'*accommodation*, tels que les définissait le fondateur de l'épistémologie génétique Jean Piaget (1896-1980), sont très actifs¹. D'une part,

ляю, как ты усмехаешься и говоришь себе: «За кого он себя принимает, цитируя знаменитых авторов и философов, только потому, что осмелился написать кое-что о своем детстве, выпавшем на период Второй мировой войны?» Всё так, но не забывай, что я родился среди книг, которые заполняли полки книжного магазина моих родителей, и что, не будучи сам писателем, испытал огромное их влияние. Мне было 11 лет, когда моя бабушка по отцовской линии вложила мне в руки роман Флобера «Бувар и Пекюше», а затем и «Мадам Бовари», и даже если мне было скучно их читать, то, что она рассказывала, мне было очень интересно. Не прошло и года, как я вернулся к Флоберу; позже у меня даже хватило смелости опубликовать свои статьи о нем!

В моих рассказах представлены воспоминания о войне 1939-1945 гг. человека 1934 г. рождения, который отчаянно пытается оживить то, что он испытал в один из самых беспокойных периодов истории человечества. Я стремился заставить говорить маленького мальчика, которому было 5 лет, когда Вторая мировая война началась, и 11 лет, когда она закончилась. Я также принимал во внимание то, что, по определению основателя генетической эпистемологии Жана Пиаже (1896-1980), в развитии ребенка 5 или 6 лет наиболее активны два адаптационных механизма: *ассимиляции* и *аккомодации*¹. С одной стороны,

¹ Piaget J. La naissance de l'intelligence chez l'enfant / J. Piaget. Delachaux & Niestlé S. A., 1935. Les adaptations sensorimotrices élémentaires. Pp. 29-151; Les adaptation intentionnelles. Pp. 158-412.

comme tous les enfants je cherchais toutes les occasions d'exercer mes capacités innées pour *assimiler* le monde dans lequel je vivais, d'autre part, le monde extérieur m'imposait ses lois avec lesquelles je devais *m'accommoder*. Ma conduite résulta, comme pour tout être humain, de mes tendances à faire dominer tantôt l'un, tantôt l'autre de ces deux modes.

Or c'est pendant une période particulièrement troublée de l'Histoire que je me suis ainsi « construit », une période où les adultes qui n'étaient pas en train de se battre se rangeaient les uns derrière un vieux chef réactionnaire, antisémite, manipulé par Hitler et par une vieille droite antirépublicaine, les autres derrière un général qui depuis l'Angleterre expliquait que si une bataille était perdue, la guerre ne l'était pas. La France divisée en deux, dans laquelle se déroula mon enfance, favorisait l'ambivalence et, comme je l'ai fait remarquer, faire des dessins que le Petit Lycée envoyait au Maréchal Pétain pour « qu'il fasse revenir mon papa prisonnier » en constatant que ce Maréchal était devenu l'allié d'Hitler, me posait des problèmes car dans ma famille l'ennemi c'était l'Allemand.

Cher lecteur, si en me lisant tu as détecté chez moi une tendance à la schizophrénie, donc un manque d'unité du « moi », tu n'auras pas à en chercher longtemps la cause car ces années de guerre favorisèrent le développement des contradictions (même si je pense par ailleurs que tout est contradiction dans le

comme et все дети, я искал любую возможность использовать свои врожденные способности для ассимиляции в мире, в котором я жил; с другой, внешний мир навязывал мне свои законы, с которыми мне приходилось смиряться. Как и у всех людей, в моем поведении в зависимости от обстоятельств доминировал тот или другой механизм.

Именно в этот особенно трудный период истории я « построил » себя — в период, когда взрослые, которые не сопротивлялись, последовали в арьергарде за старым реакционным антисемитским лидером, приверженцем устаревшего антиреспубликанского права, которым манипулировал Гитлер. Остальные следовали за генералом, который из Англии объяснял, что если битва будет проиграна, то войны не будет. Франция, разделенная на две части, в которой прошло мое детство, характеризовалась амбивалентностью, или двойственностью. Я постарался это показать, когда писал, как нас в Младшем лицее заставляли рисовать маршалов со звездами, рисунки потом отсылались маршалу Петену, чтобы « вернуть моего папу из плена ». Когда этот маршал стал союзником Гитлера, мне трудно было это осмыслить, потому что в моей семье немцы считались врагами.

Дорогой читатель, если, читая меня, ты заподозришь во мне склонность к шизофрении, т. е. отсутствие единства « я », то причину такого расщепления не придется долго искать, потому что эти годы войны способствовали развитию противоречий (даже если считать, что противоречия нас сопро-

courant d'une vie) : une partie de la France est occupée, l'autre non, mais cette dernière est dirigée par un allié de nos vainqueurs ; en revanche, nos vrais alliés, les Anglais, tirent sur les bateaux français à Mers-el-Kébir, nos colonies se rallient vite à De Gaulle soutenu par les Anglais, les Russes signent un pacte de non agression avec Hitler avant de l'attaquer, etc. etc... Le processus d'accommodation m'obligeait à me soumettre à une sorte d'antinomie permanente !

J'ai dû me méfier du sens que mes propos prenaient à mes propres yeux au fur et à mesure que je les écrivais, car quand ils surgissaient de ma mémoire leur signification ne s'imposait pas immédiatement, et quand j'en cherchais les occurrences elles me paraissaient nombreuses, voire divergentes sémantiquement par rapport à ce que je voulais ou croyais dire. Il va de soi que sous le discours restitué de l'enfant peuvent se glisser les présupposés, voire des sous-entendus de l'adulte écrivant. Bien sûr ces remarques sont évidentes pour un linguiste ou un psychologue, mais tout le monde, linguiste et psychologue compris, n'est pas capable de retrouver « le temps perdu », et bien sûr il se peut que je me sois fait tromper par l'imagination dont se méfiait tant le philosophe Malebranche¹.

Sans être, pas même effleuré, par l'idée que je pourrais me placer au niveau des écrivains je tiens seulement à faire remarquer qu'il arrive que de grands

вождят всю жизнь). Ребенку трудно осмыслить ситуацию, когда часть Франции оккупирована, другая нет, но последняя возглавляется союзником наших победителей; с другой стороны, наши истинные союзники, англичане, стреляют по французским кораблям в Мерс-эль-Кебире, наши колонии быстро объединяются вокруг де Голля при поддержке англичан, русские подписывают пакт о ненападении с Гитлером, прежде чем он напал на них, и т. п., и т. д. Адаптационный процесс accommodations заставил меня подчиниться некоей постоянной антиномии!

Я должен был быть очень осторожным со смыслом, который мои слова приобретали у меня самого по мере того, как я писал. Когда я извлекал слова из моей памяти, их значение было зачастую скрыто, и мне надо было восстановить события, связанные с этими словами. События казались мне многочисленными, и они зачастую семантически расходились с тем, что я хотел сказать. Само собой разумеется, что при восстановлении дискурса ребенка могут проскользнуть скрытые намерения пишущего взрослого. Конечно, эти замечания понятны для лингвиста или психолога, но не каждый, включая лингвиста и психолога, способен восстановить «потерянное время», и вполне возможно, что меня обмануло воображение, которому так не доверял философ Мальбранш¹.

Без малейших претензий поставить себя на уровень писателей, я хочу отметить, что и великих писателей обманывала их собственная память.

¹ Malebranche N. Recherche de la vérité / N. Malebranche. Publié en 1674-1675.
URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ac97a2f7e0e5fb64b>

écrivains aient été trompés par leur mémoire. Ainsi Voltaire était persuadé que la métaphore « la folle du logis » qu'il utilisait pour parler de la « raison »¹ était de Malebranche qu'il avait lu et commenté. Or si Malebranche écrivit beaucoup sur les méfaits de l'imagination, la métaphore « la folle du logis » ne se trouve nulle part dans son œuvre. Elle est tout simplement de Voltaire lui-même qui fut victime de sa propre imagination !

Ces choses étant dites, ces souvenirs d'une enfance vécue en grande partie pendant la deuxième guerre mondiale, je les ai écrits avec la volonté de ne pas dire n'importe quoi, de ne pas chercher à séduire, mais de relater avec le plus de vérité possible les traces qu'avaient laissées en moi les aléas de la guerre.

Une première remarque : mes récits montrent que l'enfant dont je parle, s'il a été marqué par les bombardements, l'arrivée de l'occupant allemand avec une perception de sa cruauté, un père prisonnier, un pays vaincu, puis trahi et coupé en deux, n'a cependant pas vraiment souffert de la guerre. Sans doute qu'appartenant à une famille aisée, celle-ci fut capable de subvenir, même dans une certaine détresse, aux principaux besoins pour se nourrir et s'habiller, même si j'ai fait état de mon peu d'enthousiasme pour manger des topinambours et des rutabagas... !

Mais je voudrais pas que cette situation de privilégié vécue par mon frère

Вольтер, например, был убежден, что метафора воображения «la folle du logis» («непутевая в доме»¹), которую он использовал, говоря о разуме («raison»), принадлежала Мальбраншу, которого он читал и комментировал. Однако, хотя Мальбранш и писал много о заблуждениях от избытка воображения, метафора «la folle du logis» нигде не встречается в его работах. Просто Вольтер сам стал жертвой собственного воображения!

Сказав всё это, отмечу, что мои воспоминания о детстве, выпавшем в основном на время Второй мировой войны, я написал, стремясь не говорить всякой чепухи, не пытаться кого-либо растрогать, а постараться наиболее правдиво рассказать, каким образом отпечатались во мне опасная непредсказуемость войны.

Прежде всего, замечу, что мои рассказы показывают, что хотя у ребенка, о котором я говорю, наибольшее впечатление оставили бомбардировки, прибытие немецких оккупантов, ощущение их жестокости, пленение отца, побежденная, а затем преданная и разрезанная на две части страна, сам он не пострадал от войны. Несомненно, в этом сыграла роль его принадлежность к богатой семье, которая была в состоянии удовлетворить — даже в определенном бедственном положении — основные потребности в еде и одежде, несмотря на то, что топинамбур и брюква не вызывали у него восторга...

Но я не хотел бы, чтобы осталось впечатление, что все французские

¹ Voltaire. *Traité de métaphysique* / Voltaire. Publié en 1734.

et moi puisse laisser entendre qu'il en fut ainsi pour la majorité de la population française. Que ce soit à Paris ou à La Rochelle, la majorité de la population eut de plus en plus de difficultés pour se nourrir au point que les services médicaux constatèrent une augmentation très élevée des cas de rachitisme chez les enfants nés pendant l'occupation. Tous les historiens spécialistes de « l'occupation » parlent, outre de la disparition de la viande, des légumes et des laitages, de celle du savon. Or nous n'avons jamais manqué de savon chez moi et je peux l'expliquer par le fait que le magasin voisin de notre librairie était une parfumerie très ancienne dans notre ville dont mes parents étaient des clients très réguliers, et que le parfumeur était aussi un de nos clients réguliers. Nul doute que M. C. le parfumeur qui portait toujours une grande blouse blanche qui lui donnait l'air d'un médecin ou d'un pharmacien, fournissait en cachette à ma mère du savon qu'il cachait au regard des Allemands. Je me souviens vaguement que son épouse, une grande dame brune de cheveux et portant des lunettes venaient quelques fois avant la fermeture du magasin faire des achats ou simplement parler en voisine avec ma mère.

J'ai le souvenir d'avoir été privé de certaines choses, mais nous n'avons jamais vraiment connu la misère que connut une grande partie du peuple français. Les longues queues de clients tenant leurs tickets à la main montraient cette misère. Certes ma grand-mère maternelle, notre bonne et notre femme de ménage furent soumises à ces longues queues d'attente devant les magasins, mais je pense que nous devons aux relations de notre famille de pouvoir vivre à peu près convenablement, et ce

дети жили так же беззаботно, как мы с братом. Будь то в Париже или в Ла-Рошели, большинству населения становилось всё труднее прокормиться. Медицинские службы отметили очень высокий рост случаев рахита у детей, родившихся во время оккупации. Все историки, исследующие этот период, говорят, что помимо мяса, овощей и молочных продуктов исчезло и мыло. Тем не менее у нас дома никогда не кончалось мыло, и я могу объяснить это тем, что рядом с нашим книжным магазином находился старейший парфюмерный магазин Ла-Рошели, где мои родители были постоянными покупателями, а парфюмер был также одним из наших постоянных клиентов. Нет никакого сомнения в том, что парфюмер М. С., который всегда носил большой белый блузон, выглядевший как халат врача или фармацевта, тайно снабжал мою мать мылом, которое он прятал от немцев. Я смутно помню, как его жена, высокая темноволосая дама в очках, приходила несколько раз до закрытия магазина, чтобы что-нибудь купить или просто поговорить с моей матерью по-соседски.

Я помню, что мы терпели лишения, но мы никогда не испытывали страданий, которые выпали на долю большинства французов. Длинные очереди с продовольственными карточками в руках свидетельствовали об этих страданиях. Конечно, моя бабушка по материнской линии, наша бонна и горничная стояли в этих длинных очередях, но я думаю, что мы были многим обязаны отношению в городе к нашей семье, чтобы иметь возможность жить более или менее сносно, притом безо

sans collaborer avec l'ennemi... je tiens à l'affirmer ! Le jardin de mon grand-père maternel y fut aussi pour beaucoup ! Il le travailla au point que très vite les topinambours et les rutabagas furent remplacées par des pommes de terre et autres légumes ramenés en cachette de sa maison de Fétilly, un quartier périphérique de La Rochelle.

J'ai écrit qu'il y avait de plus en plus de personnes mal habillées, mais je fus toujours habillé correctement et de manière égale en temps de guerre comme en temps de paix.

Mais nous étions témoins du véritable pillage auquel se livra l'occupant, pillage reconnu tant par les économistes que par les historiens. Après la guerre, quand j'eus 12-13 ans tout le monde en parla, T. S. F. et presse écrite comprises. Ma famille eut donc la chance de ne pas trop souffrir de ce qu'on appela « les privations ». Je rappelle à ce sujet que la « traction-avant Citroën 11cv » toute neuve avec laquelle mon père était venu me voir à Mano lors de l'hiver 1938-1939 fut tout simplement réquisitionnée dès les premiers jours de l'arrivée des Allemands à La Rochelle et que nous ne la revîmes jamais. De cette voiture je me souviens très bien, car je peux encore décrire les housses vert foncé qui la garnissaient, fixées par des petits boutons à damiers verts et blancs, je revois le petit vase situé à côté du rétroviseur destiné à recevoir des fleurs, les phares chromés sur lesquels un petit losange rouge brillait quand ils étaient allumés, les roues dites « pilote » jaunes, etc. . J'aimais cette voiture et la préférerais de loin à la grosse Hotchkiss qu'elle avait remplacée.

всякого сотрудничества с врагом. Жить сносно помог и сад моего дедушки по материнской линии. Дед его разработал до такой степени, что очень скоро топинамбур и брюква были заменены картофелем и другими овощами, тайно привозимыми из его дома в Фетили в пригороде Ла-Рошели.

Я писал, что было всё больше и больше плохо одетых людей, но я всегда был нормально одет и в военное, и мирное время.

Но мы стали свидетелями настоящего грабежа со стороны оккупантов, грабежа, признанного как экономистами, так и историками. После войны, когда мне было 12-13 лет, все говорили об этом, включая радио T. S. F. и газеты. Моя семья не так сильно пострадала от так называемых «лишений», как другие французы. Однако наш совершенно новый «Ситроен-11cv» с передним приводом, на котором мой отец приезжал ко мне в Mano зимой 1938-1939 гг., был без лишних слов реквизирован с первых дней прибытия немцев в Ла-Рошель, и мы никогда его больше не видели. Я очень хорошо помню этот автомобиль и всё еще могу описать его темно-зеленые чехлы, закрепленные маленькими зелено-белыми кнопками, я вижу маленькую вазу, расположенную рядом с зеркалом заднего вида, куда можно было ставить цветы, хромированные фары, на которых светился маленький красный ромб, желтые «пилотные» колеса и т. д. Мне эта машина нравилась намного больше, чем большой «Гочкис» (Hotchkiss), которым ее пришлось заменить.

De même que la pandémie du coronavirus a des conséquences plus graves pour les populations dans le besoin que pour celles d'un niveau de vie élevé, de même le fléau de la guerre frappa le plus gravement les populations pauvres, à La Rochelle comme ailleurs.

Il y a aussi les problèmes qui me dépassaient complètement et desquels je n'avais que quelques vagues souvenirs, sauf quand ils faisaient l'objet de commentaires à la maison. Je ne savais pas qui était l'amiral Darlan¹, mais son nom sonne encore dans mes oreilles, nom auquel certains faisaient suivre l'épithète de « salaud ». Ce n'est que bien plus tard que j'appris le rôle ambigu qu'il avait joué en Afrique du Nord.

A 5 ans je n'ai rien su du pacte de non-agression germano-soviétique et ce n'est qu'en juin 1941 (j'ai alors 7 ans) que mon grand-père me l'expliqua au moment où Hitler attaqua la Russie. Ce fut très important dans ma tête car j'avais fini par croire que l'armée allemande était décidément invincible.

On dit souvent que l'Histoire ne se répète jamais, et c'est vrai, mais il peut cependant y avoir des similitudes de situations: quand le 7 juillet 1807 le tzar Alexandre 1er rencontre Napoléon à Tilsit et signe avec lui un double-traité d'amitié franco-russe, il sait que Napoléon l'attaquera, ce que prouve en particulier la correspondance privée de la

Точно так же, как нынешняя пандемия коронавируса имеет более серьезные последствия для нуждающихся людей, чем для людей с высоким уровнем жизни, бедствия войны в Ла-Рошели, как и везде, нанесли более серьезный удар по бедным.

Также для меня были проблемы смутных воспоминаний при соотнесении имени и события. Только тогда, когда событие или имя были прокомментированы дома, связь между ними была четкой. Я не знал тогда, кем был адмирал Дарлан¹, но его имя все еще звучит в моих ушах, так же как и следующий за ним эпитет «мерзавец». Лишь намного позже я узнал о неоднозначной роли, которую он сыграл в Северной Африке.

В 5 лет я ничего не знал о германо-советском пакте о ненападении, и только в июне 1941 г., когда мне было 7 лет и когда Гитлер напал на Россию, мой дедушка рассказал мне и про пакт, и нападение немцев. Его объяснения имели большое значение для меня; в конце концов у меня сложилось убеждение, что немецкая армия была абсолютно непобедимой.

Часто говорят, что история никогда не повторяется, и это правда, но всё же может быть сходство ситуации: когда 7 июля 1807 г. царь Александр I встретился с Наполеоном в Тильзите и подписал с ним двойной договор о Франко-русской дружбе, он знал, что Наполеон нападет на него, что подтверждается, в частности, в личной

¹ Дарлан, Франсуа // Википедия — свободная энциклопедия.
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дарлан,_Франсуа

Tzarine. Mais il a besoin de gagner du temps comme plus tard Staline a eu besoin d'en gagner pour se préparer à la guerre car il savait qu'Hitler l'attaquerait. Quant à l'image d'une armée allemande invincible, elle commença à se ternir quand, comme je l'ai écrit, nous fûmes renseignés par la BBC sur les événements de Stalingrad. Malgré toutes les démonstrations de force que faisait l'armée allemande Stalingrad fut la première lueur d'espoir. Au prix d'un sacrifice humain devant lequel encore aujourd'hui, nous devons tous nous incliner, l'URSS fut la première à fissurer puis briser la puissance nazie.

Pour moi les Russes seront toujours nos alliés et, même si plus tard, je n'ai pas été communiste, je n'ai jamais donné dans l'anticommunisme viscéral qui conduisit certains français aveugles pendant l'occupation, et même après... ! à préférer le nazisme au communisme. Malheureusement il existe encore aujourd'hui des nostalgiques du nazisme en France, et dans les autres pays de l'Europe...

Je ne suis pas Jungien, mais je reconnais que certains archétypes¹ constituent un fonds de vieilles images communes à tous les humains. La guerre est sûrement l'un de ces archétypes puisque que la première grande œuvre véritablement littéraire de l'Histoire de l'humanité, (j'insiste sur l'adverbe « véritablement », « L'Iliade », nous décrit la guerre de Troie. Or le déroulement des événements

переписке царицы. Но ему нужно было выиграть время, как позже и Сталину нужно было время на подготовку к войне, потому что он знал, что Гитлер нападет на него. Этот образ непобедимой немецкой армии начал тускнеть, когда, как я писал, мы узнали от Би-би-си о событиях в Сталинграде. Несмотря на демонстрацию силы со стороны немецкой армии, Сталинград был первым лучом надежды. Ценой человеческих жертв, перед которыми мы должны сегодня преклониться, СССР первым надломил, а затем и разрушил нацистскую мощь.

Для меня русские всегда будут нашими союзниками, и даже если я не был коммунистом, я никогда не поддавался пещерному антикоммунизму, который заставлял некоторых бездумных французов во время оккупации и позже отдавать предпочтение нацизму, только бы не коммунизму! К сожалению, и сейчас во Франции — и в других странах Европы — всё ещё есть люди, испытывающие ностальгию по нацизму.

Я не последователь Карла Юнга, но я признаю, что некоторые его архетипы¹ составляют собрание старых образов, общих для всех людей. Война, безусловно, является одним из таких архетипов, поскольку первый великий шедевр европейской литературы «Илиада» описывает Троянскую войну. Однако разворачивание реальных исторических событий может, на мой

¹ Карл Густав Юнг: архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (дата обращения: 19.07.2020).

de l'Histoire peut, à mon avis, renforcer ou affaiblir les images archétypiques et, en ce qui me concerne, je me suis rendu compte lors de conversations avec des gens bien moins âgés que moi, que la guerre n'occupait pas en eux une place aussi importante que celle qu'elle occupe en moi. Elle a indiscutablement marqué mon caractère, c'est-à-dire laissé son empreinte dans mon psychisme.

Je ne veux pas dire par là que la guerre est un besoin pour moi. Surtout pas ! L'âge de 7 ans est considéré par bien des psychologues et psychiatres comme l'âge de la socialisation, de l'adaptation au réel. Or c'est à cet âge que je vivais la guerre tous les jours, qu'on en parlait tous les jours, bref qu'elle atteignait *un très fort coefficient de réalité* (je ne sais pas le dire autrement !) au point qu'au moment où j'entrai dans l'adolescence elle était encore bien en moi, et qu'elle allait devenir une sorte de référence constante, sans que j'en sois toujours conscient. Béatrix, mon épouse, qui est née bien après 1945 m'a souvent fait remarquer que je parlais souvent de la guerre, que je me référais souvent à des attitudes renvoyant à la guerre. Il est vrai que les alertes aériennes presque quotidiennes à La Rochelle, les rencontres obligatoires au coin des rues, sur les trottoirs, dans les parcs, sur le port, avec les soldats allemands dont certains étaient armés, renforçaient cette idée qu'à n'importe quel instant on pouvait être arrêté, emprisonné, fusillé. Cela finit par me marquer d'une manière indélébile.

Je peux en donner une preuve indiscutable : si Natalia Belozeroва ne m'avait pas sollicité pour écrire mes souvenirs de guerre, je n'aurais jamais retrouvé un

vzгляд, усилить или ослабить архетипичные образы. В ходе бесед с людьми намного моложе меня я понял, что война не занимала в их сознании столь же важного места, как она занимает в моем; по степени интенсивности ее архетип у меня равен архетипу отца или матери. Война, несомненно, наложила отпечаток на мой характер и оставила след в душе.

Я не хочу сказать, что война нужна мне. Вовсе нет! Возраст семи лет считается многими психологами и психiatрами возрастом социализации и адаптации к реальности. Но именно в этом возрасте я каждый день погружался в войну, мы ежедневно говорили о ней — короче говоря, она достигла очень высокого *коэффициента реальности* (я не знаю, как сказать иначе!). До такой степени, что, когда я достиг подросткового возраста, она всё еще превалировала во мне и собиралась стать своего рода ментальной доминантой, что я не всегда осознавал. Бетатрикс, моя жена, которая родилась намного позже 1945 г., постоянно отмечает, что я часто говорю о войне, и что я часто говорю в терминах войны. Действительно, почти ежедневные воздушные тревоги в Ла-Рошели, неизбежные встречи на углах улиц, на тротуарах, в парках, в порту с немецкими солдатами, некоторые из которых были вооружены, заставляли ожидать, что в любой момент нас могут арестовать, бросить в тюрьму и расстрелять. Конечно, это наложило на меня отпечаток.

У меня есть неопровержимые доказательства этого воздействия: если бы Наталья Белозёрова не попросила меня написать мои военные воспоми-

dessin que j'avais réalisé quand j'étais élève de l'école maternelle. Il y a quatre jours de cela, fouillant dans un de mes cartons à dessins pour y récupérer des feuilles, j'ai trouvé un cahier portant en titre « Cahier de Dessin » que j'ai reconnu aussitôt, mais je précise que jusqu'à la seconde même où je l'ai découvert, je ne savais pas qu'il existait ! Je l'ai ouvert et j'ai trouvé dedans des dessins de l'époque où j'étais élève de l'école maternelle. Certains de ces dessins relatent des événements dont j'ai parlé dans ces « souvenir de guerre ».

L'un en particulier, représente une maison, une église, une série d'arbres et deux personnages se promenant au milieu des arbres, une grande personne et un enfant. J'avais écrit sous le dessin : « j'ai été dans la forêt de Mano avec gran mère pendant 2 mois » (j'ai respecté mon orthographe de l'époque). Ce dessin est donc de 1939, puisque c'est en janvier 1939 qu'avec ma grand-mère, nous sommes rentrés à La Rochelle.

Un autre dessin représente un train, une gare et le personnage seul à côté de la gare est sans aucun doute ma mère, car la légende du dessin est la suivante : « mon papa est parti a la guerre maman l'a accompagné à la gare ». Je sais que dans mon récit de souvenirs j'ai écrit que je ne me souvenais plus du départ de mon père mobilisé. Mais le commentaire de mon dessin de l'école maternelle prouve que ce dessin est bien de l'année 1939 et je découvre qu'en cette année 1939, alors que j'ai donc 5 ans, j'avais déjà écrit, avec difficulté certes, le mot « guerre » !

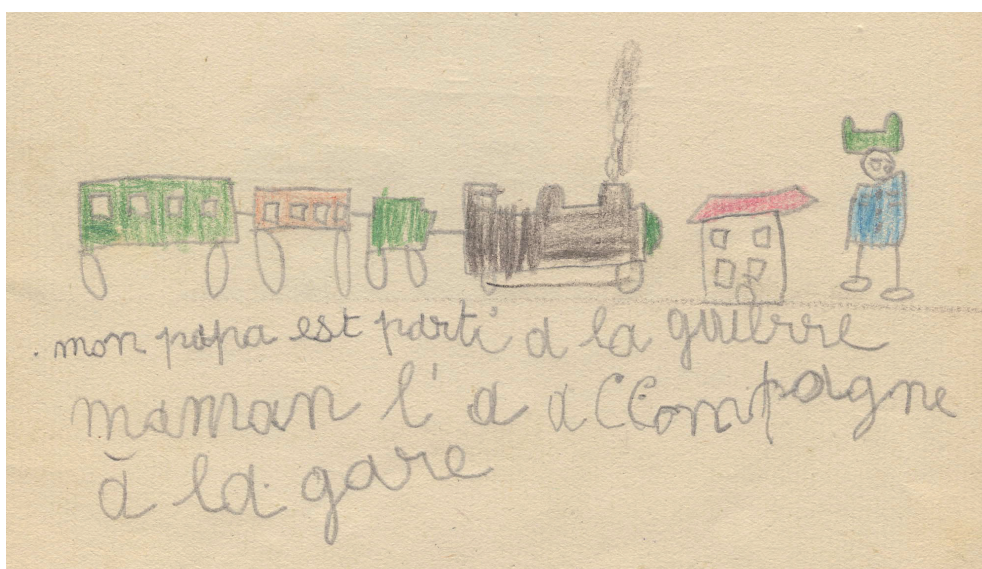
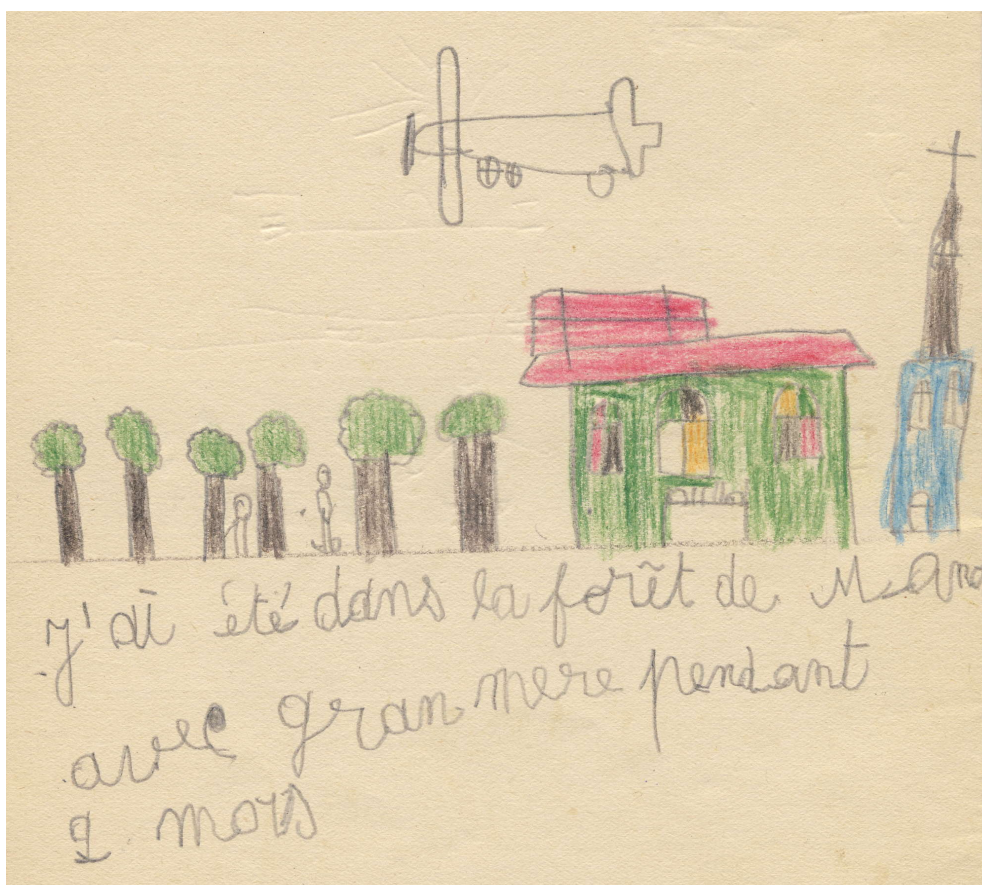
D'autres dessins dans le cahier représentent également des scènes de guerre : un

нания, я бы никогда не нашел свои детские рисунки. Четыре дня назад мне понадобились чистые листы для рисования. Я стал разбирать свои коробки, где хранилась всякая бумага, и нашел альбом для рисования («Cahier de Dessin»), который я сразу узнал, хотя и не подозревал, что он еще существует. Я открыл его и нашел в нем несколько рисунков, которые я нарисовал, когда ходил еще в детский сад. Некоторые из этих рисунков связаны с событиями, о которых я писал в своих «военных воспоминаниях».

На одном, в частности, нарисованы дом, церковь, ряд деревьев и две фигуры среди деревьев, женщины и ребенка. Под рисунком моя надпись: «Я был с бабушкой в течение 2 месяцев в лесу Мано» («j'ai été dans la forêt de Mano avec gran mère pendant 2 mois»). Это точно рисунок 1939 г., т. к. именно в январе того года мы с бабушкой вернулись в Ла-Рошель.

Еще на одном рисунке нарисован поезд, вокзал и рядом человеческая фигура — несомненно, моя мать, потому что надпись под рисунком гласит: «Мой папа пошел на войну, мама проводила его на вокзал» («mon papa est parti a la guerre maman l'a accompagné à la gare»). В своих воспоминаниях я писал, что не помню, как отца мобилизовали и как он уходил на войну. Но моя надпись к рисунку доказывает, что этот рисунок относится к 1939 г., когда мне было 5 лет. Я тогда уже умел писать, правда, не всегда правильно. Я сомневался, как написать слово «война» («guerre»)!

На других рисунках тоже военные действия, например, французский са-

avion français abattant un grand nombre d'avions allemands, un tank, etc.

La guerre m'a donc marqué très tôt, mais je n'ai jamais eu le goût de la guerre. Bien que n'ayant jamais eu envie de faire une carrière militaire, la marque de la guerre est sans doute restée profonde dans mon psychisme puisque je n'ai jamais trouvé anormal d'être appelé sous les drapeaux et d'avoir rejoint la caserne du Centre d'Instruction des Transmissions n°48 à Agen le 9 octobre 1959 où j'ai passé mes trois brevets d'opérateur-radio. Après avoir écouté la radio pendant toute la guerre le sort fit de moi un soldat transmetteur-radio ! Que tout citoyen soit tenu à faire un service militaire me paraissait normal et même nécessaire ! Bien qu'inscrit dans une section d'élèves officiers, j'ai refusé de suivre ce parcours. En revanche on me demanda plus tard de passer le Certificat-Inter-Armes (C. I. A.) qui allait faire de moi un sous-officier. J'ai d'abord refusé, mais quand le capitaine M. de ma compagnie d'Infanterie de Marine me fit comprendre que les 14 jours de permission que je pouvais encore utiliser allaient être supprimés si je persistais à refuser (ce qui était pourtant mon droit!) de partir pour le camp d'entraînement où se déroulaient les épreuves de ce Certificat Inter Armes, j'ai tout simplement capitulé... sans gloire certes, mais sans honte, car je savais que je devais rester sous les drapeaux au total 28 mois ! Je ne fus « libéré des obligations militaires » que le 14 avril 1962.

молет сбивает большое количество немецких самолетов, еще нарисованы танки и т. д.

У меня никогда не было тяги к войне — даже если она и оставила глубокую отметину во мне, я никогда не стремился к карьере военного; но знак войны был так глубоко в моей душе, что я счел нормальным, когда меня призвали «под знамена» на военную службу. 9 октября 1959 г. я отправился в казармы Центра обучения связистов № 48 в Ажене, где после сдачи трех экзаменов получил квалификацию радиооператора. После того, как на протяжении всей войны я слушал радио, судьба сделала меня солдатом радиосвязи! То, что каждый гражданин должен проходить военную службу, казалось мне нормальным и даже необходимым! Несмотря на то, что меня записали на курс офицерского уровня, я отказался следовать офицерской стезе. Зато, когда позже меня попросили сдать экзамен на С. I. A. — «le Certificat-Inter-Armes» (межармейский сертификат), чтобы получить звание унтер-офицера, я сначала отказался, а потом согласился. Капитан М. из моей морской пехотной роты дал мне понять, что 14 дней отпуска, которые я мог бы использовать, будут отменены, если я буду упорствовать и откажусь (на что у меня было право) отправиться в тренировочный лагерь, где проходили испытания на С. I. A. Я просто сдался... без славы, конечно, но без стыда, потому что я знал, что должен остаться «под флагами» на все 28 месяцев! Я был «освобожден от военных обязательств», т. е. демобилизован только 14 апреля 1962 г.

Cher lecteur je ne vais pas te décrire mon service militaire, ni mon court séjour en Algérie dans les montagnes de Blida, mais laisse-moi te raconter une courte anecdote : c'était le six ou le sept avril 1961 que je finissais par accepter d'aller passer le C. I. A. C'est le 15 avril qu'un camion de ma caserne d'Agen nous déposa, trois autres soldats et moi, à la gare de Bordeaux pour prendre le train. Nous avions notre équipement complet, fusil MAS 36 compris.

Depuis la veille, le 14 avril 1961, les généraux commandant nos armées en Algérie avaient déclaré un putsch pour maintenir l'Algérie sous la domination de la France. Des deux côtés de la Méditerranée c'était l'effervescence. En métropole le premier ministre Michel Debré avait demandé aux français, à la radio et à la télévision, de se rendre sur les aéroports pour empêcher les factieux d'Algérie d'atterrir en métropole.

Or le matin du 15 avril, étant avec nos fusils sur les quais de la gare de Bordeaux, nous faisons involontairement peur aux voyageurs dont certains étaient persuadés que nous étions des factieux, des putschistes. D'autres eurent quand même le courage de nous parler et de nous demander « dans quel camp êtes-vous ? Avez-vous été parachutés cette nuit ? ». Nous avons réussi à rassurer tout le monde avant de monter dans notre wagon !

Quatre jours plus tard je revenais du camp de Mourmelon-Le-Grand avec le galon de sergent (la « sardine » comme on dit dans ce milieu). Je ne l'ai finalement pas regretté car ce galon me permit de partir de Marseille pour l'Algérie, non

Дорогой читатель, я не буду описывать ни мою военную службу, ни мое пребывание в Алжире в горах Блида, но позволь мне рассказать небольшой анекдот: 6 или 7 апреля 1961 г. я в конечном итоге сдал экзамен на межармейский сертификат. 15 апреля у вокзала в Бордо я и трое других солдат спрыгнули с грузовика, следовавшего от нашей казармы в Ажене, чтобы сесть на поезд. У нас было полное снаряжение, включая винтовки MAS 36.

Накануне 14 апреля 1961 г. генералы, командовавшие нашими армиями в Алжире, объявили путч, чтобы сохранить Алжир под властью Франции. По обе стороны Средиземного моря поднялось волнение, в Париже премьер-министр Мишель Дебре обратился к французам по телевидению и попросил их отправиться на аэродромы, чтобы помешать путчистам высадиться во Франции.

Поэтому утром 15 апреля, когда мы, четыре солдата, с нашими винтовками оказались на платформе станции Бордо, некоторые пассажиры испугались, приняв нас за путчистов. Другие осмеливались подойти и спросить нас: «На чьей вы стороне? Вас ночью сбросили на парашютах?» Нам удалось всех успокоить, прежде чем сесть в наш вагон!

Четыре дня спустя я вернулся из лагеря Мурмелон-Ле-Гран (Mourmelon-Le-Grand) с сержантской полоской (с «сардиной», как говорят в армии). Наконец-то я не пожалел об этом, потому что эта полоска позволила мне отпра-

pas dans la cale du cargo mixte *Sidi Ferruch*, mais dans une cabine très confortable pour passer la nuit, et avec repas pris à la salle à manger. Il en fut de même pour mon retour sur le paquebot *Ville d'Alger* où j'ai même joué du piano dans le salon de thé dans l'après-midi... « Merci, capitaine M., de m'avoir obligé à devenir sous-officier! ».

Bien qu'on m'ait demandé si, au moment de ma libération des obligations militaires, je ne voulais pas rester militaire, en me laissant entendre qu'il me serait relativement aisé de devenir rapidement officier, j'ai décliné l'offre sans la moindre hésitation car je ne me sentais pas fait pour exercer ce métier que j'avais exercé par force pendant deux ans et quatre mois. Ces choses étant dites, je reste persuadé que mes années d'enfance, en m'ayant familiarisé avec la guerre, m'ont préparé, je ne sais pas trop comment, à supporter plutôt facilement ce très long service militaire, dont, et dont en plus je contestais les objectifs politiques. Certes, pendant ce service, on avait cherché à me persuader, comme à tous ceux qui le firent, que nous faisons des « opérations de pacification » et non une guerre. Ce n'est qu'en 1999 que la République reconnut par une loi que les opérations de pacification en Algérie avaient été en réalité des opérations de guerre.

Aujourd'hui, je reste persuadé qu'un service militaire d'au moins un an est nécessaire, mais bien sûr je reste farouchement opposé à tout ce qui ressemble à une guerre coloniale ou à une guerre de conquête. Ironie du sort, les appelés du contingent étant plus nombreux que les militaires de carrière en Algérie en 1961, ils surent résister aux généraux factieux

ввиться из Марселя в Алжир не в трюме грузового корабля «Sidi Ferruch», а в очень удобной каюте, где можно было переночевать и пообедать в кают-компани. То же самое было, когда я возвращался на лайнере «Ville d'Alger», где я даже после обеда играл на пианино в салоне для чая. «Спасибо, капитан М., что заставили меня стать унтер-офицером!»

И всё-таки, когда меня при демобилизации спросили, не хотел ли бы я остаться в армии, намекая, что мне будет относительно легко быстро стать офицером, я отклонил предложение без малейшего колебания, потому что я не чувствовал в себе призвания к военной службе, которую вкушал сполна в течение двух лет и четырех месяцев. Тем не менее я по-прежнему убежден, что мои детские годы, выпавшие на войну, подготовили меня к службе в армии. Не будь у меня этого опыта, я не знаю, было ли мне так же легко пережить эти долгих два года и четыре месяца военной службы, политические цели которой были для меня сомнительны. Конечно, нас убеждали, что мы проводим «миротворческие операции», а не ведем войну. Только в 1999 г. Республика (Франция) на основании закона признала, что операции по умиротворению в Алжире фактически были операциями по ведению войны.

Сегодня я по-прежнему убежден, что, по крайней мере, год военной службы необходим, но, конечно, я остаюсь ярким противником колониальных и завоевательных войн, под каким бы соусом они ни подавались. По иронии судьбы, в Алжире в 1961 г. призванные на службу в армию превосходили по численности профессиональных воен-

et c'est finalement grâce aux appelés que le coup d'État du 14 avril 1961 échoua ! Je n'y fus pour rien car si j'avais été mobilisé en 1959, je ne fus appelé en Algérie que beaucoup plus tard, en 1962, donc peu avant la fin de la guerre pour la raison suivante : mon frère avait été appelé avant moi et expédié à Djidjelli en Kabylie, or on n'envoyait jamais deux frères en même temps en Algérie. Ce n'est donc que lorsqu'il fut de retour du service que je fus envoyé à Blida.

Est-ce que dans les bribes de mémoire que j'ai voulu écrire j'ai involontairement retrouvé la trace de différents itinéraires de ma vie ? Je n'en sais trop rien, mais je constate quand même qu'un paysage, celui de la rue Saint-Yon de La Rochelle où se trouvait notre maison d'habitation au-dessus de la librairie et de l'imprimerie est un peu (peut-être beaucoup?) la porte que j'ai ouverte pour regarder le monde.

Quand je regardais vers la gauche, mes yeux tombaient sur le marché et sa place situés à 150m au bout de la rue. C'est toujours en partant de ce côté que j'ai pris le chemin me conduisant au lycée. C'était donc le chemin vers le savoir, vers la culture, bref le chemin me conduisant vers le monde pensé, construit, analysé, démonté, structuré, mais sur ce chemin, dès que j'avais tourné à gauche pour prendre la rue « du minage » je passais devant la grande mercerie d'un de mes oncles, qui jouxtait le magasin de jouets qui me poussa à accomplir un acte de

ных, и именно они смогли противостоять генералам-путчистам, и в конечном итоге благодаря им государственный переворот 14 апреля 1961 г. провалился! Я не имел к этому никакого отношения, меня мобилизовали в 1959 г. и отправили в Алжир не ранее 1962 г., незадолго до окончания войны, по следующей причине: моего брата мобилизовали раньше меня и отправили в Джиджелли (Djidjelli), алжирский город у границы с Тунисом. По правилам, нельзя было отправлять двух братьев одновременно служить в одну страну. Только когда он демобилизовался, меня отправили в Блиду.

В отрывках воспоминаний, которые я хотел записать, обнаружил ли я ненароком направления, которые предопределили мою жизнь? Пока я не знаю, но перед моими глазами улица Сент-Йон в Ла-Рошели, где находился наш дом, где мы жили над типографией и книжным магазином, где, открывая наружную дверь, я много раз смотрел на мир.

Когда я смотрел налево, мои глаза видели рынок и рыночную площадь, что располагались в 150 м от нас, в конце улицы. Именно по этой дороге я ходил в лицей. Таким образом, это был путь к знаниям, к культуре — короче говоря, путь, ведущий меня к миру мысли, выстроенному, проанализированному, демонтированному и структурированному. Но на этом пути, стоило мне повернуть налево, находилась улица «добычи полезных ископаемых» — она же «минное поле». Там, если миновать галантерею одного из

« collaboration », diraient les adultes, à savoir l'achat par ma grand-mère de soldats de plomb ennemis : les motards allemands fabriqués par une maison française de production de jouets. Mais comme je l'ai précisé, il me fallait des soldats ennemis pour faire gagner l'armée française dans les combats que je lui faisais mener dans ma chambre !

Si je regardais droit devant moi je découvrais le magasin de la modiste « Chez Suzette », le grand magasin de la quincaillerie tenu par un ami de mon père, puis celui de notre boulanger du quartier, et enfin la crèmerie dont j'ai longtemps dégusté des yaourts présentés dans des petits récipients en verre. Donc regarder sur le côté d'en face de la rue, c'était regarder vers une partie de l'immense monde des commerces.

Si je regardais à droite, bien sûr le monde des commerce s'y prolongeait sur 300 ou 400 m, mais ensuite mes yeux s'accrochaient à l'architecture Renaissance du magnifique hôtel de ville dominant la place limitée par le grand bâtiment de la poste et un grand café. J'ai très souvent regardé cet hôtel de ville dans la première cour duquel se dressait la magnifique statue polychrome d'Henri IV, avant de me diriger vers la vieille *rue du Port*, celle dont mon père parle dans son roman.

Cette rue je l'ai toujours parcourue en ressentant la joie de la découverte du vieux port de ma ville, une découverte toujours recommencée, car chaque fois j'y percevais des charmes et des beautés nouvelles. Le *port*, c'était la *porte*. Pardon pour la redondance phonique mais ces deux termes ont la même étymologie

моих дядей, можно было упереться в магазин игрушек, в витринах которого выставлялась уменьшенная копия реального мира. Там однажды я совершил акт « коллаборации », когда уговорил мою бабушку купить мне вражеских оловянных солдат и мотоциклистов. Как я писал, мне нужны были эти вражеские солдаты, чтобы заставлять их в моей комнате терпеть поражение за поражением от французской армии!

Глядя прямо перед собой, я видел шляпный магазин «У Сюзетт», большой хозяйственный магазин, которым управлял друг моего отца, затем пекарню и, наконец, молочный магазин, где мне часто давали пробовать йогурты в маленьких стеклянных стаканчиках. Получается, что смотреть прямо значило смотреть в направлении огромного мира коммерции.

Глядя направо, было видно, что, конечно, мир коммерции увеличился там на 300 или 400 м, но затем взор упирался в здание великолепной мэрии, построенной в период Возрождения, которая возвышается над площадью с ее почтамтом и кафе. Я часто смотрел на здание мэрии и на впечатляющую многоцветную статую Генриха IV под аркой на втором этаже, прежде чем направиться к старой портовой улице *Рю дю Порт*, о которой мой отец рассказывал в своем романе.

Гуляя по этой улице, я всегда испытывал радость от открытия старого порта моего города, которое всегда начиналось заново, потому что каждый раз я ощущал его непередаваемые красоту и очарование. Порт (*le port*) был дверью (*la porte*). Извините за фоническую избыточность, но эти два слова восходят

grecque, *ὁ πόρος* (*o poros*) = *le passage, la voie de communication, l'entrée du port* qui donna le nom *portus, le port* en latin, ainsi que le verbe *portare*, qui donna le dérivé *porta, la porte*. Cette *porte* qu'était le *port* était ouverte sur le monde entier, un monde dont j'ignorais tout, ou presque... mais qui était déjà là en puissance.

Je reste persuadé que la nature est injuste car naître au bord de l'océan est un privilège.

Le port de la Rochelle est superbement orné par trois tours : la tour St Nicolas (à bâbord en quittant le port par la mer), la tour de la Chaîne en face. Enfin, à tribord juste après la sortie du port, la tour des Quatre sergents.

Ces trois tours ouvrent des portes de l'imaginaire, de la technique et de l'histoire :

- La tour Saint-Nicolas, du XIVe siècle est la plus grande. Une légende médiévale raconte que la fée Mélusine¹ volait au-dessus de La Rochelle en portant dans son tablier les pierres d'un château qui venait d'être détruit. Or le tablier se déchira et les pierres en tombant les unes sur les autres édifièrent cette tour. Cette tour faisait partie des fortifications et remparts que Richelieu fit détruire après le siège d'un an (1627-1628) qu'il imposa aux Rochelais et c'est sans doute pour des raisons esthétiques que le cardinal fit exception pour les trois tours.

к одному греческому слову: *ὁ πόρος* (*o poros*) = проход, вход в порт. В латыни уже появляется *portus* (порт на латыни), а также глагол *portare*, который дал производную *porta* — дверь. Эта дверь, которая была портом, была открыта для всего мира — мира, о котором я тогда ничего не знал, или почти ничего... но который уже был готов мне открыться.

Я по-прежнему убежден, что природа несправедлива, потому что быть рожденным на берегу океана — это привилегия.

Самое замечательное в порту Ла-Рошели — это его три башни: расположенные при выходе из порта напротив друг друга башня Святого Николая с Цепной башней и расположенная сразу после выхода из порта Башня четырех сержантов (или Фонарная башня).

Эти три башни открывают двери воображению, технике и истории:

- Башня Святого Николая, построенная в XIV в. — самая большая из них. Средневековая легенда гласит, что фея Мелюзина¹ пролетала над Ла-Рошелью, неся в фартуке камни только что разрушенного замка. Однако фартук порвался, и камни, падая друг на друга, сложились в башню. Эта башня была частью укреплений и валов, которые Ришелье разрушил после однолетней осады Ла-Рошели (1627-1628 гг.), и, несомненно, только по эстетическим соображениям кардинал сделал исключение для трех башен.

¹ Мелюзина // Википедия — свободная энциклопедия.
URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/мелюзина>

- La tour de la Chaîne, côté tribord quand on quitte le port par la mer, abritait le cabestan qui permettait de tendre la chaîne avec laquelle on fermait l'entrée du port au Moyen Age. Rabelais raconte que c'est avec cette chaîne qu'on attachait le bébé Pantagruel dans son berceau quand il n'était pas sage...¹
- La tour des Quatre sergents, du XIIIe siècle, (reste, elle aussi, des fortifications du Moyen-Age), porte ce nom car quatre sergents qui appartenaient au mouvement de la Charbonnerie² y furent emprisonnés : ils furent accusés d'avoir voulu renverser la Monarchie sous la Restauration. Pour cette tour il ne s'agit ni d'une légende, ni d'une invention littéraire, puisque les quatre sergents furent guillotинés à Paris en place de Grève le 21 septembre 1822.
- Цепная башня, стоящая по правой стороне при выходе в море, в Средние века венчалась шпильем, который позволял натягивать цепь, когда надо было закрыть вход в порт. Рабле писал, что именно этой цепью малыш Пантагрюэль был привязан к своей колыбели, когда плохо себя вел!¹
- Башня Четырех сержантов XIII в. (также сохранившаяся со времен Средневековья) так называется, потому что там были заключены в тюрьму четыре сержанта, принадлежавшие к движению Карбонариев², которые выступали против реставрации монархии. Их обвинили в попытке организации военного переворота. Это не легенда и не вымысел литератора, поскольку 21 сентября 1822 г. все четыре сержанта были гильотинированы в Париже на Гревской площади.

La magie du vieux port agit encore sur moi aujourd'hui chaque fois que je m'y rends : c'est à l'un des pontons de ce port, celui qui était le plus proche du monument de la Grosse Horloge, que mon père amarra ses bateaux successifs. C'est de là que nous partions pour des « virées en mer » qui me font encore rêver...

*Lamothe-Capdeville,
le 21 juillet 2020*

До сих пор, когда я там появляюсь, старый порт оказывает на меня магическое воздействие: именно на одном из понтонов этого порта, ближайшего к воротам Больших часов (la Grosse Horloge), мой отец пришвартовывал все свои лодки. Отсюда мы отправлялись в «путешествия по морю», которые до сих пор заставляют меня мечтать...

*Ламот-Кандевиль,
21 июля 2020 г.*

¹ François Rabelais, Pantagruel in Œuvres complètes, éditions La Pléiade nrf 1942, chapitre IV, p. 205.

² Карбонарии // Википедия — свободная энциклопедия.
URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/карбонарии>